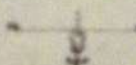

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
В ЦЕНТРАЛЬНОМ
ЧЕРНОЗЕМЬЕ
В 12 ПЯТИЛЕТКЕ**

**ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ
И СООБЩЕНИЙ**

БЕЛГОРОД • ФЕВРАЛЬ 1990

Региональный совет Центрально-Черноземных областей РСФСР
по комплексной программе Отделения истории АН СССР
«Ранние общества: взаимодействие со средой, культура и история»

Управление культуры исполкома Белгородского областного
Совета народных депутатов

Белгородский государственный педагогический институт
им. М. С. Ольгинского

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В ЦЕНТРАЛЬНОМ ЧЕРНОЗЕМЬЕ
В ДВЕНАДЦАТЫЙ ПЯТИЛЕТКЕ

Тезисы докладов и сообщений II Межвузовской
научной конференции

БЕЛГОРОД, ФЕВРАЛЬ 1990 Г.

На обложке: прорезное навершие боевого
знамени. Железо. Хотмыжское городище

БЕЛГОРОД 1990

Археологические исследования в Центральном Черноземье в двенадцатой пятилетке: Тезисы докладов и сообщений II межвуз. науч. конф., Белгород, февр. 1990 г. /Регион. совет, Упр. культуры, Белгородский пединститут; Редакт.: А. Г. Дьяченко (отв. ред.), А. Д. Пряхин, А. Т. Синюк и др. — Белгород: Белгородский пединститут, 1990. — 115 с.

Освещаются новые подходы в теории и методике исследования археологических источников, связанные с комплексным использованием морфологии, естественно-технических и математических наук; широко отражены достижения в области изучения этнокультурной и социально-экономической истории древних этнических общностей от неолита до эпохи развитого средневековья. В научный оборот вводится информация о важнейших археологических открытиях последних лет на территории Центрального Черноземья и смежных областей.

Для археологов, историков, преподавателей и студентов исторических факультетов, работников учреждений и органов культуры, краеведов, учителей.

Редакционная коллегия:

А. Г. Дьяченко (ответственный редактор), В. К. Михеев, Е. Н. Петренко (ответственный секретарь), А. Д. Пряхин, А. Т. Синюк, Б. А. Шрамко.

Печатается по решению регионального совета Центрально-Черноземных областей РСФСР по комплексной программе Отделения истории АН СССР «Ранние общества: взаимодействие со средой, культура и история» и совета Белгородского государственного педагогического института им. М. С. Ольминского.

О НАПРАВЛЕНИЯХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО СОВЕТА

В апреле 1989 г. на проведенном в Воронеже совещании археологов Центрального Черноземья было принято решение об образовании регионального Центрально-Черноземного совета по комплексной программе Отделения истории АН СССР «Ранние общества: взаимодействие со средой, культура и история» (руководитель программы академик В. П. Алексеев). Тогда же был образован президиум совета, определены структура, направления деятельности совета, образованы исследовательские группы, согласована издательская деятельность в области археологии на 1989—1992 гг.

Одной из важнейших задач в работе совета является координация исследовательского поиска в области археологии на территории областей Центрального Черноземья, осуществляемых как местными, так и центральными учреждениями и организациями, содействие развитию археологии и археологических исследований на местах.

Проведена первая научно-практическая конференция «Археологические памятники: выявление, охранное изучение и музеефикация», на которой, правда, преимущественно речь шла только об охранных археологических исследованиях на территории Воронежской области. В соответствии с планом работы совета проводится и данная научная конференция. В мае текущего года на базе Воронежского университета планируется провести конференцию «Археологическое изучение микрорайонов: итоги и перспективы». В последующие два года будут проведены еще три научные и научно-практические конференции, включая одну международную.

Решено образовать исследовательские группы по следующей тематике: развитие этнокультурных процессов на территории лесостепи в эпоху металла; юго-восточные пределы Руси по данным археологии; Средиземноморский бассейн и Африка: закономерности и особенности развития древних культур и их взаимодействие; история древних производств на территории восточно-

европейской лесостепи (на основе использования естественно-научных методов); хозяйственная деятельность человека и эволюция природной среды; новостроечные археологические исследования в областях Центрального Черноземья; реставрация и музеефикация археологических памятников Центрального Черноземья; выявление, постановка на учет, паспортизация археологических памятников и изучение археологических микрорайонов.

Из приведенной проблематики исследовательских групп явствует, что основные направления исследовательского поиска касаются археологии областей Центрального Черноземья. Но вполне понятно, что осуществляемые в рамках работы совета исследования не могут ограничиваться изучением только этих территорий. Мы будем стремиться выйти на комплексную разработку крупных исследовательских программ по изучению истории общества с производящей экономикой на территории Восточноевропейской степи и лесостепи, к разработке проблематики зарубежной археологии и древней истории. Важное значение придается разработке таких перспективных направлений в работе археологов, как экспериментальное моделирование хозяйственной жизни и быта прошлых исторических эпох, осмысление проблемы археологического изучения микрорайонов, вкладе в реализацию археологией ее социальных функций.

В самом принципе многоплановой будет издательская деятельность (подготовка монографий, сборников научных статей, научно-популярные издания). Отмечу начатую работу по подготовке справочника-словаря «Археология Центрального Черноземья», что требует координации усилий археологов, работающих как в Центральном Черноземье, так и в центральных научно-исследовательских учреждениях.

Естественно, что региональный совет делает лишь первые шаги. И данная, проводимая на базе Белгородского педагогического института научная археологическая конференция, призвана сыграть свою роль в развитии археологии Центрально-Черноземного региона.

Следует подчеркнуть, что вполне закономерен выбор места проведения конференции — Белгородский педагогический институт, — где исторический факультет, существующий немногим более десяти лет, накопил значительный опыт в развитии археологии. Здесь создана и успешно работает лаборатория археологических исследований, осуществляются раскопки и разведки как на территории Белгородской области РСФСР, так и Харьковской области УССР. Силами студентов факультета в рамках обязательной археологической

практики осуществлены раскопки ряда археологических памятников, в том числе и многослойного селища I тысячелетия н. э. Занки на Харьковщине, где вскрыто около 7,5 тыс. кв. м. культурного слоя. Начаты широкомасштабные работы по выявлению, картографированию и кодификации археологических памятников Белгородской области с использованием компьютерной техники, опубликованы 2 межвузовских сборника научных трудов по проблемам археологии Юго-Восточной Европы, изданы учебные разработки к курсу «Археология СССР». Сотрудники лаборатории Е. Н. Петренко, И. Т. Шатохин ныне работают над кандидатскими диссертациями, а руководитель институтских археологов-славистов А. Г. Дьяченко трудится над докторской диссертацией.

Авторитет устроителей конференции нашел свое выражение в представительности ее участников, заявленной тематике выступлений. Хотелось бы подчеркнуть факт участия в данной конференции целой группы ученых центральных научных учреждений, ведущих университетов и педагогических институтов страны, большой группы ученых, работающих в Левобережных районах Украинской ССР. За этим просматривается не только близость научной проблематики, наличие сложившихся научных связей и контактов, но и сама потребность в организации и проведении такого рода региональных конференций.

А. Д. Пряхин,
председатель регионального совета

ИЗМЕНЕНИЯ ПРИРОДЫ В БАССЕЙНЕ ДОНА И ВОЛГИ В ГОЛОЦЕНЕ

А. Л. Александровский

В течение голоцена в лесной и лесостепной зонах Русской равнины происходили существенные изменения биоклиматических условий различной длительности и амплитуды. С помощью палеопочвенного метода выявляются в основном длительные многовековые изменения природных условий. Основное направление развития ландшафтов и почв было обусловлено потеплением климата в первой половине голоцена и похолоданием — во второй. Почвы позднеледникового времени (переход от палеолита к мезолиту, 12—10 тыс. лет назад) представлены маломощными криотурбированными профилями с признаками гидроморфизма и отсутствием текстурной дифференциации, что характерно для современных мерзлостных областей. В раннем голоцене (мезолит, 10—8 тыс. лет назад) происходит становление современных ландшафтных зон и почвенного покрова. Под лесной растительностью формируются текстурно-дифференцированные почвы (ТДП): дерново-подзолистые и серые лесные, под степной — черноземы.

В условиях теплого климата среднего голоцена (неолит, эпоха бронзы, 8—2,5 тыс. лет назад) природные зоны заняли наиболее северное положение, а в результате позднеголоценового похолодания и увлажнения климата (РЖВ, средневековье) они сместились к югу. Реликтами среднегоголоценовой стадии почвообразования являются вторые гумусовые горизонты, палеокротовины, карбонатные конкреции. Полнопрофильные почвы среднего голоцена сохранились под курганами эпохи бронзы. Их изучение позволило выявить в зонах южной тайги и подтайги эволюцию среднегоголоценовых серых лесных почв в дерново-подзолистые; в зоне широколиственных лесов — темно-серых лесных почв в светло-серые и дерново-подзолистые; в лесостепи — черноземов оподзоленных в серые и темно-серые лесные почвы и черноземов обыкновенных в темно-серые лесные, а также черноземов южных в обыкновенные. На Среднерусской возвышенности средне-

голоценовая фаза остепнения подтверждается данными палинологии (Серебрянная, 1982).

Изучение серий погребенных почв в поймах и на берегах озер позволяет реконструировать более короткие периоды в изменениях природных условий.

В толще пойменного аллювия Оки выделяются 4 основные стратиграфически выраженные погребенные почвы. Они образовались в периоды замедленного накопления аллювия, вызванные изменениями гидрологического режима Оки за последние 6000 лет. Причиной гидрологических изменений были колебания увлажненности климата, изменения растительности, в некоторых случаях тектонические движения, а в последние столетия деятельность человека. К погребенным почвам приурочены поселения человека от неолита до средневековья. Верхняя почва (100—500 лет назад) и две нижние (2500—3300 и 4500—6000 лет назад) являются пойменными дерновыми. Образование второй сверху почвы — серой лесной (800—1800 лет назад), совпало с периодом значительного облесения бассейна Оки. В последнее время, в связи со сведением лесов и распашкой, произошло увеличение высоты паводков и количества твердого стока и на пойме накопился слоистый аллювий мощностью до 1 м. В пойме р. Сары (Ростов-Великий) залегают две погребенные почвы. Нижняя луговая формировалась в позднеатлантическое время 5—6 тыс. лет назад, верхняя в течение двух стадий: лесной (более 3 тыс. лет назад) и луговой (1,5—1 тыс. лет назад). Три периода понижения уреза отмечаются и для оз. Неро, в которое впадает р. Сара (Алешинская, 1974): 6,2—4,5; 3,3—2,7; 1,5—1,0 тыс. лет назад.

Разновозрастные погребенные почвы имеются в пойме Верхнего Дона. Одна из них, как и на Оке, — серая лесная. Почвы содержат находки времени средневековья, бронзы и неолита.

На основании приведенных данных можно построить обобщенную кривую увлажненности климата, которая хорошо согласуется с общей кривой плейстоценового ритма и с данными Мернера по климатическим колебаниям за последние 7 тыс. лет.

Начиная со средневековья, воздействия человека становятся одним из ведущих факторов изменения природной среды бассейна Дона и Волги. В лесной зоне и частично в лесостепи уже в начале II тысячелетия н. э. большие территории были распаханы, началась эрозия и деградация почв. Значительно усилились сведение лесов и распашка в последние века. В лесостепи происходит превращение многих лесных почв в черноземы, распространяются проградированные почвы, вторично-окарбоначенные и

перекрытые черноземы, смытые и намывные почвы. За последние 1000 лет на большей части региона природные ландшафты превратились в агроландшафты.

ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕСКОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Т. Ю. Аринчина

Песковский могильник (Петропавловский район Воронежской области) расположен на первой надпойменной террасе левого берега р. Получесовки, в левобережье Дона. Он насчитывает девять насыпей, две из которых нами раскопаны в 1988 году.

Курганы 1 содержал 14 погребений: одно — ямной культуры, 12 — среднедонской катакомбной культуры, одно — киммерийского времени. Насыпь кургана была сооружена в несколько приемов. Захоронения ямной культуры и киммерийского времени были совершены в ямах; погребальные сооружения среднедонской катакомбной культуры (за исключением одного) представляли собой остатки катакомбных конструкций. Овальные камеры примыкали к длинным стенкам прямоугольных шахт, как правило, в камеру вела ступенька. В ряде случаев вход перекрывался деревянными столбиками. Умершие лежали скорченно, на органической подстилке, в нескольких погребениях наблюдалась подсыпка охры.

Захоронения сопровождалась глиняными сосудами и жаровнями. В ряде случаев функции жаровен выполняли небольшие круглые мисочки, иногда с заметным сколом в районе венчика.

Помимо сосудов в катакомбных погребениях были найдены: астрагалы, бронзовые подвески в 1,5 оборота, бронзовая обкладка деревянного сосуда (сам сосуд фиксировался только по древесному тлену) и несколько окатанных речных галек, очевидно ритуального назначения.

По богатству погребального инвентаря выделяется катакомбное погребение с набором каменных орудий для изготовления стрел и заготовками стрел.

Встречено погребение в виде остатков двухкамерной катакомбной конструкции: одна из камер — кенотаф, в другой находились остатки жертвоприношения — череп и кости барана. Жертвоприношением, видимо, является и погребение женщины или подростка на ступеньке перед входом в камеру из еще одного захоронения.

Курганы 2 содержал 9 погребений: одно — среднедонской катакомбной культуры, 8 — донской лесостепной срубной культуры. Курганы были насыпаны в три приема: первичная насыпь была

совершена над катакомбным погребением, вторичные досыпки — над срубными. Срубные погребения были совершены в прямоугольных ямах, одно — основное — во вторичной насыпи — в срубе. Семь впускных погребений располагались вокруг него правильным полукругом.

Умершие лежали на левом боку, скорченно, с ориентировкой преимущественно на северо-восток; захоронения сопровождалась одним — двумя сосудами. Помимо сосудов в погребениях находились бронзовые подвески, бронзовые и серебрянные пронизки, костяное шило.

На основании полученных данных, по обрядовым признакам и характеру материалов одно погребение Песковского могильника относится к ямно-катакомбному типу (рубеж III—II тыс. до н. э.); погребения среднедонской катакомбной культуры принадлежат развитому (XVII—XVI вв. до н. э.) и позднему (XV—XIV вв. до н. э.) этапам существования культуры. Срубные захоронения относятся к началу второго этапа развития донской лесостепной срубной культуры (XIV—XIII вв. до н. э.).

ПАЛЕОПОЧВЕННЫЙ ПОКРОВ ЮГА ОКСКО-ДОНСКОЙ РАВНИНЫ И ВОЗДЕЙСТВИЕ НА НЕГО ЧЕЛОВЕКА В СРЕДНЕМ СУББОРЕАЛЕ (по материалам почвенно-археологических исследований)

А. Б. Ахтырцев

1. Совместно с археологической экспедицией Воронежского университета под руководством А. Д. Прякина изучены серии почв, погребенные под курганами-могильниками и поселениями 3—4-тысячелетнего возраста в бассейнах рр. Дона, Воронежа и Битюга. В соответствии с принятой периодизацией голоцена они относятся к его среднему суббореальному подпериоду, что синхронизируется с исторической эпохой бронзы. Первая серия палеопочв приурочена к надпойменным террасам рек, сложенных аллювиальными отложениями разного возраста и гранулометрического состава. Вторая серия — сформировалась на единой разновозрастной поверхности слабодренированного Окско-Донского междуречья, покрытой мощной толщей лессовидных тяжелых отложений, в одинаковых климатических и геолого-геоморфологических условиях. Использовался почвенно-археологический метод исследования. Наряду с погребенными изучены современные почвы, для которых палеопочвы представляют одну из предшествующих стадий их эволюции.

2. Сравнительно-географическое исследование горизонтальных хронологических почв со II тыс. до н. э. до настоящего времени показало, что состав и строение почвенного покрова на водораздельных пространствах и террасах рек существенно менялись в связи с изменением окружающей среды и влиянием хозяйственной деятельности человека.

3. На первой и второй надпойменных террасах рек в среднем суббореале в составе почвенного покрова доминировали песчаные черноземовидные малогумусные маломощные палеопочвы, черноземно-луговые супесчаные малогумусные маломощные и черноземно-влажнотеррасовые супесчаные палеопочвы.

Песчаные палеопочвы имели мощность гумусового и переходного горизонтов около 40 см (против 70 см и более у современных), содержали 0,5—0,6% гумуса в верхней части гумусового горизонта и 0,2—0,3% в нижней части переходного горизонта и соответственно 3 и 2 мг-экв/100 г обменных оснований, характеризовались кислой реакцией и низкой степенью насыщенности основаниями (62—72%).

Черноземно-луговые супесчаные палеопочвы по сравнению с современными отличались меньшей мощностью гумусового профиля (35—53 см против 70—75 см у современных) и значительно меньшей гумусированностью (0,5—0,7% против 2—2,5%). Реакция их была нейтральной, степень насыщенности основаниями составляла 80—90% при сумме их 3—4 мг-экв/100 г и величине гидролитической кислотности 0,5—0,9 мг-экв/100 г.

Высокие хорошо дренированные террасы, сложенные с поверхности лессовидными тяжелыми суглинками, подстилаемыми на глубине 2—3 м песками, были покрыты карбонатными палеочерноземами среднечерными слабозасоленными.

4. На междуречных плоскогорьях Окско-Донской низменной равнины в среднем суббореале сформировался сложный контрастный палеопочвенный покров. Главными компонентами его были лугово-черноземные карбонатные и лугово-черноземные солонцевато-засоленные палеопочвы. В комплексе с ними часто встречались черноземно-луговые солончаковые сульфатные солонцы.

Лугово-черноземные карбонатные палеопочвы характеризуются хорошо развитым почвенным профилем с отчетливо выраженным гумусовым и переходным горизонтами общей мощностью 63—72 см. Содержание гумуса в нем постепенно уменьшается с 4,2—4,7 в верхней части гумусового горизонта до 1,8—2,0% у нижней границы переходного горизонта. Состав его гуматный. Реакция слабощелочная. В составе поглощенных ос-

нований повышена доля обменного магния и присутствует в малых количествах обменный натрий. Содержание карбонатов увеличивается с глубиной от 4—8% в верхнем слое до 12—17% в горизонтах В и С. Содержание легкорастворимых солей не превышает 0,25—0,35%.

Лугово-черноземные карбонатные солонцевато-засоленные палеопочвы отличаются ясно выраженными признаками засоления и солонцеватости. По степени солонцеватости они были слабо-, средне- и сильносолонцеватыми с содержанием обменного натрия от 2—3 до 5—7 мг-экв/100 г при общей емкости катионного обмена 39—46 мг-экв/100 г. Наиболее широко распространены лугово-черноземные среднечерные палеопочвы с содержанием сульфатов 0,3—0,5% и других растворимых солей 0,05—0,25%.

Черноземно-луговые палеосолонцы ясно дифференцированы на генетические горизонты, присущие солонцовому профилю, характеризуются значительным содержанием гумуса (3,2—3,5%), щелочной реакцией. Количество обменного натрия колеблется в пределах 8—11, магния — 12—17 и кальция — 7—25 мг-экв/100 г. В горизонте максимального накопления солей сумма их достигает 0,8—0,9%, а в составе солей преобладает сульфат натрия.

5. В эпоху бронзы воздействие человека на почвы проявлялось прямо (нарушение почвенного покрова в местах поселений, сооружение курганов-могильников и снятие верхнего почвенного слоя для их насыпки, обработка почв) и косвенно (выпас скота, уничтожение естественной растительности и т. д.).

ПАЛЕОПОЧВЫ НОВОУСМАНСКОГО КУРГАНА

Б. П. Ахтырцев, А. Д. Пряхин

Новоусманский курган — один из наиболее крупных курганов на территории лесостепного Подонья. Он имел почти круглую в плане форму с основанием 60×51 м и высоту 8 м. Первоначальная насыпь мощностью 1 м была возведена над захоронением среднедонской катакомбной культуры около 4 тыс. лет тому назад. Она была незначительно увеличена при сооружении еще одного близкого по времени захоронения той же среднедонской катакомбной культуры. Новая досыпка кургана связана с совершением около 3,5 тыс. лет тому назад захоронения доново-волжской абашевской культуры. Его общая высота достигла в этот период 3 м. Остальная верхняя 5-метровая часть насыпи кургана была сооружена около 2200 лет тому назад в позднескифское время.

С тех пор до его сноса в 1988 году курган находился под покровом разнотравно-типчаковой растительности, густая корневая сеть которой распространялась на глубину 105 см.

Новоусманский курган представляет собой хорошо сохранившуюся колонку палеолоча, отражающих характерные особенности почвенного покрова рассматриваемой территории в разные временные отрезки голоцена (средний и поздний суббореал, начало субатлантического периода). Поэтому его почвенно-археологическое изучение имеет исключительно важное значение для понимания эволюции почв и окружающей среды на протяжении второй половины голоцена. По характерным почвенным признакам, присущим палеопочвам разных эпох, возможно определять возраст кургана и его отдельных частей, что представляет несомненный интерес и для археологии.

Курган расположен на четвертой надпойменной террасе р. Воронеж, и погребенная под ним почва сформировалась на лессовидных тяжелых отложениях, подстилаемых аллювиальными песками, в условиях хорошего дренажа. Эти условия типичны для высоких дренированных террас среднерусского лесостепья.

Палеопочва отчетливо дифференцирована на гумусовый (А), переходный гумусовый (AB), а также В, ВС и С горизонты и глубже подстилается светло-желтым, а затем желтовато-зеленоватым песком.

Ее гумусоватый горизонт имеет темно-серую с буроватым оттенком окраску, комковато-мелкозернистую структуру, тяжело-суглинистый гранулометрический состав (содержит 58—59,5% физической глины). В 30-см толще горизонта с глубиной уменьшается содержание гумуса с 3,7 до 2,9%, поглощенных оснований с 34 до 32 мг-экв/100 г, содержание карбонатов кальция, наоборот, увеличивается с 2,1 до 3,6%, а количество легкорастворимых солей находится в пределах 0,365—0,372%.

Горизонт АВ имеет мощность 20 см и содержит 2,3% гумуса, 30 мг-экв/100 г обменных оснований, около 10% карбонатов кальция и 0,37% растворимых солей с преобладанием в их составе сульфатов кальция и магния. Структура его комковато-зернистая с ореховатостью, гранулометрический состав легкоглинистый.

Горизонт В, мощностью 30 см, перерывтый, грязно-бурый, с многочисленными кротовинами, заполненными темно-серой почвенной массой, неоднородный, легкоглинистый. Он содержит 1,8—2% гумуса, 28—30 мг-экв/100 г обменных оснований и магния, 13,3% карбонатов кальция, 0,356—0,367% растворимых солей того же состава, что и в вышележащих горизонтах.

Глубже содержание гумуса резко уменьшается до 0,7% в переходном горизонте ВС и 0,5% в материнской породе, представленной лессовидной легкой глиной (68% физической глины) с содержанием 17—19% карбонатов кальция и 0,22% растворимых солей. Общая мощность этой толщи около 2 м. Она сменяется метровым слоем среднего суглинка и затем мощной толщей песка.

Погребенная почва характеризуется слабощелочной реакцией (рН 7,7—8,0), гуматым типом гумуса, отсутствием обменного натрия. Морфологические признаки, состав и свойства ее позволяют отнести рассматриваемую почву к палеочернозему карбонатному среднемоющему легкоглинистому.

Современные почвы на прилегающей к кургану территории представлены черноземами типичными среднегумусными (8% гумуса) с общей мощностью $A+AB=80$ см. Карбонаты отсутствуют до глубины 90 см, реакция близка к нейтральной, гумус гуматного типа.

Первоначальная насыпь мощностью 1 м образована из гумусового горизонта описанного палеочернозема и аналогична ему по составу, свойствам и морфологическим признакам. Однако содержание карбонатов кальция в ней вдвое меньше (1—2%), что, видимо, обусловлено частичным выщелачиванием их после создания насыпи.

Небольшая следующая досыпка при сооружении еще одного захоронения той же среднедонской катакомбной культуры отличается чуть большей гумусированностью (4,2% гумуса) и меньшим содержанием (до 1%) карбонатов кальция.

Досыпка абашевского времени, совершенная около 3,5 тыс. лет тому назад, содержит 4,4—3,7% гумуса, всего лишь 0,15—0,30% карбонатов кальция, 0,34—0,36% растворимых солей (в основном гипса). Величина рН в ней снизилась до 7,3. Эти изменения в составе и свойствах почвенной массы свидетельствуют об усилении процессов выщелачивания почв в абашевское и затем в позднескифское время. Последнее подтверждается особенностями состава почвенной массы верхней 5-метровой толщи кургана, досыпанной около 2200 лет тому назад.

В отличие от предыдущих слоев эта толща более гумусирована (содержит 4—5% гумуса), лишена карбонатов кальция, имеет нейтральную реакцию среды (рН 6,8—7,0). Ее однородность нарушается лишь единичными кротовинами, отдельными крупными норами и небольшими пятнами желто-бурой карбонатной глины. Исключение представляет верхняя метровая толща этой насыпи. В ней естественные процессы почвообразования

под покровом разнотравно-типчаковой растительности привели к биогенному накоплению гумуса (до 7,6% в слое 0,20 см и 4,5% на глубине 60—80 см) и карбонатов кальция. Максимум их (2,2%) приурочен к слою 30—50 см. Вверх и вниз от последнего содержание карбонатов уменьшается, исчезая полностью с глубины 90 см и в слое 0—20 см.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ СТОЯНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА И ВОПРОС О ПРИМЕНЕНИИ ДЕРЕВА В ПОГРЕБЕНИЯХ НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ДОНА В СКИФСКИЙ ПЕРИОД

В. Д. Березуцкий

Отряд археологической экспедиции Воронежского пединститута в 1984—89 гг. произвел охранные раскопки курганов у с. Ближнее Стояново Острогожского района Воронежской области (Правобережье Среднего Дона). Из 12 исследованных курганов 7 относятся к IV—нач. III вв. до н. э.

Погребальные сооружения представляют собой прямоугольные в плане ямы 2,1—3,8×2,8—4,8 м, углубленные в материк на 0,55—1,85 м. В 6 из них по углам, посередине стен и в центре имелись 8 или 9 ямок диаметром 0,25—0,6 м и глубиной 0,15—0,8 м. Имеются и без ямок: одна корытообразной, другая — прямоугольной в разрезе форм. Обращает на себя внимание тот факт, что в «столбовых» ямках каких-либо остатков деревянных столбов не обнаружено. Не зафиксированы остатки дерева на стенах погребальных сооружений, а также следы перекрытий. Вместе с тем, на полу одной из ям имелась решетчатая конструкция из досок. В другом погребении в двух ямках найдены глиняный сосуд и череп человека. Сохранились остатки деревянных ножен меча, древки стрел.

В литературе распространено мнение, что на Среднем Дону в скифский период получили развитие мощные столбовые конструкции, поддерживавшие перекрытия (П. Д. Либеров, А. И. Пузикова, А. П. Смирнов, и др.), жилищеобразные склепы с двускатной крышей (Б. Н. Граков). Основанием для такого рода выводов послужило наличие в погребениях ямок для столбов. Этого считалось достаточным для реконструкций, которые осуществлялись с учетом количества и расположения ямок, но не наличия остатков в «столбовых» ямах самих столбов. Для проверки предположения о том, всегда ли столбовые ямки использовались для установки в них столбов, был использован метод сравнения сохранности дерева в различных местах одного и то-

го же погребального сооружения. Анализ подвергнуто более половины среднедонских погребений с двумя и более столбовыми ямками. Выяснено, что в подавляющем большинстве случаев в ямках не фиксировались остатки самих столбов. Однако в этих же погребениях в различных местах погребальной конструкции отмечены остатки дерева (деревянный пол, облицовка, остатки примитивных деревянных гробов, предметы из дерева и т. д.), что является на наш взгляд надежным свидетельством отсутствия столбов в ямках с самого момента создания погребального сооружения. Выделено только 9 достоверных погребений со столбовыми ямками, в которых найдены остатки дерева. Примечательно, что если перекрытие в данном случае реконструируется, оно имело вид шатра. Во всех остальных случаях встречены перекрытия только плоские на уровне древнего горизонта.

Отсутствие во многих погребальных сооружениях Среднего Дона каких-либо следов перекрытий свидетельствует о распространении традиции устройства символического перекрытия. Не исключено, что в ряде случаев его вовсе не было. О возможности существования таких традиций свидетельствуют исследования Б. А. Литвинского на материалах подкурганных погребений I—VII вв. Западной Ферганы.

Нет оснований считать, что на Среднем Дону в скифский период получили распространение мощные столбовые конструкции, жилищеобразные склепы с двускатной крышей. В большинстве случаев столбовые ямки лишь имитировали использование столбов.

Столбовые сооружения с имитацией применения дерева и те, в которых дерево применялось, появляются на Среднем Дону одновременно самое раннее на рубеже VI—V вв. до н. э. и не имеют генетических корней в погребальных конструкциях эпохи бронзы и предскифского периода Среднего Дона. Традиция их сооружения является привнесенной, а население, оставившее их, — пришлым.

Имитация в устройстве погребального сооружения есть проявление единых идеологических воззрений (скифы, саки, носители скифообразных культур лесостепи) на принципы сооружения погребения как имитации жилища (В. С. Ольховский). На определенном этапе развития этих воззрений получили замену символические составные элементы погребальной конструкции.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ МОСОЛОВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ СРУБНОЙ ОБЩНОСТИ (сравнительный анализ керамики из построек)

В. И. Беседин

Мосоловское поселение металлургов-литейщиков является наиболее изученным памятником срубной культурно-исторической общности эпохи бронзы. К настоящему времени оно исследовано полностью, выявлено 42 постройки жилого, производственного и хозяйственного назначения. Степень исследованности и огромное количество материалов, отражающих практически все стороны жизни и производственной деятельности, делают этот памятник опорным для изучения срубных древностей. Однако до сих пор большинство вопросов рассматривалось в целом, без анализа изменений, происходивших на протяжении существования поселения, охватывавшего по меньшей мере двести лет. Основной причиной такого положения было крайне малое число данных по относительной хронологии построек и слабо выраженные тенденции изменения главного источника — керамики.

В этой связи нами была предпринята попытка выделить основные этапы развития срубного поселка путем сравнительного анализа керамических комплексов из углубленных в материк котлованов построек. Всего проанализированы материалы двадцати четырех построек. Анализ проводился по признакам, характеризующим форму сосудов, элементы и технику нанесения орнамента, наружную и внутреннюю обработку поверхностей сосудов. Были определены относительные частоты вариантов признаков по каждому из строительных комплексов. После чего попарно вычислялись коэффициенты сходства построек по признакам в отдельности и средние коэффициенты по их совокупности. По полученным данным были построены графы, отражающие взаимосвязь построек, анализ которых позволил выделить «блоки построек», керамика которых наиболее близка между собой.

Корреляция выделенных «блоков» с имеющимися данными по стратиграфии, планиграфии керамики и других массовых материалов на площади поселения позволяет наметить выделение трех этапов в развитии срубного поселка.

Выделение основных этапов развития позволяет проследить изменение планировки поселка на протяжении его существования, наметить наиболее характерные черты каждого из этапов, открывает возможности для изучения демографии населения поселка, изменений в характере хозяйственной деятельности,

включая производственные процессы, связанные с металлургией и металлообработкой.

КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК «ВЫСОКАЯ ГОРА» НА ЮГЕ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

А. А. Бойков

В течение полевых сезонов 1988—89 годов южным отрядом археологической экспедиции Воронежского пединститута начато исследование курганного могильника «Высокая Гора» у села Дьяченково Богучарского района Воронежской области в правобережье Дона.

Данный регион представляет собой пересеченную балками и оврагами оконечность так называемого Донского Белогорья с широкими водораздельными плато и глубоко врезающимися в эти плато суходолами с пологими склонами.

Такая ландшафтная ситуация соответствует пограничью лесостепной и степной природно-географических зон.

Могильник расположен на высоком водораздельном плато реки Богучарки и правого берега р. Дон. Включает шесть насыпей овальной и округло-сферической формы. К моменту раскопок насыпи были задернованы. Какой-либо системы в расположении насыпей могильника не прослеживается. Площадь, занимаемая могильником, не превышает 1,5 га.

Две исследованные насыпи показали достаточно сложную стратиграфическую картину и неоднородный характер захоронений. В первом кургане выявлено 6 захоронений, пять из которых принадлежат эпохе бронзы и одно — позднему кочевнику. Два погребения совершены в катакомбных конструкциях. Шахты и камеры сопрягаются длинными сторонами. Вход в погребальные камеры катакомб закрывался деревянными столбиками. Погребенные были положены на органические подстилки с охровой посыпкой, скорченно, на правом боку, с юго-восточной ориентировкой.

В составе погребального инвентаря — глиняный лепной сосуд, орнаментированный гребенчатыми отпечатками, защипами и отпечатками раковины улитки; курильница с отделением на крестовидной ножке, украшенная отпечатками перевитого шнура, а также остатки деревянной миски с орнаментом в виде сомкнутых в линию ромбов.

Данные погребения принадлежат раннему — развитому этапам развития среднедонской катакомбной культуры. К этой же культуре относится еще одно погребение, совершенное в прямоугольной яме с левобережной позицией умершего в северо-восточном

направлении, в сопровождении жаровни из верхней части горшковидного сосуда с валиком. По сумме признаков погребение отражает завершающий этап названной культуры.

Следующие погребения из кургана принадлежат кругу абашевских древностей. Наряду с характерным погребальным устройством и другими обрядовыми чертами (прямоугольная яма с деревянным настилом, слабо скорченная позиция с ориентировкой умершего на северо-восток, сосуды горшковидной и остро-реберной формы, металлические вещи), следует отметить в составе инвентаря ожерелье из биллоновых подвесок в форме «ракушек» и пастовых круглых бусин.

Еще одно погребение находилось на погребенной почве. Костяк лежал скорченно, на левом боку с северо-восточной ориентировкой в сопровождении бронзовых подвесок, сохранившихся фрагментарно, и роговой пряжки. Предположительно может быть отнесено к абашевской культуре.

Кочевническое погребение из кургана безинвентарно.

Второй курган по признакам устройства и содержанию представлял собой святилище на месте захоронения представителя половецкой знати.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГРУНТОВОЙ МОГИЛЬНИК БЛИЗ ЧЕРНИГОВА

Е. М. Веремейчик, В. П. Коваленко

В 1985 г. Селищным отрядом Чернигово-Северской экспедиции ИА АН УССР и Черниговского исторического музея проводились охранные исследования древнерусского поселения X—XIII вв. в уроч. Овраменков Круг, в 3 км к западу от с. Березанка Черниговского района. В ходе работ двумя раскопами (общая площадь около 2200 м²) вскрыты участки памятника на северо-западном и южном склонах «блюдцевидной» впадины, вокруг которой и располагалось поселение.

В раскопе 1 на участке, занятом в X—XI вв. постройками промыслового и хозяйственного назначения, исследован небольшой грунтовой могильник. В трех могилах из пяти (мужчина и женщина 25—30 лет, ребенок 10—12 лет) совершены захоронения в соответствии с христианской обрядностью: головой на запад или юго-запад, в неглубоких (0,05—0,25 м) могильных ямах. Антропологические исследования, проведенные П. М. Покасом (ИА АН УССР), свидетельствуют, что типологически черепа из

этих погребений сходны с древнерусскими черепами из других могильников Подесенья.

Погребение № 1 содержало скелет мужчины 25—30 лет, лежащего на правом боку головой на восток вдоль южной стенки ямы (2,60×1,75 м, глубина 0,1 м от материка). В ногах у погребенного лежал череп барана.

Наибольший интерес представляет погребение № 2. В могильной яме 3×1,80×0,75 м обнаружены остатки трех костяков. Один из них, захороненный самым первым (женщина 45—50 лет), сдвинут в западную часть ямы и находился в переотложенном состоянии. Второй (мужчина 40—45 лет) был погребен сидя на останках предыдущего, а третий (женщина 20—25 лет) — лежа на спине, между ног второго, головой на юго-запад, со сложенными на груди руками. У правого бедра двух последних погребенных обнаружены большие ножи с остатками деревянных рукояток. Судя по наличию в заполнении могильной ямы железных гвоздей, погребения были совершены в деревянном гробу.

Аналогии погребениям № 1 и № 2 не известны в синхронных древностях Подесенья. Групповые погребения в грунтовых ямах с переотложенными костяками достаточно широко (45 погребений) представлены на могильнике Саркела-Белой Вежи. Распространен был такой обряд и в салтовской культуре. Погребения с восточной ориентацией известны в это время у половцев и балтов.

Череп из погребений № 1 и № 2 сохранились плохо, но все же заметно, что они резко отличны от серий как Чернигова, так и его округи. Они брахикранны, широконосы, широколицы. Череп молодой женщины из погребения № 2, имеющий наилучшую сохранность, типологически сходен, по мнению П. М. Покаса, со средневековыми черепами из грунтовых могильников степи (Каиры, Каменка, Благовещенка) и городов Крыма (Судак, Керчь).

Таким образом, несмотря на небольшое количество погребений и малочисленность антропологической серии, могильник у с. Березанка представляет заметный интерес. Его материалы свидетельствуют о значительном разнообразии этнического состава населения черниговской округи, в том числе и сельского. Вероятно, это связано с наличием здесь княжеских сел, известных по данным летописей. Появление в окрестностях Чернигова комплексов типа погребения № 2, возможно, связано с переселением в 1117 году беловежцев на Русь или с находившимися на службе черниговских князей ковуями.

СЛАВЯНЕ В ЛЕСОСТЕПНОМ ПОДОНЬЕ (итоги исследования)

А. З. Винников

Исследование памятников донских славян, известных в литературе как памятники боршевской или роменско-боршевской культуры, проведенное П. П. Ефименко, П. Н. Третьяковым, А. Н. Москаленко, позволило выявить границы расселения донских славян, определить в общих чертах их хронологию, основные черты погребального обряда, ведущие направления хозяйственной деятельности, наметить территорию, откуда шло заселение славянами данного региона. Проведенные за последние 15 лет археологические исследования в лесостепном Подонье значительно расширили источниковую базу, что дало возможность совершенно по-иному посмотреть не только на культуру донских славян, но и на те исторические процессы, которые протекали в последних веках 1 тыс. н. э. на восточной и юго-восточной окраине славянского мира. Особенно нужно отметить раскопки городищ и могильников, расположенных на р. Воронеж.

Эти работы позволили поставить вопрос о неоднородности культуры донских славян и выделить два локальных варианта: Среднедонской и Верхнедонской (р. Воронеж). Различие между этими двумя районами проявляется по многим параметрам. При наличии общих черт, характеризующих жилища донских славян в целом, намечаются и некоторые различия: преобладание на Верхнем Дону жилищ каркасно-столбовой конструкции, а на Среднем Дону срубные и каркасно-столбовые встречены в одинаковой пропорции; около 60% печей Животинного городища сооружены на материковом основании, на Среднем Дону таких печей очень мало; на Среднем Дону в отличие от Животинного городища совершенно нет хозяйственных и предпечных ям в жилищах и т. д. Есть некоторые отличия и в хозяйственной деятельности славянского населения этих двух регионов.

Существенные отличия выявлены и в погребальном ритуале. На Среднем Дону, как известно, один могильник — Боршевский, — для которого характерен стабильный погребальный обряд: деревянные камеры и оградки, образующие единую конструкцию. На р. Воронеж имеется несколько могильников, каждый из которых связан с конкретным поселением. Деревянные камеры выявлены в крайне незначительном числе курганов и представляют собой исключительно упрощенную конструкцию по срав-

нению с боршевскими. В целом для воронежских могильников характерно разнообразие вариантов погребального обряда: захоронения в восточной половине на погребенной почве; вторичный обжиг кальцинированных костей на месте захоронения; трупосожжение на месте захоронения; трупосожжение в камерах; погребения в камерах. Кроме того, здесь встречены погребения в подкуранных ямках и бескуранные погребения в ямке.

Эти различия в погребальном обряде связаны с историей формирования этнических групп в этих двух районах. Основу населения Среднего Дона составили славяне из бассейна Верхней Оки, которые обладали устойчивым погребальным обрядом и частичное переселение которых произошло не ранее середины IX в. Берега Воронежа были освоены славянами — выходцами из Днепровского Правобережья в конце VIII—IX вв. Какие-то группы населения проникли сюда в X в. из Днепровского Левобережья. Во второй половине X в. на р. Воронеж переселились и отдельные группы алано-болгар и славян со Среднего Дона.

Исследование памятников донских славян позволило более конкретно поставить вопрос об их связях с алано-болгарским миром. Имеющиеся материалы свидетельствуют, что эти контакты в бассейне Дона не могли наступить ранее VIII в., когда на юго-востоке Восточной Европы сформировались две этнические группировки: алано-болгарская (салтово-маяцкая культура) и славянская. Контакты эти носили разнообразный характер. В процессе торговли донские славяне восполняли недостающий ассортимент украшений и орудий труда. Культурные связи этих двух народов выразились во взаимном обогащении отдельными производственными навыками. Отношения славян и населения салтово-маяцкой культуры носили дружественный характер, что выразилось в их совместном проживании на одних поселениях.

На основании новых материалов, полученных главным образом в процессе раскопок Животинного городища, представляется возможным датировать памятники донских славян VIII—нач. XI вв. В связи с обозначившейся некоторой неоднородностью культуры донских славян, несколько иначе представляется и решение вопроса о племенной принадлежности. На Среднем Дону это, как считало ранее большинство исследователей, вятичи, а на р. Воронеж картина довольно пестрая и сложная для того, чтобы назвать какое-то конкретное славянское племя, здесь обитавшее.

ИССЛЕДОВАНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В ВЕРХОВЬЯХ Р. ВОРСКЛЫ В 1989 Г.

С. И. Воловик

1. Археологическая разведка проводилась с июля по ноябрь 1989 г. Ее маршрут проходил по левому берегу р. Ворсклы от г. Грайворон до с. Кустовое и по правому берегу от г. Грайворон до с. Хотмыжск. Изучались поселения в пойме и на первой надпойменной террасе. Всего обследовано 17 поселений, из них 9 обнаружены впервые.

2. Главной задачей был поиск перспективных для раскопок поселений малобудковского этапа бондарихинской культуры. В связи с этим было обследовано восемь поселений, обнаруженных здесь в 50-е годы А. Ф. Евминовой. Почти все они, в той или иной степени, подверглись разрушениям песчаными карьерами, оказались под современной застройкой или сосновым лесом.

Наиболее перспективным для раскопок оказался комплекс поселений «Междуречье», который находится на северной окраине пос. Борисовка, на левом берегу Ворсклы. Он состоит из трех поселений, занимающих в длину с севера на юг более километра. Два из них располагаются на дюнах, одно на склоне первой надпойменной террасы. Первое поселение, расположенное на южной дюне, имеет высоту около 3 м. Здесь А. Ф. Евминова отмечает находки неолита, катакомбной и бондарихинской культур. Причем среди бондарихинской керамики присутствует и малобудковская. Нами здесь был заложен разведочный шурф площадью 2 м². В нем прослежена следующая стратиграфия: 5 см — дерн; 5—55 см — культурный слой; 55 см и далее — материк. В этом же шурфе совместно с керамикой собственно бондарихинской культуры была обнаружена железная булава с завитой головкой, датирующаяся IX—VIII вв. до н. э. Здесь же А. Ф. Евминова при разведках обнаружила железную гвоздевидную булаву.

В 300 м к северу от вышеописанной дюны располагается еще одна дюна диаметром 90 м и высотой 3 м. На ней обнаружена в небольшом количестве неопределенная керамика. Эта возвышенность является перспективной в плане поиска на ней могильника.

Третье поселение находится на первой надпойменной террасе. Оно начинается у последних домов северной окраины пос. Борисовка и тянется параллельно трассе Белгород—Борисовка на 300 м. Его ширина 80 м. Часть этого поселения находится под фермой и сосновым лесом. Здесь удалось обнаружить сруб-

ную, бондарихинскую и малобудковскую керамику. Кроме керамики была обнаружена зернотерка.

3. Дальнейшее изучение левого берега р. Ворсклы привело к обнаружению погребения пеньковской культуры. Оно было найдено на дюне в пойме реки Ворсклы, в 500 м к западу от села Луговка Грайворонского района. Дюна имеет длину 180 м, ширину 100 м и высоту 1,2 м. Ее центральная часть уничтожена карьером. В нем прослеживаются слои срубной и пеньковской культур, разделенные стерильной прослойкой. Погребение обнаружено при зачистке западной стенки карьера. Оно, очевидно, было совершено по обряду кремации, но кальцинированные кости отсутствуют. В погребении был обнаружен биконический горшок, стоявший вверх устьем, рядом с ним находились куски керамики и маленький культовый сосудик. Здесь же прослежены вкрапления углей. Все это было накрыто большим куском стенки массивного горшка. Яма прослеживалась плохо, но судя по расположению керамики ее диаметр был не более 40 см, а глубина от уровня современной поверхности 60 см.

Таким образом, здесь мы имеем дело или с погребением по обряду кремации, или с кенатофом. Дальнейшие исследования на этой дюне могут привести к открытию новых погребений на уцелевшей части дюны.

4. В итоге проведенной работы на исследуемой территории удалось обнаружить и обследовать 17 поселений, 11 из которых в большей или меньшей степени попорчены песчаными карьерами. Выявленные поселения отражают жизнь древних людей на этой территории от неолита до средневековья. Семь поселений являются многослойными. Интересно отметить наличие на этой территории поселений с керамикой КМК (Головчино-1 и Грайворон-2).

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ МЕТАЛЛИЧЕСКОГО ИНВЕНТАРЯ ПОГРЕБЕНИЯ ВОИНА-КОЛЕСНИЧЕГО ИЗ КОНДРАШКИНСКОГО КУРГАНА

А. Д. Дегтярева

Интересные результаты дало аналитическое исследование металлических изделий, происходящих из погребения воина-колесничего абашевской культуры Кондрашкинского кургана (раскопки А. Д. Пряхина, Г. А. Левых, Ю. П. Матвеева, В. И. Беседина, 1989 г.). Все семь изделий — вислообушный топор, тесло,

наконечник копья, нож, три скобы были подвергнуты микрорентгеноспектральному, микроструктурному анализам, а четыре изделия — топор, наконечник копья, тесло, одна скоба — микрорентгеноструктурному исследованию. Анализы проведены в лаборатории естественно-научных методов кафедры археологии и истории древнего мира Воронежского университета и металлографической лаборатории одного из предприятий г. Воронежа.

Микрорентгеноспектральный анализ показал, что все изделия изготовлены из металлургически «чистой» меди. Четыре предмета — топор, наконечник копья, тесло, нож имеют примесь железа в составе в пределах 0,6—1%. В структуре всех изделий обнаружены включения сульфидов меди. Микроструктурное исследование выполнено на металлографическом микроскопе ММР12, микротвердость измерена на микротвердомере ПМТ-3.

Проведенное металлографическое исследование позволило восстановить технологию изготовления металла погребального комплекса, которая может быть сведена к двум технологическим схемам: ковка литого полуфабриката со степенями деформирующего воздействия 50—80%, литье с незначительной подработкой лезвийной кромки. Из семи изделий только два — топор и тесло — получены литьем, остальные пять — наконечник копья, нож и три скобы — отформованы из соответствующих литых полуфабрикатов ковкой.

Вислобушный топор был отлит в двусторонней литейной форме со вставным вкладышем. После отливки оружие было подвергнуто минимальным доработочным операциям, которые выразились в холодной проковке кромки лезвия топора после предварительного нагрева только рабочей части. Ковка была направлена на заострение лезвия с приложением незначительных степеней обжатия металла порядка 40—50%. Особенности технологии изготовления топорика — литье с незначительной проковкой кромки лезвия, в то время как эта категория орудий обычно подвергается после литья значительным деформирующим воздействиям, отсутствие на поверхности топорика следов использования в рабочем состоянии — свидетельствуют об использовании этого изделия вероятнее всего как боевого ударного орудия. Аналогичные боевые топоры известны по материалам петровских памятников, которые были выделены Н. А. Аванесовой в тип А и классифицированы как боевое наступательное оружие.

Тесло изготовлено по подобной технологической схеме. Оно отлито в односторонней с плоской крышкой литейной форме. После отливки лезвийная кромка была прокована по холодному ме-

таллу со степенями деформирующего воздействия 80—90%. Доработка была направлена на заострение лезвия.

Технологическая схема изготовления наконечника копья сводилась к предварительной отливке пластины подтреугольной формы, а затем ее формовке с использованием ряда кузнечных операций — свертывания втулки на округлой оправке, пробивки отверстий по краю втулки, сварки двух сторон пластины вдоль нервюры, вытяжки, плющения лезвийной части на наковальне с желобком для получения ребра жесткости. Свертывание втулки, сварка и пробивка отверстий производилась при высоких температурах (600—800°), в то время как плющение и заострение лезвия пера с его одновременным упрочнением протекали в режиме неполной холоднойковки (200—450°). Микрорентгеноструктурное исследование показало, что в районе втулки имеются лишь микронискажения кристаллической решетки, т. е. втулка практически не испытала деформирующего воздействия. В то же время обжатие металла в районе пера было очень существенным и достигало 90—100%.

Три скобы изготовлены ковкой пластин-заготовок. Кузнечные операции производились при температурах порядка 450—550°.

Технология изготовления металлического инвентаря погребения воина-колесничего Кондрашкинского кургана характеризуется достаточно устойчивыми и единообразными навыками металлообработки — использованием для получения изделий в качестве сырья меди (причем, выплавленной из сернистых руд), кузнечной формовкой изделий из литых полуфабрикатов-заготовок, форма которых существенно отличалась от конечных орудий, производством кузнечных операций преимущественно при низких температурах, в интервале 200—450°. Навыки и приемы получения полностью литых изделий достаточно отработаны не были. Мастера-литейщики могли получить отливки топоров и тесел достаточно плотные и точные, с чистой поверхностью, но литье наконечников копий с тонкой сплошной втулкой было труднодостижимым, видимо, из-за сложности центровки вкладыша и значительной длины самого изделия.

К ВОПРОСУ О ПОДКУРГАННЫХ ЗАХОРОНЕНИЯХ ПЕРИОДА ЭНЕОЛИТА — РАННЕЙ БРОНЗЫ В ЛЕСОСТЕПИ ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ

А. В. Дмитриев

Полевые исследования последних лет существенно расширили источниковую базу изучения погребальных памятников конца IV — начала II тыс. до н. э. на территории Левобережной лесостепи и позволили уточнить, а в ряде моментов и пересмотреть

реть традиционные представления о развитии населения этого региона в конце энеолита — начале эпохи бронзы.

С учетом ведущих признаков погребального обряда — устройства погребального сооружения, позиции погребенного и его ориентировки, наличия и распределения ритуальных воздействий и сопровождающего инвентаря выделены 10 обрядовых групп (ОГ).

1-я ОГ — захоронения в овальных в плане ямах без следов перекрытия, с покойниками, уложенными вытянуто на спине головой на С. Характерна интенсивная окраска костяков и дна могильных ям красной охрой. Инвентарь встречен в одном случае. Учтено 4 погребения, все — основные под насыпями. 2-я ОГ — погребения в прямоугольных ямах, с покойниками, уложенными вытянуто на спине и ориентированными головой на В или СВ. Характерна окраска костяков охрой. Погребальный инвентарь, как правило, отсутствует. Учтено 22 захоронения (19 основных, 3 впускных). 3-я ОГ — захоронения в овальных или прямоугольных ямах, чаще без перекрытия, с костяками, уложенными вытянуто на спине и ориентированными головой в западном секторе круга. Устойчивым обрядовым признаком следует считать наличие растительной подстилки. Окраска охрой встречена в 20% погребений. Инвентарь, как правило, отсутствует. Учтено 13 подобных захоронений (10 основных, 3 впускных). 4-я ОГ — захоронения в прямоугольных ямах с деревянными перекрытиями, с покойниками, уложенными скорченно на спине и ориентированными головой на С. Наблюдается интенсивная окраска охрой с концентрацией последней в области черепа и стоп ног покойника. Учтено 19 погребений (15 основных). Погребальный инвентарь встречен в 2 случаях. 5-я ОГ — погребения в прямоугольных ямах с бревенчатыми накатниками, с покойниками, уложенными скорченно на спине головой на В или СВ. Характерна окраска тела погребенного красной охрой. Инвентарь, как правило, отсутствует. Учтено 17 захоронений, из которых 13 основных. 6-я ОГ — захоронения с покойниками, уложенными скорченно на спине и ориентированными на Ю. Характерны растительная подстилка и окраска костяков охрой. Погребения в большинстве случаев безинвентарны. Учтено 9 захоронений (3 основных и 6 впускных). Все основные погребения совершены в овальных ямах с деревянными перекрытиями; впускные в прямоугольных ямах без следов перекрытий. 7-я ОГ — погребения в прямоугольных ямах с деревянными перекрытиями, с покойниками, уложенными скорченно на спине и ориентированными головой на З с возможными отклонениями. Обязательно наличие расти-

тельной подстилки и окраска костяка охрой. Инвентарь, как правило, отсутствует. Учтено 39 захоронений (17 основных). 8-я ОГ — погребения в прямоугольных ямах, с покойниками, уложенными скорченно на правом боку и ориентированными головой на С, СВ, В. Остатки перекрытий зафиксированы в половине случаев. Правильно следует считать окраску костяков охрой.

Инвентарь в большинстве случаев отсутствует. Из 52 захоронений этой группы 20 были основными. 9-я ОГ — погребения в прямоугольных ямах с деревянными перекрытиями, с покойниками, уложенными скорченно на правом боку, головой преимущественно на З. Окраска костяков охрой обязательна, в трети захоронений отмечена растительная подстилка. Инвентарь зафиксирован в 20% погребений. Учтено 42 захоронения, из них 14 — основные. 10-я ОГ — погребения в овальных или прямоугольных ямах, с покойниками, уложенными скорченно на левом боку. Ориентировка не стабильна. Охра локализуется в области головы и стоп ног погребенного. Инвентарь, как правило, отсутствует. Учтено 34 погребения, из них 9 — основные.

Стратиграфическое соотношение погребений различных обрядовых групп позволяет установить, что древнейший хронологический горизонт составляют захоронения 1—3 ОГ. В свете существующих представлений они должны рассматриваться как погребальные памятники «доямного» населения Лесостепи (Ковалева, 1979; Телегин, 1987). Второй хронологический горизонт составляют погребения 4—7 ОГ, соотносимые с ранним периодом древнеямной общности. Следует отметить случаи предшествования захоронений 4—7 ОГ захоронениям 1—3 ОГ, что может рассматриваться как свидетельство кратковременного сосуществования обоих массивов населения. К 3-му хронологическому горизонту отнесены погребения 8—9 ОГ и позднейший хронологический пласт составляют захоронения 10 ОГ.

Картографирование привлеченных памятников показывает, что захоронения — 3-й, 7-й и 9-й обрядовых групп концентрируются в основном в бассейне р. Ворсклы, тогда как погребения 1-й, 2-й, 4—6-й и 8-й обрядовых групп территориально тяготеют к бассейну Северского Донца.

Таким образом, в пределах Левобережной лесостепи намечается два локальных варианта древнеямной общности — ворсклинский и северскодоонецкий. Локальные особенности, проявляющиеся в памятниках 1-го хронологического горизонта, свидетельствуют об участии автохтонного населения в процессе формирования локальных вариантов древнеямной общности.

ХОТМЫЖСКОЕ ГОРОДИЩЕ

А. Г. Дьяченко

Хотмыжское городище, состоящее из детинца, окольного города и посада малонизвестного науке древнерусского города Хотмыжска, находится на южной окраине с. Хотмыжск Борисовского района Белгородской области на мысовом всхолмлении правого берега р. Ворсклы. Высота поселения над уровнем реки 50—70 м и более.

Первые из дошедших до нас описаний памятника были выполнены в 1639 г. московскими чертежниками в связи с основанием на его месте жилого города и крепости Хотмыжск — одного из крупных опорных пунктов на юго-западном фланге Белгородской черты. Позже городище неоднократно обследовалось (Н. И. Ляпушкин, А. Ф. Евминова, И. Г. Охрименко, А. В. Кашкин), однако никогда не служило объектом специального изучения. В начале 80-х гг. к исследованию Хотмыжского археологического комплекса приступила Славяно-русская археологическая экспедиция Белгородского педагогического института.

Детинец занимает мысовую стрелку треугольной формы размерами 50×70 м. Склоны от реки достигают крутизны 35—40°, со стороны плато они равномерно выполаживаются до 22°. Сниженный конец стрелки отрезан рвом глубиной около 12 м. Второй ров глубиной до 6 метров отделяет стрелку от остальной части мыса (приблизительно 100×200 м), на которой располагался окольный город. Согласно «Росписи Хотмыжскому городищу» 1639 г., последний был укреплен рвом длиной 25 сажен и с напольной стороны.

В середине XVII в. по периметру детинца и окольного города имелись высокие земляные валы. «Строельная книга города Хотмыжска» 1640 г., в частности, сообщает, что его деревянные оборонительные конструкции были поставлены «...воблом тыном по старой осыпи...». К настоящему времени сильно оплывший вал высотой до 2,5 м с воротным проемом в центре сохранился лишь на детинце со стороны окольного города. Вал последнего практически полностью разрушен.

Из письменных источников явствует, что в Хотмыжске был устроен тайник к Ворскле и колодец. След колодца хорошо прослеживается и сегодня в виде большой ямы глубиной около 4 м на площадке детинца близ въезда.

Посад простирался вдоль края берегового плато в длину больше чем на версту и в ширину на полверсты (ЦГАДА, ф. 210, ед. хр. 113, л. 28).

В контур раскопа 1983 г., заложенного на детинце, попали оборонительная линия и непосредственно прилегающие к ней участки оконечности стрелки. Как и следовало ожидать, учитывая характер подъемного материала, городище оказалось многослойным. Культурный слой на большей части вскрытой площади перемешан. Отложения с нарушенной стратиграфией удалось зафиксировать только на небольшом участке (2 А) благодаря тому, что они были перекрыты мощным глинистым шлейфом из оплывшего вала. Здесь установлена следующая последовательность напластований: первый (верхний) слой толщиной 0,3—0,4 м относится к позднесредневековому и древнерусскому времени; второй (мощностью 0,2—0,7 м) — к роменскому. В нижней части этого слоя встречены единичные фрагменты керамики бронзового века. Под вторым слоем местами прослежена тонкая прослойка погребенной почвы.

Строительные комплексы верхнего слоя представлены тремя почти параллельными ровиками, идущими вдоль края площадки. Ширина ровиков 0,4—0,6 м, глубина 0,4—1,5 м, расстояние между ними 0,2—0,6 м, однако на отдельных участках они соприкасаются. Ровики, несомненно, были выкопаны для установки бревен стоячего острога XVII в., а их количество точно соответствует числу известных перестроек крепости (1640 г.; 1650 г.; перед 1678 г.). Прослежены также остатки опорных столбов «кроватей», место рубленой глухой башни на конце стрелки и несколько хозяйственных ям. Находки этого времени — керамика, гвозди, гутное стекло, монеты и др.

К древнерусскому периоду с уверенностью можно отнести только высыпку из камней песчаника с северного края (ширина 2—3 м), которой, вероятно, был укреплен от размыва склон вала. В коллекции выступают преимущественно предметы домашнего обихода и украшения: ножи, кресала, замок, шильце, фрагменты стеклянных браслетов, бусы, шиферные пряслица и пр. Керамика в массе характеризуется развитыми формами, бытовавшими преимущественно в XII — середине XIII вв. Клейм немного и все они простого рисунка.

В роменском слое зафиксированы следы местной добычи железа и плавки бронзы. Среди индивидуальных находок преобладают заготовки и изделия из кости и рога. Обнаружены ножик-резец по кости, бронзовая трапециевидная подвеска, фрагмент серебряной гривны. Лепная керамика повторяет типичные роменские формы, она разнообразно орнаментирована. Часть сосудов изготовлена на вращающейся подставке. Обломки посуды этой группы встречены также на территории окольного города и посада.

Вероятнее всего, роменским населением оставлен и курганный могильник (27 насыпей), находящийся в урочище Томаров лог. Насыпи в диаметре 6—11 м, высота 0,2—1,5 м.

Хотмыжское городище являлось, безусловно, одним из крупнейших и хорошо защищенных поселений на юго-востоке Руси как в VIII—X вв., так и в более позднее время, когда на месте роменского поселка здесь возник большой древнерусский город. Уже в этом отношении оно представляет значительный научный интерес и требует поэтому планомерного и всестороннего изучения.

МЕЛЬГУНОВО-3 — МНОГОСЛОЙНЫЙ ПАМЯТНИК В ВЕРХОВЬЯХ ДОНА

Ю. Г. Екимов

Южные и юго-восточные черноземные районы Тульской области, представляющие собой северную периферию лесостепи, до настоящего времени в археологическом отношении изучены крайне неравномерно как в территориальном, так и в культурно-хронологическом плане.

Наименее исследованным периодом для этого региона, как и для Тульской области в целом, является эпоха бронзы. До настоящего времени здесь не было ни одного изучавшегося раскопки памятника. С 1989 г. экспедиция Тульского областного краеведческого музея приступила к проведению стационарных исследований на расположенном в верхнем течении Дона многослойном поселении Мельгуново-3, занимающем участок первой надпойменной террасы правого берега, у одноименного села. Наряду с материалами эпохи бронзы культурный слой содержит находки древнерусского времени и позднего средневековья.

Перед началом раскопок на участке поселения на площади в 1000 кв. м были проведены геофизические работы, позволившие выявить ряд аномалий. Как оказалось впоследствии, эти аномалии четко соотнеслись с постройками древнерусского поселка.

С древнерусским временем связаны остатки двух полуземлянок, углубленных в материк до 1 м, и одной наземной постройки. Материал представлен гончарной керамикой с волнистым и (реже) линейным орнаментом; предметами из металла (железные топоры, втульчатый багор, серп, ключ от цилиндрического замка, бронебойный наконечник стрелы и пр.); кости (двушипный наконечник стрелы, накладка на ручку ножа, ложило); глины (пряслица, рыболовное грузило, ручка-сковородник с орнаментом и др.). Интерес представляет находка частей чугунного

котла с ушками на очаге в наземной постройке. Поселок, относящийся, судя по керамике, к концу XIII—XIV вв., был оставлен жителями ввиду какой-то внешней опасности, но в относительно спокойной обстановке (отсутствие развалов сосудов, наличие вещей только поломанных или утерянных) где-то в третьей четверти XIV в. Об этом свидетельствует находка золотоордынской монеты хана Джанибека, чеканенной в 1342—43 гг. Факт оттока русского населения с этой территории является, вероятно, следствием дестабилизации обстановки в Золотой Орде, возникновения междоусобиц и новой волной походов на Русь.

Поселок эпохи бронзы занимал участок террасы размером 150×65 м. Основным источником для его культурно-исторической оценки является керамика. Основную ее массу можно разделить на две группы: абашевскую и, существенно преобладающую, срубную. Керамика первой группы представлена фрагментами сосудов колоколовидной формы (горшки и банки), банками с массивным верхом и без расширения вверх, остросеребряными сосудиками. В тесте примесь ракушки, иногда — ракушки и шамота. Орнаментированы абашевские сосуды горизонтальными прочерченными линиями и фестонами, ограниченными боковыми вдавлениями; оттисками крупно- и мелкозубчатого штампа, образующими зигзаги, ромбы, «елочку»; округлыми полыми ямками; гусеничными вдавлениями и зашипами. Во второй группе (срубной) присутствуют сосуды как с явными абашевскими традициями (сохранение колоколовидности, широкие беспорядочные расчесы поверхностей, орнаментальные мотивы), так и уже полностью утратившие их. Среди последних выделяются хорошо профилированные горшки, крупные остросеребряные сосуды, закрытые и открытые банки, чашки. Орнаментация уже традиционно срубная: каплевидные и вытянутые вдавления, горизонтальный зигзаг, треугольники, кресты, пальцевые вдавления. Значителен процент неорнаментированной керамики. В качестве отощающей примеси к глине использован шамот и песок, иногда — крупная известняковая крошка. Хронологически с этими двумя группами керамики можно связать и небольшое число фрагментов сосудов поздняяковской культуры, орнаментированных «жемчужинами», группами округлых ямок и сложными композициями из них и оттисков веревочного и зубчатого штампов. В глине примесь шамота и дресвы.

Судя по наличию абашевской керамики и характерным чертам срубной, свойственным для ранней стадии донской лесостепной срубной культуры (по периодизации А. Д. Прякина и Ю. П. Матвеева), поселок эпохи бронзы в основном можно датировать серединой — третьей четвертью II тыс. до н. э.

Особый интерес изучению этого поселения бронзового века придает наличие на нем свидетельств бронзолитейного производства. С небольшой площади получено 15 фрагментов одно- и двухпредметных литейных форм для отливки вислобушных топоров, тесла, прутьев (возможно — заготовок для браслетов) и крышек к ним. Присутствуют обломки плавильных чаш из дна крупных срубных сосудов, оплакованная керамика, шлаки. На наличие ювелирного производства указывает находка миниатюрного тигля с каплями запекшегося металла.

Поселение Мельгуново-3 дало, хотя и небольшие, свидетельства заселенности этого района и на финальной стадии бронзового века (XII—IX вв.). Встречены фрагменты толстостенных сосудов с массивными наленными валиками, расчлененными насечками, и керамика бондарихинского типа с обычными для этой культуры вдавленными округлой или плоской палочки, образующими выуклины на внутренней стороне стенки.

Материалы эпохи бронзы поселения Мельгуново-3 позволяют связать его в культурном отношении с районами Среднего Дона и рассматривать как один из наиболее северных памятников периода поздней бронзы лесостепного Подонья.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДРЕВНЕГО КУРСКА

В. В. Енуков, Н. А. Тихомиров

Летописные сведения о начальном этапе существования Курска отрывочны и скудны. Долгое время считалось, что первое упоминание города относится к 1032 г. Однако недавно В. И. Склиарук убедительно доказал, что события, отраженные в летописи, могли иметь место не ранее 1036 г. (Склиарук В. И., 1988). В этих условиях особую важность приобретают данные археологии. В 1988 г. на территории Курского городища впервые были проведены раскопки.

Городище расположено на мысу при слиянии рр. Тускари и Кура. По данным геобурения мыс имел крутые, обрывистые края. От западной части городища было отделено рвом, который в настоящее время засыпан. Его ширина достигала 20—25 м, глубина — 15 м от уровня современной поверхности. Площадка городища имела, таким образом, размеры приблизительно 250×250 м.

Весной 1988 г. на территории городища (ул. Сонина) велись строительные работы. В борте траншеи был обнаружен переотложенный культурный слой с круговой керамикой домонгольско-

го времени. В его основании находилась постройка, врезавшаяся в материк на глубину 0,15 м. В ее нижней части была найдена керамика роменского времени.

В 70 м к востоку от отмеченной постройки был заложен раскоп площадью 83 кв. м. Под будыжной мостовой и слоем перекопа открылись напластования древнерусского времени толщиной 0,2—0,3 м. Они представляли собой темный гумусированный грунт с фрагментами керамики, глины, железными предметами и другими находками XI—XII вв. На фоне слоя своим заполнением выделялась постройка. Ее ширина составляла 3,8 м, глубина — более 5 м (края уходили за пределы раскопа). В разрезе постройка имела подпрямоугольную форму. По стенкам и полу шел сплошной горелый слой. Нижняя и верхняя части заполнения отличались по составу грунта. Между ними прослеживалась граница, в ряде мест представлявшая собой древесный тлен. Под постройкой, в юго-западной части, отмечено корытообразное углубление с зolistым заполнением.

В заполнении постройки было найдено более двух десятков браслетов из стекла, бронзовый шарообразный бубенчик с шелевидной прорезью, поделки из кости, среди которых были накладка одностороннего гребня и обломок свистка, шиферные пряслица, бусы и другие предметы. По сочетанию находок дата постройки — середина XII в.

К юго-востоку от постройки параллельно по отношению к ней шла канавка, вероятно, от забора. Между постройкой и забором, в культурном слое были найдены остатки двух человеческих скелетов. Скопление костей было ориентировано по линии запад—восток. В западной его части находился череп, к нему в беспорядке примыкали кости скелетов, однако наиболее крупные из них были приложены к черепу по линии запад — восток.

В основании культурного слоя были обнаружены остатки фортификационных сооружений. С запада на восток проходил ров, склон которого в пределах раскопа доходил до глубины 1,9 м от уровня материка. По краю рва шел частокол из бревен диаметром 0,5—0,6 м. Бревна были сегментовидными в сечении, плоской стороной обращены внутрь городища. В частоколе имелся проем, который использовался, вероятно, как один из въездов на городище. В этом месте был прослежен деревянный настил.

Полученные данные позволяют сделать некоторые выводы, касающиеся раннего периода существования Курского городища. Оно возникает в роменское время, по крайней мере не позднее X в. Жизнь на городище продолжается и в XIV, о чем в пер-

вую очередь свидетельствуют находки из заполнения рва. Вероятно, с этим временем связаны исследованные укрепления. К середине XII в. старые фортификационные сооружения были снесены, а ров был засыпан культурным слоем, взятым с городища; новые укрепления перенесены севернее. С этим периодом существования Курска связывается постройка со сложной стратегией. Напластования более позднего времени отсутствуют. Вероятно, верхняя часть культурного слоя была срезана и использована при засыпке обрывистого западного склона городища, а также рва второй линии укреплений.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ДНЕПРОВСКОГО ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ В ПОЗДНЕРИМСКОЕ ВРЕМЯ

А. И. Журко

1. Внимание к истории и культуре лесостепных племен Днепровского Левобережья позднееримского времени было проявлено исследователями еще в 20-х годах настоящего столетия. Работами М. Я. Рудинского в Полтавской, К. И. Антоновича и И. Н. Луцкевича в Харьковской областях было положено начало поискам и раскопкам древностей черняховской культуры в этом регионе, основной ареал которой к тому времени очерчивался учеными в пределах Правобережной Украины и связывался с земледельческим славянским населением. Вопрос же о наличии следов славянской (черняховской) культуры на территории Левобережной Украины в науке продолжал оспариваться. Только благодаря работам Левобережной славяно-русской экспедиции под руководством И. И. Ляпушкина в до- и послевоенные годы в дискутирующуюся проблематику были внесены определенные коррективы, так как в различных областях Левобережья стало известно более трех десятков черняховских памятников.

2. С открытием упомянутых древностей возникла проблема определения их этнической природы и хронологии. И. И. Ляпушкин и Д. Т. Березовец отрицали славянство черняховской культуры и исключали ее из цепи славянского этногенеза вообще, на Левобережье в частности. Их поддержали Ю. В. Кухаренко и М. А. Тиханова, которые связывали черняховские древности с германскими племенами. Сторонники первооткрывателя черняховской культуры В. В. Хвойко, Е. В. Махно, Э. А. Симонович и др. выступили в защиту славянства черняховской культуры, расширив при этом хронологию последней со II—V вв. до VII в. н. э., связав таким образом ее с предмоенскими древностями т. н.

волинцевской культуры. Впоследствии «широкая» датировка черняховской культуры будет большинством ученых отклонена, но спор о характере черняховских древностей себя не исчерпает. Он актуален и сегодня в связи с новыми открытиями 70—80 гг. произведенными в этом регионе (Е. В. Махно, Э. А. Симонович, Е. А. Горюнов, А. Г. Дьяченко, Г. И. Усова и др.).

3. В настоящее время на территории лесостепной зоны Левобережной Украины и в смежных Курской и Белгородской областях РСФСР открыто и картографировано 479 памятников (462 поселения и 17 могильников) черняховской культуры, в то время, когда по данным Е. В. Махно на 1960 г. их было известно около 80. Раскопки производились на 20 поселениях, из них на семи т. н. «смешанных» в Курском Посеймье и двух в Белгородской области. Начиная с 1986 г. широкомасштабные исследования на ряде памятников черняховской культуры Сумщины осуществляются археологической экспедицией Сумского государственного пединститута им. А. С. Макаренко. С учетом исследований прошлых лет на черняховских поселениях и могильниках Левобережья вскрыто более 26 тыс. кв. м площади и выявлено 85 жилищ (30 наземных и 55 углубленных) и 250 погребений (144 трупоположений и 106 трупосожжений). Кроме того, на данных памятниках обнаружена чрезвычайно разнообразная материальная культура, имеющая, как и объекты с поселений и погребения с могильников, полные аналогии в памятниках позднееримского времени Правобережной Украины, Молдавии и Румынии.

4. Осуществляемые исследования черняховских древностей лесостепного Днепровского Левобережья и др. смежных территорий показывают, что трудно будет согласиться с теми исследователями, которые рассматривают данный регион как окраину черняховской культуры, заселенную ее племенами на завершающей стадии развития (V в. н. э.). Наличие на черняховских памятниках данной территории разнотипного домостроительства и биритуального погребального обряда заставляет нас разделить точку зрения тех ученых, которые рассматривают население черняховской культуры как полиэтническое (В. Д. Баран, И. С. Винокур и др.), определяющая часть его несомненно являлась славянской.

ОХРАННЫЕ РАСКОПКИ НА ПОСАДЕ Г. СЕВСКА

В. В. Зайцев

Севск впервые упоминается в Ипатьевском списке летописи в конце 1146—начале 1147 гг., в связи с военными действиями между

Изяславом Давыдовичем черниговским и Святославом Ольговичем новгород-северским. Археологические раскопки в городе впервые были проведены в 1957 г. В. К. Пудовиным и В. П. Даркевичем. Три раскопа, заложенные на городище, показали, что слой ранее XVII в. здесь отсутствуют, так как они были сняты для сооружения крепостных валов по периметру городища. Керамика, найденная в переотложенном состоянии, как в раскопах, так и при разрезе вала, была разделена авторами раскопок на следующие хронологические группы: 1 — позднезольничная (послед. века до н. э.), 2 — роменская (VIII—X вв.), 3—XI—XIII вв., 4 — XIV—XV вв., 5—XVI—XVII вв. Зачистка ближайших к городищу склонов на посаде материалов ранее XVI—XVII вв. не дала вовсе.

Летом 1989 г. в связи с крупными земляными работами в центре города историческим факультетом Брянского пединститута были проведены охранные раскопки на месте будущего котлована под строительство Дворца культуры. Раскоп площадью 36 м² был заложен в северной части «Большого города» в 100 м к югу от склона оврага, отделяющего посад от «Городка». Общая мощность культурных напластований составляла здесь более 2 м. В верхних пластах найдено большое количество медных монет XVIII—XIX вв., фрагментов глиняной и стеклянной посуды этого времени и других предметов быта. Ниже, в слоях XVI—XVII вв., были выявлены остатки деревянных сооружений, которые предположительно можно связать с хозяйственными постройками воеводского двора, располагавшегося, согласно описанию Севской крепости конца XVII в., приблизительно в этом месте. Уже в этих слоях в переотложенном состоянии найдено несколько фрагментов керамики XII—XIII вв., и обломок гладкого стеклянного браслета фиолетового цвета. Основная масса домонгольской древнерусской керамики концентрировалась в более светлом тонком предматериковом слое. Здесь же были найдены и несколько фрагментов лепной роменской керамики. Особый интерес представляет одна из трех выявленных в материке ям. Четкая угольная прослойка делит ее заполнение на два горизонта. В нижней части заполнения, являющейся закрытым комплексом, найдено большое количество как лепной роменской, так и круговой керамики. Керамика, изготовленная на гончарном круге, по формам венчиков датируется концом X — началом XI вв., что характерно для роменских памятников вт. пол. X — нач. XI вв. в Среднем Подесенье.

Таким образом, полученные данные с учетом материалов 1957 г. позволяют сделать вывод, что на месте Севска в X — нач.

XI вв. существовало крупное роменское поселение, состоявшее из городища и располагавшегося к югу от него селища. Причем явно намечается хронологический разрыв между временем существования селища и временем образования посада древнерусского города. Формирование посада, судя по керамическому материалу, происходит не ранее первой половины XII в., что полностью соответствует летописному упоминанию города. Учитывая общи хронологические рамки, установленные авторами раскопок на городище для материалов роменского и древнерусского периодов, можно предположить, что аналогичный разрыв существовал и там, что также характерно для одновременных археологических памятников Среднего Подесенья (Григорьев А. В., 1988).

ИТОГИ РАБОТ ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНОГО ОТРЯДА В КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

А. В. Кашкин

В течение последних 10 лет Центральнo-Черноземный отряд Института археологии АН СССР проводит планомерное обследование памятников археологии Курской и частично Брянской и Белгородской областей в связи с составлением Свода памятников истории и культуры. По предварительным данным в Курской области насчитывается более тысячи археологических объектов. В процессе работ нам удалось обследовать около 600 памятников от эпохи неолита до позднего средневековья. В основном обследовались бассейны рек Сейма и Псла. Результаты обследований позволяют сделать ряд интересных наблюдений как археологического, так и историко-географического характера.

Характерной особенностью и больших и малых рек в исследуемом регионе является практически полная неосвоенность их верховий. На протяжении 30—40 км (у малых рек 10—20 км) от истоков в прибрежных зонах практически нет поселений и это справедливо для всех эпох. Значительной концентрация памятников по берегам Сейма и Псла становится на расстоянии 60—80 км от истоков.

Другим важным археолого-географическим наблюдением следует признать значительную освоенность поймы Сейма на отдельных ее участках. И если для неолита и эпохи бронзы это явление достаточно типичное, то роменские и древнерусские памятники в пойме располагались не часто. Тем не менее на Среднем Сейме у деревень Ванина и Жеребцово на участке поймы площадью ок. 8 кв. м обнаружено около 30 памятников археоло-

гии, из которых 9 — роменской культуры и одно — древнерусское.

Среди других особенностей исследуемой территории является крайне малое количество неолитических стоянок. Лишь в эпоху бронзы появляется значительное количество поселений практически на всей территории, но тем не менее особых закономерностей в размещении памятников по берегам рек не наблюдается.

Юг Курской области представляет собой как бы огромный курганный могильник. Здесь выявлено около 200 одиночных курганов и небольших по численности курганных могильников, тянувшихся в направлении запад-восток от р. Снагость до р. Апочка. Но наибольшей концентрации курганы достигают в верховьях Псла, Сейма и Северского Донца на Курско-Белгородском пограничье. По внешним признакам они могут быть отнесены либо к эпохе бронзы, либо к скифскому времени.

Во 2-й половине 1 тыс. до н. э. в регионе в значительном количестве появляются городища. На территории Курской области известно несколько десятков подобных объектов, относящихся к скифской и южновосточной культурам. Многочисленны также и неукрепленные поселения этих культур. Наибольшей концентрации городища достигают в среднем течении Сейма от г. Курчатова до г. Рыльска, где расстояние между объектами, как правило, не превышает 5—7 км.

В следующую историческую эпоху — в 1 тыс. н. э. — начинают функционировать памятники черняховской, киевской и колошанской культур. Для этого периода характерна группировка поселений по 3—5 объектов на близком расстоянии одно от другого. Создается также впечатление, что население в эту эпоху отдает предпочтение малым рекам, таким как Тускарь, Суджа, Рут, Снагость.

В конце I — начале II тыс. н. э. количество поселений резко увеличивается. Эти памятники оставлены носителями роменской культуры. В этот период уже четко прослеживается объединительная тенденция в рамках отдельных микрорегиональных структур. Нами выявлено несколько центров роменской культуры, которые включают в себя городища и целую свиту синхронных селищ (от 8 до 15). Это Горналь на Псле (2 городища и 11 селищ), Переверзево на Тускари, Маслово и Липино на Сейме, Беседино и Титово на Рати и ряд других.

В древнерусский период (XI—XIII вв.), как правило, сохраняются уже названные центры, но меняется поселенческая структура в микрорегионах. Резко уменьшается количество поселений, а жизнь концентрируется на значительных по площади сели-

щах, примыкающих к городищам. В эти комплексы, как правило, входят и огромные курганные могильники, в древности насчитывавшие многие сотни курганов, из которых в настоящее время сохранились лишь остатки. Это Бесединский комплекс на Рати, Гочевский и Горнальский комплексы на Псле, Липинский комплекс на Сейме. Отдельные центры превращаются в города, такие как летописные Курск и Рыльск.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ТРАССОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОСТЯНЫХ РЫБОЛОВНЫХ ОРУДИЙ НЕОЛИТА — РАННЕЙ БРОНЗЫ ДОНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

В. В. Килейников

Рыболовство как важнейшая отрасль присваивающей хозяйственной деятельности населения эпох неолита — ранней бронзы донской лесостепи реконструируется на основе остеологических данных, специализированных рыболовных орудий и приспособлений, а также своеобразной топографии древних стоянок. Костяные орудия рыболовства представлены гарпунами, острогами и рыболовными крючками, происходящими главным образом из подъемного материала, что затрудняет определение их культурно-хронологической принадлежности. Известную роль в этом может сыграть технико-морфологический анализ орудий труда, в ходе которого выявленная специфика технологических приемов обработки изделий будет свидетельствовать об их культурной неоднозначности.

Костяные гарпуны (13 экземпляров) подразделяются на крупнозубчатые, мелкозубчатые и однозубчатые типы. Крупнозубчатые гарпуны изготовлены на сколах массивных трубчатых костей при помощи кремневых инструментов — скобелей, резчиков, ножей. Необходимая форма придавалась заготовке путем скобления кремневым орудием, что фиксируется микрокартиной поверхности гарпунов — взаимопараллельными извилистыми следами разной глубины и ширины с неровным рельефом сечения внутри следа. Зубья гарпунов изготавливались также при помощи кремневого орудия режущего типа (резец, нож). Пазы, очерчивающие контур зубьев, глубоко заходят на обе стороны гарпунов и от них отходят нарезки, возникшие вследствие случайного соскальзывания кремневого орудия в процессе вырезания зубьев.

Подобная технология использовалась и при обработке мелкозубчатых гарпунов.

Однозубчатые гарпуны имеют своеобразный насад в виде конического шипа, лопаточки или выступающего «воротничка», что позволяет считать их откидными гарпунами. Поверхность гарпунов обработана на мелкозернистом абразиве. На одном гарпуне зафиксирована операция сверления при оформлении основания зубца. Очевидно, на примере однозубчатых гарпунов можно говорить о качественно новом этапе в развитии рыболовных орудий. Изменяется техника их изготовления — широко применяется абразивная обработка, расцвет которой, как известно, приходится на эпоху ранних металлов. Таким образом, технологические особенности производства гарпунов в известной степени свидетельствуют о культурно-хронологической принадлежности данных орудий.

Две костяные остроги по технике изготовления и морфологии близки мелкозубчатым гарпунам. Они выполнены на фрагментах крупных трубчатых костей при помощи скобления кремневым орудием и частичной абразивной обработки плоскостей острога.

Четыре рыболовных крючка, отличающиеся массивностью, вырезаны кремневыми режущими орудиями и обработаны кремневым скобелем. Плоские участки крючков и острие дополнительно обработаны на мелкозернистом абразиве.

Трассологические наблюдения над костяными рыболовными орудиями дополнены экспериментом по изготовлению гарпуна, в результате которого установлены технологические особенности обработки кости кремневыми и каменными орудиями, идентифицированы микроследы на поверхности реальных и экспериментального гарпунов.

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ЖЕЛЕЗОПЛАВИЛЬНЫХ ГОРНОВ САЛТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В. В. Колода

В 1988—1989 годах Средневековой археологической экспедицией Харьковского госуниверситета был выявлен и исследован ряд селищ салтовской культуры в урочище Роганина близ с. Верхний Бишкун на Харьковщине. Особый интерес представляет работы на сел. Роганина-I, где исследовались остатки трех железоплавильных горнов. Хорошая сохранность этих комплексов, а также ряд аналогичных находок предшествующего времени (Новая Покровка, Волчанск, Ютановка, Ездочное), позволяют поставить в полном объеме вопрос о способе изготовления

горнов для получения железа лесостепными племенами салтовской культуры. Исследование данной проблемы имеет важное значение для реконструкции технологического уровня салтовской черной металлургии, так как от его совершенства во многом зависит как протекание процесса плавки, так и качество получаемого металла. Кроме того, способ изготовления горна, его форма и конструктивные особенности нередко могут служить хронологическим и этнокультурным признаком производственного комплекса.

Процесс создания железоплавильного горна начинался с изготовления ямы в нетронutom ранее хозяйственной деятельностью плотном грунте. Форма ямы в вертикальном разрезе могла быть различной, а в плане — окружность. Затем яма плотно заполнялась влажным футеровочным песком. После этого необходимо было извлечь часть этого песка через верхнее колошниковое отверстие, чтобы придать необходимую форму будущему рабочему пространству.

Одновременно шло создание рабочей зоны перед горном: снималась часть грунта и нивелировалась площадка, что хорошо было прослежено во время раскопок Волчанского комплекса. Изготавливалась выгребная яма с наклоном «от горна».

Затем путем встречной выемки грунта со стороны горна и выгребной ямы пробивалось лещадное отверстие. Изготавливались воздухопроводные ходы, подводившиеся к тем местам рабочего пространства, где будут расположены сопловые отверстия. Внутренняя полость горна покрывалась следующим укрепляющим составом: 75—80% — песок, 20—25% — глина. Одновременно изготавливались и сопловые отверстия, размер которых колебался от 1,5 до 4 см.

Не имея в настоящий момент бесспорных доказательств именно описанного способа создания так называемой «колбы» горна, обратимся к косвенным.

Изготовление колбы вне ямы позволило бы мастеру создать симметричное изделие с одинаковой кривизной скатов от колошника к месту максимального поперечного сечения, плечи колбы имели бы одинаковую ширину и кривизну полуокружности. Создание симметричной колбы способствовало бы увеличению производительности горна, так как стабилизировало бы процессы, происходящие в нем во время плавки железа. Но все известные нам находки не обладают этим качеством.

Кроме того, длина колбы двух горнов из урочища Роганина больше диаметра верхнего отверстия горна, что также подтверждает наше предположение. Сохранившиеся сопловые от-

верстия у исследованных горнов расположены асимметрично. У колбы роганинского горна «В» восточное сопловое отверстие расположено на 10 см ниже западного. Более того, восточное отверстие этой колбы располагалось не в центре радиуса плеча, а со смещением к западной стенке на 7 см, к тому же по касательной а не по кратчайшему пути к внутренней рабочей полости. Колба ютановского горна тоже имела асимметрично расположенные сопловые отверстия.

Все вышеперечисленные факты являются доказательством своеобразного технологического брака, допущенного при создании колбы горна «вслепую». Это безусловно снижало эффективность сыродутного процесса в горнах этого типа, и не могло быть преднамеренным.

Вполне вероятно, что существовала наземная часть горна. Доказательством этому может служить находка в каждой роганинской колбе крупных кусков спекшейся пережженной обмазки без следов ошлакования. Колба волчанского горна в верхней части имела четыре отверстия размером 1,3 см, к которым, по предположению авторов раскопок, могла крепиться труба из листового металла.

В заключение считаем уместным сказать, что предложенная технологическая реконструкция не бесспорна. Дальнейшие исследования новых железорудных комплексов в салтовской лесостепи, вполне вероятно, скорректируют наши представления по этому вопросу.

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ БОЕВЫЕ ТОПОРЫ — ЧЕКАНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

А. В. Крыганов

В эпоху раннего средневековья в Восточной Европе одним из наиболее популярных видов боевых топоров были так называемые топоры-чеканы, специфической особенностью которых являлось наличие более или менее длинного обушка. По форме рабочей части (лезвия) они подразделяются на четыре основных типа. Тип 1. С оттянутым в сторону держака лезвием, образующим как бы уступ. Тип 2. С двумя выступами на лезвии. Тип 3. С трапециевидным (иногда определяемым как треугольным) лезвием. Тип 4. С широким серповидным лезвием. Абсолютное большинство (до 90%) среди всей массы топоров рассматриваемого вида составляют экземпляры типов 1 и 3.

Ареал распространения этого оружия в VIII—XI вв. охватывал практически весь указанный регион (на западе достигая да-

же Центральной Европы), но степень насыщенности топорами-чеканами отдельных его районов была очень неравномерной. Наибольшее их количество (в исчислении как абсолютном, так и относительном, определяемом соотношением числа чеканов к общей массе боевых топоров) зафиксировано на оси Северный Кавказ — лесостепное Подонье. По мере удаления от этого эпицентра на восток (до Урала), север и запад (Русь, Швеция, Польша, Словакия, Венгрия, Болгария) данный показатель неуклонно снижается.

В раннем средневековье топоры-чеканы в Восточной Европе (исключая Северный Кавказ) до середины VIII в. известны не были. Их внезапное и массовое появление в лесостепном Подонье с последующим распространением по всему восточноевропейскому региону хорошо увязывается с приходом на Дон северокавказских алан, составивших один из основных этнических компонентов салтово-маяцкой культуры. Таким образом, средневековые топоры-чеканы Восточной Европы имеют южное, северокавказское происхождение. Накопленные данные не подтверждают высказанное Н. Я. Мерпертом мнение о том, что в Восточной Европе традиция применения рассматриваемого вида оружия прослеживается с раннего железного века до средневековья на материалах памятников сармато-аланского мира. Савроматы и сарматы (в отличие от скифов) боевых топоров практически не использовали. Нет их и в раннеаланских (первая половина I тыс. н. э.) комплексах. Зато непрерывная линия развития топоров-чеканов на протяжении по крайней мере двух тысячелетий (с VIII—VII вв. до н. э. до развитого средневековья) очень хорошо видна на археологических материалах различных племен и народов Северного Кавказа. Представляется, что в раннем средневековье аланы заимствовали этот вид оружия у северокавказского населения, а затем способствовали его широчайшему распространению по всей Восточной Европе и за ее пределами.

ДЛИННЫЕ ВАЛЫ

М. П. Кучера

В истории фортификации Восточной и Центральной Европы известен тип длинных продольных укреплений, остатки которых в виде валов и рвов принадлежат к числу наименее изученных памятников истории и культуры. Вместе с тем в последние десятилетия эти памятники интенсивно разрушаются различными хозяйственными работами.

Наиболее близкие к нам по времени и известные по письменным источникам т. н. «засечные черты» сооружались в XVI—XVII вв. Русским государством для защиты южных границ со стороны кочевнической степи. Такими укреплениями были Большая черта между верховьями Дона и Волгой, Белгородская черта от Ахтырки на Ворскле до Тамбова, Оскольская линия на Левобережье Днепра и др. (Никитин А. В., 1955; Сибилев М. В., 1930). Позже, в 1731—35 гг. возникла «Украинская» линия между Днепром и Северским Донцом. Об указанных памятниках, характеризующих целую эпоху в развитии русского оборонительного зодчества, мы знаем непростительно очень мало, их остатки археологически не изучаются.

Прототипом засечных черт в эпоху Киевской Руси были Змиевы валы, сохранившиеся на территории СССР в Среднем Поднепровье. Исследованиями двух последних десятилетий установлено, что Змиевы валы были мощными дерево-земляными укреплениями срубной и перекладной конструкции. В конце X — первой половине XI вв. они составляли основу древнерусских оборонительных линий и являлись наиболее рациональным средством защиты от вторжений печенегов (Кучера М. П., 1987). Создание глубокошелонированной обороны из сплошных линий Змиевых валов общей протяженностью около 1000 км позволило Древнерусскому государству прочно закрепить южную границу Руси в Среднем Поднепровье по Суле на Левобережье и Роси — на Правобережье.

Хранят тайну Траяновы валы Среднего и Нижнего Поднепровья, а также Подунавья. Начавшиеся исследования показывают, что они принадлежат нескольким разновременным оборонительным системам. Раскопки ИА АН СССР в Среднем Поднепровье установили тождество в устройстве двух Траяновых валов: по правому берегу нижнего течения р. Збруч в Боршевском районе Тернопольской области и в междуречье Збруча-Смотрича в Городокском районе Хмельницкой области. Обе линии валов имели внутри сплошную стену из дубового чastoкола, служившую опорой земляной насыпи. Оригинален также прием сооружения насыпи из горизонтальных прослоек грунта. На одном из участков в Городокском районе Хмельницкой области вал перекрыт культурным слоем древнерусского селища XII—XIII вв. О древности вала свидетельствует тот факт, что к моменту образования культурного слоя насыпь вала была уже полностью оплывшей. Очевидно, две указанные оборонительные линии являются наиболее древними в Восточной Европе. Предположительно они были сооружены племенами культуры фракийского галь-

штата в первой половине I тыс. до н. э. для защиты от скифской экспансии с востока.

Устройство длинных валов требовало больших материальных затрат и проводилось в периоды крайнего обострения военно-стратегической обстановки. При этом длинные заграждения были наиболее эффективным средством защиты от особо опасного противника — кочевников.

РАННЯЯ ГРУППА ПОГРЕБЕНИЙ ДОНСКОЙ ЛЕСОСТЕПНОЙ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ

Г. А. Левых

В настоящее время одной из наиболее изученных локальных культур срубной культурно-исторической общности является донская лесостепная срубная культура. Наиболее аргументированная периодизация этой культуры дана в монографии А. Д. Пряхина и Ю. П. Матвеева «Курганы эпохи бронзы Побитюжья» (Воронеж, 1988). Однако с накоплением новых материалов возникают вопросы специфики формирования срубной культуры в лесостепном Подонье. Для их решения особый интерес представляет выделение и изучение группы раннесрубных погребений. К этой группе принято относить как синкретические срубно-абашевские захоронения, так и некоторые собственно срубные погребения.

Срубно-абашевские памятники характеризуются наличием в них ряда черт предшествующей доно-волжской абашевской культуры. Прежде всего это погребальный инвентарь и керамика переходных форм с отдельными ярко выраженными абашевскими элементами. Синкретизм погребального обряда проявляется в оформлении подкурганного пространства; ориентировке, размерах и формах могильных ям; положении погребенных и инвентаря.

Имеются убедительные свидетельства того, что синкретические срубно-абашевские памятники не являются самыми ранними в лесостепном Подонье. В могильнике на р. Хопер у с. Губари выявлены случаи прямой стратиграфии, где погребения срубно-абашевского облика совершены позже срубных захоронений, не несущих абашевских черт (курганы 2 и 3). Основные погребения этих курагнов по целому ряду показателей весьма близки раннесрубному горизонту лесостепного и Нижнего Поволжья.

К раннему же периоду донской лесостепной срубной культуры относятся и социально значимые срубные погребения.

Таким образом, имеющиеся материалы позволяют предположить, что формирование донской лесостепной срубной культуры происходило главным образом на основе двух культур. И наряду с фиксируемым процессом «перерастания» местной абашевской культуры в срубную, имело место проникновение групп срубного населения с поволжского региона. Это могло явиться одним из импульсов дальнейших культурных изменений.

К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ ПАМЯТНИКОВ ПЕНЬКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ДНЕПРОВСКОГО ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ

М. В. Любичев

1. Вопросы хронологии имеют огромное значение для дальнейшего изучения пеньковской культуры. Они тесно связаны с проблемами ее происхождения и этнической принадлежности. Выяснив ее ранний и поздний хронологические рубежи, мы сможем более детально рассмотреть связь с черняховской, салтовской, волынцевской культурами, а также с древностями кочевников IV—VII вв. на юге Восточной Европы.

2. Хронология пеньковских древностей Днепрового Левобережья детально не разработана. Это связано с малым числом хорошо изученных раскопками памятников, а также небольшим количеством датирующих вещей на них. В связи с этим большую роль приобретает анализ соотношения различных форм керамики на отдельных памятниках и между ними. Изменения в керамическом комплексе культуры могут указывать также на изменения в этническом составе ее носителей.

3. Время существования памятников пеньковской культуры Днепрового Левобережья можно ограничить IV—VIII вв. В этих пределах выделяются периоды: 1) IV—V вв. — формирование культуры, сохранение позднезарубинецких традиций, сосуществование и связь с носителями черняховской культуры. Селища Осиповка, Раковка-1, Хитцы (ранний горизонт) являются наиболее ранними памятниками. 2) V—VII вв. — собственно пеньковская культура (в узком смысле). К этому времени принадлежат эталонные памятники: Молочарня, ранний слой Луг-1, с которых и началось выделение данной группы раннесредневековых древностей. На Левобережье к этому времени принадлежат поселения Зубовка, Студенок-5, Нижний Бишкин-1, Вост. Бельское городище, поздний горизонт Хитцов, Сухая Гомольша (раск. ДС-77), Старая Игрень, Звонецкий порог, о. Кизлевый. 3) VII—VIII вв. — поздний период, связь и сосуществование оп-

ределенное время с носителями салтовской культуры. К нему относятся селища: Сухая Гомольша (раск. МС-85), Таранцево, Соколово-1, Шосейное, а также урновые погребения с кремацией Дмитриевского могильника.

4. Этнический процесс в IV—VIII вв. на юге Восточной Европы был чрезвычайно сложным и трудно согласиться с отождествлением пеньковской культуры с одним этносом. Еще предшествующая черняховская культура являлась продуктом взаимодействия нескольких этносов. Ранние пеньковские памятники появляются в северной части степи-лесостепи в период образования союза кочевников («гунны»). Топографическое положение ряда пеньковских поселений говорит о переходе их жителей к оседлой жизни.

5. Ко времени проникновения населения Хазарского каганата в Верхнее Подонье относятся поздние пеньковские памятники. Здесь в закрытых комплексах присутствуют салтовские материалы, претерпевает изменения сам пеньковский керамический набор. Этнической близостью части пеньковского населения и салтовского (иранские и тюркские элементы) могут быть объяснены контакты и сосуществование определенный период носителей пеньковской и салтовской культур.

6. Привлекают внимание урновые и безурновые погребения по обряду кремации типа Новопокровки, Тополяхи, Сухой Гомольши. Они стоят особняком среди типично салтовских погребений и находятся в зоне соприкосновения пеньковской и салтовской культуры.

7. Имеется тесная связь между проникновением салтовцев в лесостепь Левобережья, исчезновением здесь пеньковской культуры и возникновением волынцевской. Явно различны судьбы пеньковской культуры на Днэпровском Правобережье и Левобережье. Для Правобережья позднепеньковские памятники выделены в сахновский этап, что для Левобережья делать еще рано.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП СРЕДНЕДОНСКОЙ КАТАКОМНОЙ КУЛЬТУРЫ

Ю. П. Матвеев

Выделение самостоятельной воронежской археологической культуры требует вновь обратиться к вопросу о вычленении памятников заключительного этапа среднедонской катакомбной группы. Важность решения этого вопроса определяется главным образом необходимостью выяснить соотношение среднедонской катакомбной культуры с несомненно родственной ей культурой

многоваликовой керамики. Очевидно, именно наиболее поздние среднедонские катакомбные памятники должны в какой-то мере синхронизироваться с памятниками КМК. В той же степени важным представляется выяснение самого содержания финала среднедонской катакомбной культуры для понимания процессов становления и развития более поздних культур эпохи бронзы на данной территории, особенно в связи с неоднократно поднимающимся вопросом об участии катакомбного компонента в формировании местной срубной культуры.

Выявление специфики наиболее поздних катакомбных памятников рассматриваемой территории основывается на весьма многочисленных пока стратиграфических наблюдениях с сосудами, орнаментированными валиками, перекрывалось погребением с керамикой, украшенной исключительно прочерченными линиями. Аналогичная стратиграфия зафиксирована в кургане 3 у Новой Усмани. Наиболее информативными являются свидетельства поселения Борщево-4, где культурный слой позднекатакомбного поселения, содержащий валиковую керамику, отделялся от еще более позднего катакомбного слоя стерильной прослойкой. Этот (последний) слой содержал керамику, орнаментированную главным образом опять-таки в прочерченной технике. Валиковая, а тем более штамповая орнаментация, на ней встречается очень редко. По сравнению с предшествующим временем изменяется не только техника орнаментации, но и сама орнаментальная схема. Определенные отличия есть и в формах сосудов.

Материалы перечисленных памятников позволили выделить отдельные керамические серии на поселениях, а также до полутора десятков захоронений, относящихся, на наш взгляд, к рассматриваемому этапу среднедонской катакомбной культуры. Следует подчеркнуть, что в ряде случаев (могильники Малые Горки, Оранное Болото, Кондрашкинский курган и др.) эти захоронения перекрывались погребениями различных периодов развития доно-волжской культуры.

Обращает на себя внимание весьма ограниченное число памятников рассматриваемого времени, многократно меньшее по сравнению с предыдущим этапом.

Наиболее широко представлен керамический материал заключительного этапа. Сосуды в целом сохраняют «катакомбный» облик, приобретая однако выраженную биконичность и

укороченное горло. Появляются приземистые острореберные горшки, совершенно не характерные для развитого этапа рассматриваемой культуры. При сохранении трехзонной орнаментации основными элементами становятся вертикальная елочка и паркет. Отметим, что последний элемент в предшествующее время практически неизвестен. Как уже отмечалось, ведущей становится прочерченная орнаментация, иногда сочетающаяся с ногтевыми зашипами. Валики встречаются довольно редко, причем, как правило, не наклепные, а оттянутые. Оттиски шнура и иные штампы исключительно редки. Почти полностью исчезает дополнительная обмазка нижней части сосудов, очень широко применявшаяся ранее.

Помимо керамики к заключительному этапу можно с уверенностью отнести лишь единичные предметы. В первую очередь это бронзовые ножи из захоронений в могильниках Ольховатка-2 и Малые Горки. Это типичные катакомбные изделия с подромбической расковкой лезвийной части. Отличает их лишь суженность клинка к окончанию и наличие выраженного ребра. На одном из ножей отмечена подромбическая расковка черенка. Известны также шилья, не отличающиеся от обычных катакомбных, отдельные костяные и каменные изделия.

Погребальный обряд остается подкурганым. Курганы, возведенные над захоронениями данного этапа, невелики по размерам. Большая часть известных захоронений — впускные. Захоронения совершены как в ямах, так и в катакомбах, но первые встречаются чаще. Катакомбы как Т-образной, так и Н-образной формы. Интересно отметить, что Т-образные катакомбы, довольно редкие и для раннего этапа развития культуры, совершенно не типичны для развитого. Покойники лежат в основном на левом боку. Преобладает ориентировка, близкая северной. Использование охры не отмечено. Наиболее выраженный катакомбный элемент обрядности — вытянутое вдоль туловища положение

В целом для материалов заключительного этапа среднедонской катакомбной культуры фиксируется наличие черт, сближающих их с материалами культур воронежской, среднеднепровской и многоваликовой керамики. В этих же культурах а также в материалах раннего этапа доно-волжской абашевской культуры, фиксируются в той или иной степени выраженные элементы, присущие именно данной группе памятников.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ (К 140-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. В. ХВОЙКО)

Е. В. Махно, М. И. Сикорский

В 1990 г. исполняется 140 лет со дня рождения Викентия Вячеславовича Хвойко — выдающегося ученого, одного из самых уважаемых фундаторов украинской археологии. Чех по национальности, он 38 лет из 64 прожил на Украине. Ему принадлежит честь открытия трех мирового звучания своеобразных археологических культур: трипольской, зарубинецкой и черняховской. Несмотря на ограниченное количество фактов, относящихся в то время к каждой из них, он первый интерпретировал их в основном правильно. Не будет ошибкой признать, что среди них наибольшей популярностью в мировом масштабе пользуется культура черняховская. Девяностолетие со времени ее открытия уже исполнилось, а в 1999 г. исполняется столетие.

Исходя из обильного материала, полученного В. В. Хвойко в результате раскопок могильника у с. Черняхово (ныне Кагарлыкского района Киевской области), автор пришел к твердому и единственно правильному заключению, что создателями вновь открытой им археологической культуры могли быть только ранние славяне, постоянно жившие в Среднем Приднпровье. Поражающая цельность и устойчивая монолитность этой культуры, подчеркнута высокая степень совершенства в отработке каждой из деталей, свидетельствовали о длительном периоде ее создания и не позволяли предлагать какое-либо иное толкование. Естественно, что при публикации материалов из могильника у с. Черняхово автор раскопок проводил свою точку зрения о его славянской принадлежности.

Известно, что основатель славяноведения (соотечественник В. В. Хвойко) П. И. Шафарик с 1839 г. был членом-корреспондентом Российской Академии Наук, а также то, что первый перевод на иностранный язык основополагающих трудов П. И. Шафарика также был осуществлен в России. Следовательно, передовая часть интеллигенции (историки, археологи, любители старины) на Украине и в России была знакома с трудами П. И. Шафарика. Она с удовлетворением приняла толкование В. В. Хвойко о славянской принадлежности Черняховского могильника, а приведенные В. В. Хвойко аргументы их вполне удовлетворяли.

Интерес к памятникам черняховской культуры, вызванный В. В. Хвойко на рубеже XIX—XX вв., возобновился лишь в 30-х годах XX в. в связи с необходимостью укрепить источниковед-

ческую базу для исторических исследований по истории СССР, создав фонд конкретных фактов, относящихся ко времени, предшествующему Древней Руси. По инициативе крупного ученого В. П. Петрова Институт археологии Академии наук СССР взял на себя обязательство опубликовать фондовые материалы, относящиеся к I тысячелетию н. э., всех приднепровских музеев на Украине. Под руководством В. П. Петрова организованная им большая группа научных сотрудников Киева, Львова и Харькова уже к началу 1941 г. подготовила к публикации нужные материалы, хранившиеся в наиболее представительных на Украине музеях указанных городов.

Эта работа, прерванная Великой Отечественной войной, возобновилась в 1944—1945 гг. (правда, в несколько ином направлении). Под руководством академика П. П. Ефименко широко развернувшиеся на Украине полевые исследования позволили значительно укрепить источниковую базу всех разделов археологии. Полевые исследования, проводившиеся на многих поселениях черняховской культуры, не только подтвердили приоритет черняховской культуры среди памятников I тыс. н. э., но и блестяще подтвердили учение о славянах П. И. Шафарика и подтверждающие его работы В. В. Хвойко. К концу 40-х годов славянская теория черняховской культуры стала общепризнанной.

Однако в начале 50-х годов (после известной дискуссии по языкознанию) интересы исследователей-славистов были переключены на изучение малочисленных небольших поселений с лепной посудой. За 40 лет здесь накопился определенный материал.

Самой важной и наиболее актуальной задачей теперь становится, включив в научный оборот всю полноту первоисточников, касающихся I тысячелетия н. э., по всем законам науки сопоставить данные по каждой из отдельных групп.

В этом отношении перспективы открывает уникальный девятирусный памятник, исследуемый Переяслав-Хмельницким историко-культурным заповедником у с. Сосновы Переяслав-Хмельницкого района. Его нижний строительный горизонт включает три жилищно-производственных комплекса. Один из них представлен гончарной посудой черняховской культуры, второй — исключительно лепной посудой, в третьем наличествует лепная и гончарная посуда. Этот факт, даже сам по себе, свидетельствует о тесных контактах сосуществующих групп древностей. Но он не отвергает ни приоритетности черняховской культуры в истории I тыс. н. э., ни уже полностью проверенных доказательств В. В. Хвойко ее славянской принадлежности.

ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДИЩ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В ЛЕСОСТЕПНОМ ПОДОНЬЕ

А. П. Медведев

В археологическом изучении лесостепного Подонья последние годы ознаменовались широкомасштабными работами на городищах I тыс. до н. э. В связи с подготовкой материалов к Своду памятников истории и культуры РСФСР проводится сплошное археологическое обследование территории Воронежской и соседних областей. К настоящему времени нами учтено 55 городищ скифского времени. Некоторые из них исследованы широкими площадями. Это Пекшевское городище на р. Воронеж, на котором полностью изучена вся внутренняя площадка (раскопки Скифо-сарматского отряда экспедиции ВГУ под руководством автора). Животинное городище на р. Воронеж (раскопки Славянского отряда экспедиции ВГУ под руководством А. З. Винникова), Семилукское городище на р. Дон (раскопки экспедиции ВГУ под руководством А. Д. Пряхина), городище Мастище на р. Дон (раскопки экспедиции ВГПИ под руководством А. Т. Синюка). Значительные исследования проведены и на ряде других памятников (Конь-Колодезь, Вертячье, Сениное, II и III Чертовицкие, Большое Сторожевое городища). В итоге на памятниках этого типа вскрыт культурный слой площадью более 10000 м².

Одним из важнейших результатов является открытие и изучение первого стратифицированного поселения скифского времени донской лесостепи городища у с. Пекшево. На его склонах хорошо сохранился мощный двухметровый культурный слой, разделенный двумя прослойками пожарищ на три пласта: нижний — с преобладанием материалов раннегородецкой культуры начала железного века; средний — раннескифский; верхний — позднескифский. Для исследования исторического процесса не только в лесостепном Подонье, но и на территории всей лесостепной Скифии принципиальное значение имеет изучение среднего слоя памятника. Его материальная культура обнаруживает бесспорную близость скифским памятникам Посеймья и Днепровского Левобережья. Все это позволяет по-новому поставить вопрос о происхождении среднедонской культуры скифского времени и этнической принадлежности ее носителей.

Другим результатом исследований последних лет является открытие и изучение жилых и хозяйственных построек, ранее здесь практически неизвестных. Сейчас их раскопано более 50. Наиболее представительную серию разновременных жилищ дали

раскопки Пекшевского городища (более 30 построек). Выявлено несколько типов построек, возможно, связанных с разными этническими и хозяйственными традициями. Изучена планировка и динамика застройки основной городищенской площадки.

В последнее пятилетие проведены раскопки оборонительных сооружений на семи городищах, в том числе одной из самых грандиозных систем укреплений Подонья — III Чертовицком городище. На двух городищах выявлено по два строительных периода: древнейший раннескифский и последующий позднескифский. Наиболее сильные и совершенные укрепления создавались в позднескифское время. Впервые полностью исследована линия укреплений по периметру городищенской площадки, состоящей из двух параллельных деревянных стен, забитых грунтом (Пекшево).

Наконец, важное значение для понимания социально-экономических и этнических процессов в донской лесостепи середины I тыс. до н. э. имеет открытие грунтовых могильников на городищах Семилуки и Мастище. Полученные на этих памятниках данные не однозначны и требуют дальнейшего изучения. Но уже сейчас они дали в руки исследователей ценный материал по погребальной обрядности рядовых обитателей городищ донской лесостепи I тыс. до н. э.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ МОГИЛЬНИКИ С ОБРЯДОМ КРЕМАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ ЛЕСОСТЕПНОГО ПОДОНЬЯ

В. К. Михеев

В VIII—X вв. в лесостепном Подонье в ареале салтовской культуры получили распространение грунтовые могильники с обрядом трупосожжения, для которых характерно помещение остатков кремированных трупов в глиняные урны и неглубокие ямы. В одном из таких могильников, Сухогомольшанском, фиксируются оба варианта этого обряда, а в другом, Новопокровском, лишь второй вариант. Дмитриевский могильник характеризуется прежде всего наличием многочисленных катакомбных трупоположений, но в нем есть и несколько ямных трупоположений и урновых сожжений.

На фоне перечисленных памятников выделяется своим своеобразием недавно открытый в Балаклейском районе Харьковской области двуобрядовый Красногорский могильник. В 1984—89 гг. он исследовался Средневековой археологической экспедицией Харьковского университета.

Памятник расположен на высоком берегу Северского Донца. Вскрыто 3500 м² площади, исследовано 168 захоронений: 107 по обряду трупоположения в грунтовых ямах и 61 по обряду трупосожжения, а также 17 погребений коней или их частей.

Трупоположения. Выделяются малые, средние и большие грунтовые ямы с ровными стенками, но есть и с заплечиками. 50% захоронений совершено в деревянных (дубовых) гробовищах 3-х типов: гробах-рамах, гробах-ящиках и колодах. По способу захоронения выделяются костяки, расположенные в анатомическом порядке и с нарушением анатомического порядка. В четырех случаях зафиксированы захоронения одних черепов. Как правило, погребения одиночные. Есть кенотафы. Антропологический тип погребенных, по предварительным данным, европеоидный (долихокранный). Мужских погребений 18%, женских 32%, детских 13% (из 63% определенных по полу). Выделяются две ориентировки: западная (60%) и южная (37%). Положение погребенных в ямах и гробах довольно однородно: почти все они лежат вытянуто на спине.

Сопровождающий инвентарь отсутствует в 15% могил. Отсутствие инвентаря характерно для ямных захоронений без гробовища. Предметы быта и орудия труда отсутствуют в 31% могил, оружие — в 19%, сбруя — в 11%. Чаще всего умерших сопровождали 1—2 сосуда (примерно 60% всех погребенных). Это типично салтовская посуда местного производства: преимущественно кувшины, кружки и кубышки, но есть и привозная крымского производства. В основном это ойнохой. Они встречаются исключительно в погребениях с гробовищами. Это же можно отметить и по отношению к оружию и конской сбруе.

Рядом с погребениями людей обнаружено, как уже отмечалось, 17 конских могил. В 14 из них находились целые костяки коней, в одной — целый костяк, но без головы, и в двух могилах — одни конечности. Расположение конских могил по отношению к погребениям людей: рядом, на одной оси у ног погребенного, сверху. В нескольких случаях кони были взызданы, о чем свидетельствуют находки удила и стремян.

Трупосожжения. Было распространено два вида трупосожжений: в ямах и в урнах. Ямы имели круглую, овальную и прямоугольную форму. Их размеры значительно варьируют. Максимальная глубина 135 см, минимальная 5 см. Для урн использовались лепные и салтовские гончарные кухонные и столовые двуручные горшки. В одном случае урной служила амфора. Все урны стояли устьем вверх, иногда были накрыты крышкой.

Погребальный инвентарь в виде предметов быта и орудий труда встречается в 39,5% погребений, оружия — в 13% и сбруя — в 8%.

При сравнительном анализе вещевых комплексов трупоположений и трупосожжений видно, что вещи в них имеют евразийские аналогии, чаще всего встречаются в памятниках салтовской культуры и в целом одинаковы. К уникальным находкам следует отнести золотое кольцо из пяти блях с вставками в виде овальных полудрагоценных камней; верхнюю часть деревянного колчана, обтянутого кожей (типа колчанов с «карманом»), и два бронзовых круглых щита.

Анализ погребального обряда и инвентаря показывает, что верхняя дата существования могильника определяется концом X в., нижняя может быть отнесена ко второй половине VIII в.

Вопрос об этнической принадлежности могильников с трупосожжениями в советской археологии является дискуссионным. Существуют славянская, тюркская, угорская, иранская гипотезы, однако отдать предпочтение какой-то одной из них трудно. Еще сложнее дать этническую оценку двуобрядовым могильникам, так как неясен ключевой вопрос: сколькими этносами вообще эти могильники оставлены — одним или несколькими? На этот вопрос лучше всего могла бы помочь найти ответ такая археологическая ситуация, которая указывала бы на родственные связи погребенных. Она предполагает совершение в одной могильной яме или в одном гробу нескольких одновременных или хронологически последовательных захоронений, но с различным обрядом погребения. Так, например, О. А. Артамонова установила, что часть населения Саркела практиковала вторичные захоронения по обряду трупоположения, не разрушая более ранних могил и гробов. Этот обычай вторичного использования был зафиксирован и для трупоположений Красногорского могильника. Но самыми интересными с рассматриваемой точки зрения были разнообрядовые захоронения в одной могиле. Так, в засыпке могильных ям с трупоположениями 74, 109 и 113 находилось по одному трупосожжению (58, 106 и 111), в трупоположении 36 — два трупосожжения (37 и 38), а в трупоположении 75 с конем — два трупосожжения (59 и 71) и, кроме того, захоронение черепа человека (64). В одном случае имело место двойное погребение в деревянном гробу: в ногах у трупоположения 50 находилось трупосожжение 39.

Таким образом, перед нами обычай использования одних и тех же могил под различные погребальные обряды. Такой обычай известен и по этнографическим данным. Он объясняется

стремлением хоронить покойника рядом с родственниками. В связи с изложенным следует отметить, что разнообразие могильников, как и разнообразие погребения, могут принадлежать одной и той же этнической общности. Для Красногорско-го могильника такой общностью могла быть тюрко-болгарская. Могильник оставлен, вероятно, какими-то двумя родственными подразделениями этой общности.

ЗАХОРОНЕНИЕ КОЛЕСНИЧЕГО В ПИЧАЕВСКОМ КУРГАНЕ

Н. Б. Моисеев

В 1989 г. на территории Жердевского района Тамбовской области производились раскопки 3 курганов. Наибольший интерес представляет курган у с. Пичаево. Высота насыпи 1,5 м., диаметр 45 м.

В основном погребении обнаружено захоронение колесничего. Могильная яма 4×2,5 м, глубина 2,7 м. В центральной части прослежено небольшое углубление, в которое были опущены ноги погребенного. Скорченный костяк колесничего находился на левом боку, головой ориентирован на ССВ.

Погребальный инвентарь представлен 2 костяными псалями, фрагментом третьего и костяной лопаточкой. Малый псаль лежал на большом, оба шипами кверху.

Большой псаль усеchenно-дисковидной формы имеет большое центральное отверстие, 5 малых отверстий по усеchenному краю и 3 вставных шипа. По краю псаля расположен врезной орнамент в виде двух параллельных замкнутых линий. Внешняя линия орнамента состоит из цепочки ромбов, внутреннюю образует зигзаг. Два шипа украшены 4 дугами из тройных параллельных линий, образующих солярный знак. Третий шип украшен прямым крестом, подчеркнутым со всех сторон углами. Орнамент на всех шипах вписан в прочерченную окружность. По усеchenному краю псаля расположены 6 двойных разветвлений. Четыре подобных разветвления расположены вокруг центрального отверстия.

Малый псаль дисковидной формы также с большим центральным отверстием и 3 шипами неорнаментирован, имеет трещину, стянутую двойной бронзовой скобочкой.

Фрагмент третьего псаля по размерам и орнаментации аналогичен большому. На дне могильной ямы зафиксирован костный тлен еще 4 дисковидных предметов таких же размеров, как псаль.

Почти половину площади могильной ямы занимал древесный тлен колесницы. Под ним и под костяком зафиксирован органический тлен бурого цвета.

Возможно с этим погребением связан жертвенник, расположенный в 6 м к югу. Жертвенник диаметром 1 м содержал кости конечностей и черепов 4—5 лошадей.

Кроме того, под курганом обнаружено 2 детских захоронения абашевской культуры, захоронение представителя срубной культурно-исторической общности, захоронение сарматки с пастовыми бусами цилиндрической и круглой формы чуть крупнее бисера. Дважды обнаружены отдельные человеческие черепки. На краю кургана находился зольник с кальцинированными костями и зубами, фрагментами гончарной тонкостенной керамики.

Пичаевский курган представляет несомненный интерес для исследователей лесостепной полосы, особого внимания в нем заслуживает захоронение колесничего.

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОГЕОГРАФИИ ЛЕСОСТЕПНОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ ДНЕПРА И ДОНА В СКИФСКОЕ ВРЕМЯ

А. А. Моруженко

1. Вопросы идентификации локальных групп археологических памятников с определенными племенами, сведения о которых содержатся у Геродота, неоднократно привлекали внимание исследователей. Однако противоречивость некоторых сведений античного историка, нерешенность вопросов исторической географии, недостаток археологических данных, — все это в значительной мере затрудняет их решение. Среди племен, обитавших к востоку от Днестра и к северу от скифов, Геродот называет андрофатов, меланхленов, будинов и переселившихся на их земли гелон. Попытки локализовать эти племена предпринимались различными авторами, но возможный ареал каждого из них оказывался в весьма широких пределах.

2. Основные ориентиры в локализации Геродотовых племен — море и Борисфен, идентифицируемый с Днестром. По левому берегу Днестра в его низовьях располагается Гилея, выше которой, по данным Геродота, обитали скифы-земледельцы. Исследователи неоднократно обращали внимание на отсутствие ранних поселений на Нижнем Днестре, которые могли быть оставлены оседлыми земледельцами. Интерпретация В. И. Абаевым термина «скифы-земледельцы» как передача местного скифского названия, переводящегося «почитаю»

ские скот», позволяет действительно локализовать «скифов-земледельцев» (фактически скотоводов) вдоль левого берега Днепра вплоть до низовьев Ворсклы. Обнаруженные здесь курганы датируются в основном V и IV вв. до н. э., более ранние представляют большую редкость. По обряду погребения и составу инвентаря захоронения V и IV вв. до н. э. не отличаются от могил степной Скифии.

3. Выше скифов-земледельцев была «пустыня», за которой жили андрофаги, «племя особое и отнюдь не скифское» (Геродот, IV, 18). К северо-востоку от террасового Приднепровья компактной группой расположены памятники Посеймья, которые вполне можно соотнести с андрофагами. Основной тип памятников здесь — поселения, преобладают небольшие по размерам городища, защищенные валом и рвом только с одной стороны. Отсутствуют городища, со всех сторон окруженные валами и рвами, нет зольников. Практически не изучены погребения. Редкие курганы, располагающиеся не группами, а одиночно, известны преимущественно в междуречье Сулы и Сейма. Определенные особенности характерны и для комплекса вещей: крайне редки изображения в зверином стиле, некоторым примитивизмом форм отличается керамика. Геродот отмечает наличие жестоких нравов у андрофагов. Значительная удаленность бассейна Сейма от античных городов Северного Причерноморья, крайне слабая связь с ними несколько исказили представление о местных племенах, гиперболизируя их жестокость. Указание на существование каннибализма, очевидно, в культовых целях, подтверждается находками трубчатых костей человека с обломками эпифизов на Ширяевском городище.

4. О меланхленах Геродот писал, что они расселены к северу от восточных владений царских скифов, на расстоянии 20 дней пути (700—840 км) от моря. Вопрос о локализации меланхленов можно попытаться решить, налагая сведения Геродота не на современную карту, а на карту, воссозданную с учетом представлений Геродота о территории Скифии. Как известно, она имела вид квадрата, две стороны которого обращены к морю: одна — к югу, другая — к востоку. Большинство исследователей приходит к выводу, что античный историк не был осведомлен о полуостровном положении Крыма. Учитывая, что нижнее течение Северского Донца, как убедительно обосновал Б. А. Рыбаков, принималось за Дон, область, которую занимали меланхлены, могла находиться только в среднем течении Северского Донца. Подчеркивая, что это не скифы, Геродот отмечает наличие у них скифских обычаев. В обряде погребения населения среднего течения Донца обнаруживаются некоторые параллели со скифским по-

гребальным обычаем: большой процент удлиненных узких могил, значительная доля западной ориентировки погребенных. К этому следует отнести и происходящую из кургана у с. Липы каменную стелу, которые обычны в степи, но не встречаются у лесостепных племен.

5. Наиболее противоречивы представления исследователей о месте обитания будинов. Геродот сообщает, что это племя большое и многочисленное, в их области выстроен деревянный город, название которого Гелон. Непосредственно со скифами они не граничат, их соседями на юге были савроматы. На земли будинов переселились негры и гелоны. Анализ археологических материалов лесостепного междуречья Днепра и Дона, аналогии в комплексах памятников юго-западной части Поворскля и Днепровского Правобережья, а также Долгинецкого могильника и Сеньковских курганов с материалами подгорцевско-милоградской культуры, позволяют интерпретировать их как памятники соответственно гелонов и негров, а самих будинов локализовать на обширной территории, включающей Посулье, бассейн Псла, верховья Ворсклы и Северского Донца, бассейн Среднего Дона. Неравномерность распределения памятников на обозначенной территории можно объяснить занятиями и образом жизни будинов, а также перемещением торговых путей к концу скифского периода на восток в связи с изменением общей ситуации в Северном Причерноморье.

ХРОНОЛОГИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ДНЕПРОВСКОМ ЛЕСОСТЕПНОМ ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ

А. Н. Некрасова

Территория Днепровского лесостепного Левобережья является одним из регионов, занимаемых черняховской культурой. Процесс распространения черняховских древностей к востоку от Днепра можно разделить на два хронологических этапа.

Первый этап отражает проникновение элементов черняховской культуры в среду местных киевских племен и датируется тананскими амфорами и фибулами с высоким приемником VII группы Альмгрена второй половиной III — рубежом IV вв. Он представлен пятью закрытыми комплексами на поселениях Родной Край-III, Боромля-II и Букреевка-II (жилище № 8), слоем с тананской амфорой на волынцевском поселении Беседовка, а также трупосожжением в тананской амфоре-урне на могильнике Новоселовка, сопровождавшимся обломками гончарной и леп-

ной керамики. Постройки раннего этапа представлены только четырехугольными полуземлянками с золистыми или глинобитными очагами и содержат от 70 до 90% лепной посуды, в основном типичной для местной киевской культуры. Среди гончарной керамики значительно преобладает лощеная. Вместе с тем в комплексах второй половины III в. наряду с гончарной керамикой появляются материалы, неизвестные в предшествующих памятниках местной киевской культуры (лепные конические миски на выделенных поддонах, фибулы с высоким приемником, конические пряслица с глубоко вогнутой вершиной), которые имеют аналоги на раннечерняховских памятниках Поднестровья (Куропатники, Демьянов).

Второй этап — рубеж III—IV — начало V вв. — время существования классической черняховской культуры в Днепро-вском Левобережье. Он представлен большим количеством поселений и бiritуальных могильников, хорошо датируемых фибулами, пряжками, гребнями, стеклянными кубками типа «Ковалк» и «Кенигсбрух», обломками инкерманских амфор. На поселениях появляются наряду с полуземлянками наземные каркасно-глинобитные дома и гончарные горны. Начинается широкое производство гончарной посуды и повсеместное вытеснение из обихода лепной. На большинстве раскопанных поселений второго этапа гончарная керамика составляет от 90 до 100%, при этом преобладает кухонная. Исключением являются Пересечное, Кантемировка и Хлопков-I, последние два фиксируют начальный и завершающий периоды второго этапа. Открытая на краю Кантемировского поселения наземная каркасно-глинобитная постройка содержала до 40% лепной посуды, а среди гончарной преобладала лощеная. Лепная керамика представлена округлобкими горшками с высокими плечиками и хорошо выделенными отогнутыми венчиками. Аналогичные горшки составляют также немногочисленную лепную посуду в комплексах поселений IV в. Максимовка и Боромля-II (верхний горизонт). Они отличаются от биконических сосудов киевской культуры и имеют близкие аналогии в позднесарматских комплексах Причерноморья. На поселении Хлопков-I середины — конца IV в. помимо объектов с чисто гончарными комплексами обнаружены полуземлянки, содержащие наравне с гончарной (преимущественно кухонной) керамикой, до 50% лепной. Последняя представлена горшками с низко поставленными плечиками и ребристыми корчатами с налепным валиком под венчиком. Подобные сосуды имеют аналогии с одной стороны в памятниках киевской культуры, а с другой — в материалах раннего горизонта V в. по-

селения пеньковской культуры третьей четверти I тыс. Хитым и служат доказательством участия в формировании последней определенной части черняховского населения.

Население, оставившее памятники черняховской культуры второго этапа в Левобережье, было неоднородным в этническом плане, что проявляется в характере домостроительства и лепной керамики на поселениях, а на могильниках — в отдельных специфических элементах погребального обряда (сарматских захоронениях в ямах с подбоем в Компанийцах, Боромле-I, Переяславе-Хмельницком и под курганной насыпью в Кантемировке), а также в лепной посуде сарматского, вельбарского и пшеворского облика в компанийцевских погребениях.

ПАМЯТНИКИ «ЗАРУБИНЕЦКОЙ ЛИНИИ РАЗВИТИЯ» НА ВОДОРАЗДЕЛЕ ДНЕПРА И ДОНА В I—V ВВ. Н. Э.

А. М. Обломский

1. Лесостепная часть водораздела Днeпра и Дона охватывает верховья Сейма, Псла, Ворсклы, Северского Донца, Оскола. На этой территории зафиксировано несколько областей концентрации памятников I—V вв.: в районе г. Курска на Тускари, Сейме и Реуте, на Псле в районе Белой-Обояни, около г. Белгорода на Северском и Лисском Донце, в нижнем и среднем течении рек Корочи и Коренья, на Осколе между Старым Осколом и Чернянкой, а также близ Волоконовки — Валук, на р. Уды около Золочева.

2. В развитии памятников зарубинецкой традиции выделяют-ся 3 культурно-хронологических периода: позднезарубинецкий, ранний и поздний киевский. В рамках последнего выделены две фазы. Для позднезарубинецкого периода характерно относительно широкое употребление лепной лощеной посуды (от 2 до 7—8%), а для позднего киевского — черняховской гончарной керамики (от 1 до 35%). Ранний киевский этап имеет промежуточное положение: лепная лощеная посуда продолжает употребляться, но доля ее резко сокращается (менее 1%), на памятниках могут также встречаться отдельные черняховские гончарные черепки. Иными словами, этот период охватывает отрезок времени от момента прекращения широкого производства лепной лощеной посуды до начала поступления черняховского импорта.

3. Абсолютные даты этапов. Позднезарубинецкий по античному импорту относится к раннеримскому времени. Более определенно на дату указывают глазчатая фибула А60/61 из Картамы-

шево-2 (B2a по К. Годловскому) и обломок гривны с грибовидным окончанием (B2/C1 — C1a по М. Михельбертасу) из Головино-1, т. е. позднезарубинецкие памятники явно существуют во II в. н. э. вплоть до рубежа II/III вв. Наиболее ранней категорией вещей позднего киевского этапа являются фибулы группы VII О. Альмгрена (с высоким приемником — Букреевка-2, Гочево-3, Родной Край — 3). По Л. Е. Гороховскому они относятся, в основном, к ранней фазе черняховской культуры (230—270 гг.). Комплексы из жилища 1 Родного Край-3 (с фибулой — раннеримский железный ключ, обломки амфор типа С—Д) и постройка 5 Головино-1 (с фибулой — медная монета Тиры 238—253 гг.) подтверждают датировку Е. Л. Гороховского. Финал этапа определяется по прибалтийским фабулам с треугольно расширенными ножками и удлинненно-овальной пряжке из Каменево-2, а также «гуннской» стреле из Песчаного концом IV — началом V вв. н. э. **Ранний киевский этап**, таким образом, охватывает отрезок времени от рубежа II/III вв. до середины III в. Для позднезарубинецкого и раннего киевского периода характерно употребление вещей круга варварских эмалей.

4. Общая структура заселения территории водораздела Днестра и Дона в виде серии областей концентрации памятников формируется в позднезарубинецкий период и остается стабильной на протяжении всего римского времени.

5. **Позднезарубинецкий этап.** Раскопано 15 селищ. Эталонными являются Картамышево-2 (нижний горизонт), Гочево-1 (нижний горизонт), Терновка-2, Приоскольское-1. Несмотря на явную близость памятников между собой, в пределах очерченной территории они составляют два ареала: западный (бассейн Днестра) и восточный (бассейн Дона). Различия между ареалами наблюдаются: в наборе груболепной посуды (на западе не известны диски, на востоке относительно редка орнаментированная керамика), в комплексе лощеной посуды (на западе распространены высокие мискообразные сосуды с гравированным орнаментом, на востоке преобладают ребристые миски с прямыми венчиками), в типах хозяйственных построек. По своему происхождению позднезарубинецкие племена водораздела связаны с территорией Среднего Поднепровья. В формировании памятников западной области приняло какое-то участие (впрочем довольно незначительное) население пшеворской культуры. Имеются факты, свидетельствующие о контактах населения восточной зоны с сарматами лесостепного Подонья.

6. **Ранний киевский этап.** Раскопано 8 памятников (4 селища, 4 могильника). Эталонными являются Шишино-5, Шмыре-

во, Приоскольское-2. Культурный тип формируется в результате синтеза традиций западной и восточной областей предшествующего периода. На территории водораздела создается единая культурно-хронологическая общность. Памятники этого этапа по керамическому набору, конструкции жилищ, топографии селищ и погребальному обряду близки к киевским Среднего Поднепровья и Подесенья, но входят в состав киевской культуры на правах особого локального варианта (сейминско-донецкого).

7. **Поздний этап киевской культуры.** Раскопано 15 селищ. Эталонными являются для ранней фазы Букреевка-2, Тазово, Родной Край-3, для поздней — Каменево-2, Песчаное, Комаровка-2. Этнокультурная ситуация в этот период осложнилась в результате передвижения на водораздел Днестра и Дона нового населения — носителей черняховской культуры. Между пришельцами и местными племенами начинаются интенсивные контакты, вызвавшие поступление на киевские селища черняховской гончарной керамики украшений и т. п. Имеются факты (параллели в формах лепных сосудов, некоторых деталях конструкции построек), свидетельствующие о частичном смешении населения в пограничной зоне. В целом, тем не менее, на начальной фазе позднего киевского этапа киевские памятники сохраняют свою культурную специфику. В конце IV—начале V вв. (заключительная фаза позднего этапа) на Сейме и Псле появляются поселения, близкие к селищам деснинского варианта киевской культуры (Каменево-2, Комаровка-2), что происходит в результате передвижения в этот регион какой-то группы населения из Подесенья. Местные племена ассимилируются. Итогом развития культуры, как и на Десне, являются памятники типа Колочина. Материалы этой фазы на юге лесостепной части водораздела Днестра и Дона пока не изучены. Не исключено, однако, что здесь развитие традиций сейминско-донецкого варианта не пресеклось, а привело к формированию левобережных пеньковских памятников.

ИССЛЕДОВАНИЯ КУРГАНОВ ЭНЕОЛИТА-БРОНЗЫ В БАСЕЙНЕ Р. ОСКОЛ

Е. Н. Петренко

В 1986—1988 гг. Новостроечная экспедиция Белгородского пединститута провела охранные исследования на р. Уразова (левый приток р. Оскол). Сплошная разведка по обоим берегам на участке от границы с УССР до с. Соболевка (Валуйский район Белгородской области) позволила выявить 51 курган, образу-

щих 4 более или менее компактные группы, между которыми встречаются единичные насыпи. Подавляющее большинство курганов расположено в тождественных топографических условиях — вблизи реки, в пределах поймы или низкой надпойменной террасы. Лишь 3 отдельных кургана к югу от с. Соболевка и группа в 3 км севернее с. Герасимовка находятся выше.

Раскопки проводились в группе, расположенной к юго-востоку от с. Герасимовка. Она насчитывала около 20 насыпей, включая и разрушенные. Внутри этой группы выделяется компактное скопление из 9 курганов, примыкающее к излучине реки. По-видимому, это древнейшая часть могильника. Остальные насыпи (одиночные либо сгруппированные по 2—3) заметно удалены и рассредоточены. Среди одиночных курганов выделяется большое в плане овальное майданообразное сооружение высотой 4,7 м. Все остальные насыпи достигают в среднем 2 м.

Исследовано 4 кургана из скопления у излучины (№№ 6, 12, 13, 14) и 2 из числа рассредоточенных (№№ 2, 5А). Выявлено 19 погребений (6 в ямах, 11 в катакомбах, 2 в могилах с непрослеженными контурами). К сожалению, из-за высокого уровня грунтовых вод не все погребения удалось изучить до конца.

К погребениям с непрослеженными контурами относятся впускное безинвентарное труположение головой на юг (№ 1 в кургане № 2) — самое позднее из исследованных и основное безинвентарное, вытянутое на юго-восток (№ 1 в кургане № 12) — ориентировочно датирующееся временем не позднее середины III тыс. до н. э.

Ямные захоронения ориентировкой в западном и южном направлениях сближаются с памятниками Среднего Дона. Раннюю их группу составляют основные погребения № 2 в кургане № 2 (безинвентарное) и № 1 в кургане № 13 (парное, сопровождаемое медными шилом и листовидным ножом, точильным камнем и кремневым скребком). В целом их можно датировать концом третьей четверти III — первой четвертью II тыс. до н. э. К поздней группе относятся лежащие на спине или скорченно на правом боку (чаще в яме со ступенькой) труположения, сопровождаемые преимущественно одним горшком (погребения № 5 в кургане № 2, и № 3 в кургане № 12). Их время определяется в пределах всей первой половины II тыс. до н. э.

Среди катакомб выделяются: группа своеобразных парных захоронений человека и жертвенного животного (преимущественно крупный рогатый скот) в отдельных катакомбах (основные погребения № 1—2 в кургане № 6 и впускные № 3—4 в кургане № 2); вероятно, подобные захоронения (расчистить их не

удалось) в совмещенных нишах-катакомбах, имеющих общий вход (впускное № 2 в кургане № 13) одиночные катакомбы, где остатки жертвоприношения помещались на ступеньку (впускные № 1 в кургане № 14 и № 3 в кургане № 13) и непосредственно к покойнику (основное № 1 и впускное № 2 в кургане № 5А, впускное № 2 в кургане № 14). По-видимому, эти группы представляют собой звенья единой цепи эволюции погребального обряда (по линии упрощения) и могут быть использованы для относительной хронологии.

Из 9 катакомб с погребениями людей 8 отличаются единообразием: сооружения вытянуты по линии ЮВ-СЗ, а скорченные покойники ориентированы в южном направлении, причем в 7 случаях ниши-катакомбы примыкают к длинной стороне входной ямы, что характерно для Харьковско-Воронежской группы памятников. Исключение составляет основное погребение № 1 в кургане № 5А (катакомба вытянута по линии ЗСЗ-ВЮВ, а покойник — на ССВ). Оно имеет овальную входную яму, характерную для позднего этапа Донецкого варианта (1700—1600 гг. до н. э.) и сопровождается поздним сосудом с валиковой и врезной орнаментацией. С ним сближается погребение № 2 в кургане № 14, где ниша-катакомба примыкает к короткой стороне длинной прямоугольной шахты, что соответствует ранним донецким памятникам. Здесь, однако, найден типичный среднедонской сосуд с раструбообразным венчиком, распространение которых падает на время после 1700 г. до н. э. Сочетание ранних и поздних элементов в данном захоронении позволяет датировать его рубежом XVIII—XVII вв. до н. э.

Если учесть, что погребение № 1 в кургане № 5А перекрыто погребением № 2, продолжающим традиционную линию развития в ориентировке, то можно сделать вывод об инфильтрации южного населения в местную среду в период между 1700—1600 гг. до н. э. Кроме того, типологически предшествующие одиночным катакомбам парные захоронения в отдельных катакомбах, очевидно, можно датировать XIX—XVIII вв. до н. э.

Особого внимания заслуживает впускное погребение № 1 в кургане № 14. Здесь найден обоюдоострый железный нож со следами окислившейся бронзовой рукоятки на черенке (передан для специального изучения Б. А. Шрамко), а также сосуд, орнаментированный по всей поверхности елочко-гребенчатым орнаментом и характерный для ранних среднедонских памятников. Однако по имеющимся наблюдениям оно совершенно позже, чем рассмотренное выше погребение № 2. Вероятно, разница между ними невелика, и они относятся почти к одному времени.

ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ СТОЯНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

В. И. Погорелов

Могильник находится на правом высоком берегу реки Полубянки при впадении ее в р. Тихая Сосна (правобережье Среднего Дона) у северной окраины с. Ближнее Стояново Острогожского района Воронежской области. Курганы в количестве 47 насыпей расположены без определенной системы, компактно. Насыпи круглой формы, диаметры их чаще 20—30 м при высоте до 1,0 м и лишь некоторые имеют диаметры 50—60 м и высоту до 2,5 м.

Первые раскопки курганов были предприняты в 1983 году, а затем продолжены в ходе еще трех полевых сезонов — 1984, 1986 и 1989 гг. Всего изучено 12 насыпей. Из них пять сооружены в эпоху бронзы, а семь, располагавшиеся в северной части могильника, оставлены носителями среднедонской культуры раннего железного века.

Курганы эпохи бронзы занимали южную часть могильника, содержали 31 захоронение, которые по обрядовым признакам и сопровождавшему инвентарю составляют две группы: среднедонской катакомбной (17 погребений) и донской лесостепной срубной (14 погребений) культур.

Захоронения среднедонской катакомбной культуры в 15 случаях совершены в катакомбах и дважды в прямоугольных ямах.

Катакомбные конструкции имеют типичный для местной культуры облик: прямоугольная входная шахта и непосредственно с ней сочлененная камера. Характерно присутствие органических подстилок (93%) и охры (73%). Реже в погребальном обряде применялись мел (27%), огонь (27%) и жертвоприношения животных (27%). Остатки умерших выявлены в 13 катакомбах. В шести случаях они почили на правом боку, в шести — на левом, и в одном — на спине. Угол скорченности всегда тупой. Ориентировка неустойчивая: северная половина круга горизонта — семь раз, южная — четыре, на запад — два раза. Захоронения сопровождались глиняными сосудами горшковидных форм, бронзовыми ножом и шилом, каменным пестом, бараньими астрагалами. Интересная особенность инвентаря погребений — жаровни из органических материалов (в шести случаях).

Два погребения в прямоугольных ямах по обряду и сопровождавшему инвентарю (положение умерших на спине и правом боку, подстилки, охра, типы глиняных сосудов) близки захоронениям в катакомбных конструкциях.

По обрядовым признакам и характеру материалов все рассмотренные погребения принадлежат кругу памятников ямнокатакомбного типа (рубеж III—II тыс. до н. э.), а также развитому (XVII—XVI вв. до н. э.) и позднему (XV—XIV вв. до н. э.) этапам среднедонской катакомбной культуры. Два захоронения с положением умерших на спине и правом боку, сопровождавшиеся глиняными сосудами биконической формы, могут быть включены в немногочисленную пока для территории Среднего Дона группу погребений культуры многоваликовой керамики (вт. четв. — середина II тыс. до н. э.).

Преобладающее большинство захоронений донской лесостепной срубной культуры (11 из 14) сосредоточено в одном кургане, где они образуют дуговую планировку. Совершены или на уровне материка (50%) или в небольших прямоугольных ямах, слегка углубленных в материк (50%). Применение деревянных перекрытий, органических подстилок, охры, мела единично. Умершие во всех случаях располагались на левом боку, угол скорченности чаще прямой (54%) или острый (38%). Ориентировка их стабильна: практически всегда на северо-восток. Инвентарь погребений (глиняные сосуды острореберных и баночных форм, бронзовые височные подвески) находит аналогии в материалах начала второго периода в развитии донской лесостепной срубной культуры (XIV—XIII вв. до н. э.).

РАННЕСЛАВЯНСКИЕ ПАМЯТНИКИ БАССЕЙНА Р. ВОРСКЛИЦЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ — КОНЦА I ТЫС. Н. Э.

В. В. Приймак

В 1986—88 гг. в связи с созданием Свода памятников истории и культуры были проведены разведки в бассейне р. Ворсклицы, в ходе которых обнаружены памятники от II—III до VIII—X вв. На некоторых памятниках проведены охранные раскопки. В 1989 гг. в результате нового обследования данного района Р. В. Терпиловским и А. М. Обломским (см. тезисы Р. В. Терпиловского в настоящем издании) список славянских памятников данного региона значительно пополнился.

Небольшие работы были проведены на поселении V—VIII вв. у с. Верхняя Пожня Краснопольского района Сумской области (левый берег р. Пожня, впадающей слева в р. Ворсклицу). В процессе шурфовки памятника были обнаружены и частично вскрыты три постройки V—VIII вв., в одной из которых зафиксированы рядом с очагом три бронзовые бляшки диаметром око-

до 2 см и миниатюрный тигель (?) или форма из обожженной глины, что может предположительно расцениваться как следы ювелирного производства. Керамический комплекс памятника представлен как сосудами с профилированными туловом и венчиком, так и с цилиндрической верхней частью, характерными для колочинских древностей.

Открытие группы памятников V—VII вв. в бассейне р. Ворсклицы позволяет еще раз вернуться к интерпретации комплекса у с. Березовка, изданного В. Е. Данилевицем. Аналогичные фибулы датируются в Крыму от второй четверти до конца VII в. (Айбабин А. И.). В частности, довольно близкой является одна из двух фибул погребения 6 склепа 257 на склоне Эски-Кермена, где присутствовала половина монеты 629—641 гг. Вблизи с. Солдатское Великописаревского района открыто и частично исследовалось поселение, предварительно датируемое концом VII — началом IX в. Более ранние памятники пеньковской культуры расположены немного ниже по течению р. Ворсклицы, напротив с. Березовка Великописаревского района Сумской области. Указанные памятники расположены на левом берегу речки. Поселение Солдатское (птицеферма) занимает край возвышенного участка боровой террасы, более сниженная часть уничтожена песчаным карьером. На поселении были исследованы 2 полуземляночные жилища. Оба они разрушались грунтовыми дорогами, проходящими по территории памятника. Жилище № 1, ориентированное стенами по сторонам света, было углублено до 1 м, площадь 20 кв. м. В юго-западном углу находилась печь, сооруженная из глины с отдельными вмазанными в нее камнями, на печи был стационарно смонтирован противень. Печь сооружалась из принесенной со стороны глины (котлован жилища вырыт в песке). Жилище имело столбовую конструкцию, о чем свидетельствует наличие столбовых ям посредине стен и в юго-восточном углу полуземлянки. Из заполнения жилища и печи происходят крупные фрагменты и развалы ёбеудов, аналогии которым находим на волынцевских и раннеарменских памятниках. Примечательно, что в жилищах и подземном материале селища отсутствует гончарная волынцевская керамика. Нет также и роменской керамики с «гусеничным» орнаментом, не обнаружена раннегончарная керамика, равно как и обломки посуды общерусских образцов с манжетовидным венчиком. Такая посуда встречается на много лет исследуемом О. В. Сухобоковым комплексе памятников у с. Ницаха Тростянецкого района Сумской области, расположенном в 1,5 км от данного селища, выше по течению речки, в пределах видимости. Как известно, перечисленные особен-

ности роменской керамики отражают ее эволюцию во времени, что и позволяет датировать памятник в указанных выше хронологических пределах. Вторая полуземлянка, сохранившаяся частично, была также углублена на 1—1,2 м в песок, размер ее 4,5×5 м (предположительно). Ориентирована по сторонам света стенами столбовой конструкции. Судя по сохранившимся горелым конструкциям, деревянные плахи закладывались между столбами и стенами котлована. Керамический материал маловариателен, но, вероятно, жилища близки по времени.

К МЕТОДИКЕ ВЫДЕЛЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР ПОЗДНЕРОМЕНСКОГО ВРЕМЕНИ В ДНЕПРОВСКОМ ЛЕСОСТЕПНОМ ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ

О. М. Приходнюк

На финальном этапе позднеарменского времени в Днепро-вском лесостепном Левобережье проживали племена, оставившие древности, объединяемые в «культуру» киевского типа. Признаками, позволяющими усматривать их общность, чаще всего называются планировка и топография поселений, могильников, домостроительство, погребальный обряд, набор украшений, орудий, оружия, импорт. Нетрудно заметить, что в данном случае спутан вопрос о признаках, которые характеризуют культуру и тех, которые выделяют культуры среди территориальных и хронологически сходных ареалов. Действительно, АК характеризуют все признаки. Но для выделения культурного ареала, особенно в среде близких в археологическом отношении массивов, необходимо выявить специфические черты, не выступающие комплексно в соседних зонах. Если последовательно идти за методикой, применяемой исследователями, занятыми изучением «киевских» древностей, то к этой культуре следует зачислять близкие в структурном отношении пеньковские, колочинские и другие лесостепные древности третьей четверти I тыс. н. э.

Это осознают приверженцы «киевской» культуры, поэтому выдвигается тезис о том, что «стыки между крупными историческими эпохами, как правило, ограничивают существование специфического комплекса АК» (Терпиловский Р. В., 1989). Имеется в виду смена античности эпохой средневековья. Но так ли ощутимы были события, протекавшие в бассейне Причерноморья и Средиземноморья, на удаленной территории Днепро-вского Левобережья? Археологические материалы свидетельствуют о плавности этногенетических процессов в I тыс. н. э. в этом регионе. Те-

зис о смене культур на рубеже двух эпох выдвинут вопреки фактам, с целью обособления этой археологической общности.

Если же сравнивать специфические традиционные черты, которые в конкретном случае представлены стабильными комбинациями взаимовстречаемости ведущих лепных керамических форм (биконические, тюльпановидные, округлобкие горшки), то обнаружится, что часть памятников Днепровского Левобережья второй четверти I тыс. н. э. окажутся родственными пеньковским (Ронце) или колочинским древностям (Ульяновка, Форостовичи и др. (Приходнюк О. М., 1988)). Следует подчеркнуть, что между ними сходными будет не только распределение типов керамики, но и топография поселений, жилищное строительство, погребальный обряд. Произошла смена только второстепенных черт (часть украшений, фибул, амфор и некоторых других), кратковременное функционирование которых ограничено быстро менявшейсяемой.

Среди зачисляемых в «киевскую» культуру имеются ранние памятники III в. н. э. типа Сушков—2, Гочева—1, археологический комплекс которых отличается от последующих памятников. Эти отличия пытаются объяснить различной хронологией «киевских» древностей (Терпиловский Р. В., 1989). Однако и этот тезис нельзя считать убедительным, ведь совершенно очевидно, что памятники IV и V—VII вв. более сходны, чем IV и III вв.

По-видимому, ранние древности типа Сушков—2, имеющие позднезарубинецкие черты, следует выделять в самостоятельный этап в развитии славянских культур Днепровского Левобережья I тыс. н. э.

К ОЦЕНКЕ МОСОЛОВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ МЕТАЛЛУРГОВ-ЛИТЕЙЩИКОВ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

А. Д. Пряхин

На фоне достигнутых за последние десятилетия успехов в изучении проблематики так называемой Евразийской металлургической провинции эпохи поздней бронзы (прежде всего работы Е. Н. Черных и его учеников) первостепенное значение приобретает анализ результатов изучения бытовых памятников, демонстрирующих четко выраженную производственную направленность. Среди последних особое место занимает Мосоловское поселение срубной культурно-исторической общности на р. Битюг (правый приток Дона), исследовавшееся в 70-х—80-х гг. экспедицией Воронежского университета (вскрыто более 10000 м²

площади, раскопано более 40 значительных по площади жилых и производственных помещений, большое число хозяйственных построек).

О четко выраженной производственной направленности хозяйственной деятельности жителей поселка свидетельствует уже сам факт обнаружения здесь более 2000 целых и обломков глиняных литейных форм, принадлежащих примерно 700 створкам одностворчатых и двухстворчатых литейных форм, целых и обломков не менее чем 300 плавильных чаш.

Важно, что примерно треть происходящих с поселения литейных форм служила для отливки вислобушных топоров, серпов и косарей, что свидетельствует о четкой профилизации производственной деятельности мосоловских литейщиков, о ее по сути дела «ремесленном» характере.

Осуществленный Н. В. Рыдиной и А. Д. Дегтяревой металлографический анализ мосоловской серии позволил констатировать, что литейщики-кузнецы Мосоловского поселения использовали наряду с литьем такие приемы кузнечной обработки, как свободную и фигурную ковку, вытяжку, рубку, прошивку отверстий.

Принципиально важны результаты выполненного В. В. Килейниковым экспериментально-трассологического анализа происходящей с поселения серии каменных, костяных и глиняных орудий труда. Среди них оказались не только металлообрабатывающие орудия, применявшиеся в кузнечных и абразивных операциях, но и значительная серия орудий труда горно-металлургической функциональной группы, применяемых при добыче рудного минерала и его переработке в целях обогащения. Это дало основание для предположения, что здесь присутствовал не только металлообрабатывающий цикл, но и технологическая фаза, связанная с горным делом и металлургией.

Но производственной направленностью не ограничивалась хозяйственная деятельность на поселении. Тот же экспериментально-трассологический анализ костяных и сделанных из глины орудий труда позволил выделить среди них значительную серию изделий, связанных с функционированием скотоводческой отрасли, включая кожевенное дело. Значение скотоводческой отрасли хозяйства подтверждается остеологическими данными (определение О. П. Журавлева). В то же время данных о занятии земледелием почти не представлено.

Иными словами, происходящие с Мосоловского поселения свидетельства говорят в пользу того, что поселок принадлежал металлургам-литейщикам, в хозяйстве которых значительное

место занимало скотоводство и связанные с ним хозяйственные отрасли (прежде всего кожевенное дело).

Достигнутый уровень осмысления Мосоловского поселка поздней бронзы диктует необходимость выведения исследовательского поиска на качественно новый уровень анализа, что во многом будет зависеть от того, в какой степени удастся реализовать намеченную программу экспериментов, направленных на моделирование отдельных видов производственно-хозяйственной деятельности жителей этого поселка. Ставится задача осмысления возможно большего числа аспектов этой деятельности, включая выяснение ее объемов и параметров. При этом надо иметь в виду, что само осуществление такого рода экспериментов в сочетании со все более возрастающим внедрением в исследовательский поиск методов естественных наук открывает возможность получения экспериментальным путем продукции, в известной степени аналогичной свидетельствам, встречаемым при раскопках. То есть возможно получение эталонов, что уже само по себе предельно важно. Именно эти задачи призвана решить недавно образованная при кафедре археологии Воронежского университета лаборатория естественно-научных методов, ведущий профиль работы которой — изучение производств и других видов хозяйственной деятельности населения эпохи поздней бронзы зоны лесостепи.

РАБОТЫ КУРСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В ДВЕНАДЦАТОЙ ПЯТИЛЕТКЕ НА ТЕРРИТОРИИ КУРСКОЙ И БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТЕЙ

А. И. Пузикова

1. В 1986—1988 гг. работы Курской экспедиции были сосредоточены на исследовании разновременных памятников на территории строящегося Курского водохранилища на р. Тускари, левом притоке Сейма, а также на исследовании курганного могильника у дер. Дуровка-Вербное, расположенного в Алексеевском районе Белгородской области.

2. На многослойном поселении Переверзево II вскрыто около 2000 м² площади. Исследованы остатки построек трех культур и периодов: скифоидного, датируемого VI—V вв. до н. э.; роменского, относящегося к IX—X вв. н. э., и позднеславянского или русского XVI—XVII вв. н. э.

Культурный слой поселения отличался большой насыщенностью и разнообразием обнаруженных находок, давших значительное количество вещей датирующего характера (бронзовые

наконечники стрел и бронзовые гвоздевидные булавы VI — V вв. до н. э.; серебряные арабские дирхемы X века н. э.; монеты, крестики и большое количество орудий труда XVI—XVII вв. н. э.).

3. Одновременно с работами в Курской области экспедиция вела исследования на территории Белгородской области. В 1985 г. вновь была обследована большая часть городищ, которые экспедиция обнаружила и частично исследовала еще в 60-е годы. С городищ были сняты топографические планы с учетом всех происшедших за это время изменений.

4. Основные работы были сосредоточены на исследовании курганного могильника у дер. Дуровка-Вербное, раскопки которого были начаты в 1964—65 и продолжены в 1985—87 гг.

В группе насчитывалось 23 насыпи. Под насыпями были обнаружены остатки деревянных погребальных конструкций с опорными столбами по углам и в центре и перекрытиями в виде шатров и плоских накатников. В нескольких случаях прослеживались входы-дромосы. Необыкновенным богатством отличался погребальный инвентарь. Было обнаружено большое количество оружия как наступательного (мечи, наконечники стрел, копий, дротиков), так и оборонительного (чешуйчатые панцири); предметов украшений (нашивные бляшки, бусы, перстни, фибулы); утвари (ножи, бронзовые котлы, черпаки, глиняная посуда, как местная лепная, так и импортная гончарная); украшения уздечек, выполненные в зверином стиле, и многое другое. Уникальны находки золотой бляшки с антропоморфным изображением; серебряного ритона с протомай барана и серебряного круглодонного кубка с изображением гиппокампов, рыб и утки, расположенных между ними. В целом основная масса курганов дала материал, аналогичный и синхронный материалам широко известных могильников Мастюгино и группы «Частые курганы» под Воронежем.

5. Из общей картины несколько выпадают комплексы курганов 13 и 15. В кургане 13 было обнаружено женское погребение, датируемое III—I вв. до н. э., а в кургане 15 — парное мужское погребение воинов, относящееся к IV—III вв. до н. э. По инвентарю в комплексах обоих курганов четко прослеживаются связи с племенами скифо-сарматов Кубани.

ПАМЯТНИКИ ГОРОДЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ В ВЕРХНЕМ ПОДОНЬЕ

Ю. Д. Разуваев

В Верхнем Подонье известно свыше 270 памятников раннего железного века. Северную часть этой территории занимают памятники городецкой культуры, исследование которых ведется с конца 1950-х годов экспедициями Института археологии АН СССР и его Ленинградского отделения, Воронежского государственного университета, Липецкого педагогического института и некоторыми другими. Впервые попытка их культурно-исторической интерпретации была предпринята В. П. Левенком и В. Г. Мироновым, поставившими вопрос о существовании локального варианта городецкой культуры на Верхнем Дону.

К настоящему времени целый ряд городищ (Воргольское, Рябинки, Дубики, Перехвальские I и II, Крутогорье, Вертячье) и поселений (Ново-Никольское, Делиховое) исследовались раскопками. Здесь получены материалы достаточно ярко выраженного городецкого облика. Картографирование поселений с «рогожной» керамикой позволило определить южную границу их распространения по рекам Дон и Воронеж. Условная линия через с. Дмитришевку и с. Подгорное в Хлевенском районе Липецкой области разделяет основные массивы памятников городецкой и скифоидной культур.

С городецкой культурой можно связать 145 поселений и 19 городищ. Хотя территория Верхнего Подонья изучена неравномерно, есть основание с уверенностью говорить, что наиболее заселены были берега крупнейших рек Дон и Воронеж. Отмечается определенная концентрация памятников в среднем течении рек Красивая Меча и Быстрая Сосна. Среди поселений преобладают расположенные на коренных берегах (40%) и надпойменных террасах (35%) рек. Реже встречаются поселения в поймах (25%). Городища занимают высокие мысовые участки в правобережье Воронежа (8) и Дона (4), в левобережье Быстрой Сосны (5) и Красивой Мечи (3). Укрепления большинства из них состоят из одного—двух валов и рвов.

Хронология верхнедонских памятников разработана пока недостаточно. Однако можно принять общие рамки их существования: середина I тыс. до н. э. — начало I тыс. н. э. Именно в этот период на территории Верхнего Подонья непосредственно соприкасались городецкая и скифоидная культуры, проходил процесс этно-культурных контактов населения лесостепной и лесной зон.

К ВОПРОСУ ОБ ОЧАГЕ МЕТАЛЛООБРАБОТКИ ДОНСКОЙ ЛЕСОСТЕПНОЙ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ

А. С. Саврасов

Основные признаки очага металлообработки были охарактеризованы Е. Н. Черныхом в статье «О терминах «металлургический центр», «очаг металлургии» и других». Среди них им выделены следующие: 1 — наличие собственной металлообработки; 2 — своеобразие набора типов металлических изделий и технология их изготовления; 3 — ограниченность деятельности очага хронологическими и географическими рамками; 4 — единокультурность населения. Позже им был охарактеризован и очаг металлообработки срубной культуры.

В настоящее время исследовательский поиск направлен на осмысление в рамках срубной культурно-исторической общности специфики хозяйственного развития различных массивов населения этой общности. Поэтому возникает объективная необходимость более детального анализа металлообработки уже в рамках отдельных культур.

Среди срубных культур наиболее документированной археологическими источниками является донская лесостепная культура, памятники которой распространены на территории, ограниченной на востоке верховьями р. Суры, на западе — Поосколем, на севере — линией по параллели Тамбов — Орел, на юге — границей степи и лесостепи. В своем развитии эта культура проходит три этапа, а ее хронологические рамки укладываются в пределах третьей четверти II тысячелетия до н. э.

Характеризуя очаг металлообработки донской лесостепной срубной культуры, мы в целом следуем за признаками, разработанными Е. Н. Черныхом. Обратим внимание лишь на то, что им в основу второго из признаков был взят анализ металлических изделий, прежде всего типологический и спектральный, вероятно потому, что другие характеризующие металлообработку источники (литейные формы, плавильные чаши) были малочисленны и фрагментарны, а кузнечный инструментальный типологически четко не вычленялся.

Среди археологических материалов с памятников донской лесостепной срубной культуры имеется весь комплекс источников, характеризующих как безусловность местной металлообработки, так и технологию металлообрабатывающего производства. Отметим, что только с Мосоловского поселения металлургов-литейщиков происходит почти 700 целых и обломков створок литей-

ных форм и плавильных чаш и более 200 кузнечных орудий. Кроме Мосоловского поселка насчитывается еще около 20 срубных поселений, на которых обнаружены глиняные литейные формы общим числом более 50 экземпляров. На ряде поселений встречены плавильные чаши, довольно многочислен и кузнечный инструментарий.

Не вызывает сомнения и своеобразие набора типов металлических изделий. Подчеркнем, что при характеристике очага металлообработки донской лесостепной срубной культуры имеется уникальная возможность увидеть полный набор типов изделий из металла по негативам на литейных формах и самим металлическим предметам. Отметим, что только наименований типов изделий более 20. Изготавливаемые орудия труда, оружие и украшения в основном были характерны для всей срубной культурно-исторической общности, а некоторые из них и для Евразийской металлургической провинции в целом. Многие же из них имеют морфологические черты, характерные только для донской лесостепной срубной культуры (такими чертами обладают вислобушные топоры, серпы, косари, наконечники копий и некоторые другие изделия).

В технологической характеристике изготовления металлических изделий донской лесостепной срубной культуры, например, в порядке расположения определенных типов негативов, имеются общие черты в рамках срубной культурно-исторической общности. В то же время имеется и ряд характерных для этой культуры черт. Характерной чертой местного очага металлообработки является повсеместное использование на его территории глиняных литейных форм, технология изготовления и использования которых имеет ряд общих моментов.

Из анализа негативов на литейных формах следует вывод о значительном объеме кузнечных работ, производимых с большинством отливок (заготовок). С помощью металлографического анализа зафиксирован высокий уровень кузнечных работ.

Что же касается географических рамок очага металлообработки донской лесостепной срубной культуры, то в настоящее время нет оснований выводить его деятельность за границы распространения самой культуры.

Хронологические рамки очага металлообработки приходятся в основном на первый и второй этапы развития этой культуры. В начале же третьего этапа на данной территории появляются совершенно новые типы металлических изделий, местное производство которых не фиксируется.

РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТ ЭКСПЕДИЦИИ ВОРОНЕЖСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА В 1986—89 ГГ.

А. Т. Синюк

Деятельность экспедиции ВГПИ складывается из трех направлений: 1) разведки; 2) охранные раскопки; 3) проведение раскопок археологических объектов в соответствии с утвержденными научными планами. Первые два направления реализуются на базе хозяйственных договоров с дирекцией охраны памятников Воронежского управления культуры и с рядом строительных организаций; третье — в рамках госбюджета института. Работы велись силами четырех отрядов (руководители Аринчина Т. Ю., Березуцкий В. Д., Бойков А. А., Погорелов В. И.) на территории Воронежской, Волгоградской, Куйбышевской областей, а также Калмыцкой АССР. За рассматриваемое время открыто и паспортизировано 580 памятников, из которых 261 — поселения разных археологических эпох, 214 курганных могильников, 54 отдельных кургана; раскопано 50 курганов, содержащих 154 погребения (131 — эпохи бронзы, 17 — раннего железа, 6 — средневековых кочевников); изучалось семь поселений, где общая раскопанная площадь составила 2866 кв. м.

Получен чрезвычайно важный в научном отношении материал, позволяющий на ином уровне дать оценку сделанному ранее и поставить на повестку дня решение новых проблем.

Весьма интересным является открытие в ходе разведок кремневой мастерской эпохи позднего палеолита (15—10 тыс. до н. э.) в Калачеевском районе Воронежской области, а также трех кварцитовых мастерских времени мезолита-неолита (VII—III тыс. до н. э.) в восточных районах Воронежской области.

С завершением раскопок Мастишенских поселений (Острогожский район Воронежской области) впервые для средней полосы Восточной Европы получены данные о древних лабиринтах-святилищах, что открывает возможность глубже заглянуть в область религиозно-культовых и идеологических представлений донских племен пережиточного энеолита (середина III — начало II тыс. до н. э.). Один из лабиринтов позволяет говорить о развитой системе положительных знаний у этих племен, поскольку удалось с полной достоверностью установить использование его в качестве обсерватории.

Исследование грунтового могильника на дюне Терешковский Вал (Богучарский район Воронежской области) поставило перед фактом нового осмысления форм взаимодействия древних

обществ; захороненные здесь мастера по изготовлению каменных наконечников стрел — выходцы из северного, лесного этнокультурного мира, оказались в гуще степных ямно-катакомбных племен.

Особое значение приобрели раскопки Первого Власовского могильника (Грибановский район Воронежской области). На основании суммы признаков следует полагать, что он представляет собой обособленное место захоронений клана служителей культа в ямно-катакомбное время. А это, в свою очередь, говорит о глубоких процессах социальной стратификации в среде меретных племен на развитом этапе эпохи бронзы (XX—XVII вв. до н. э.), сопряженных уже с таким общественным объединением, как племенной союз. Вместе с тем вновь полученные источники укрепили наши представления о большой роли ямного компонента в генезисе среднедонской катакомбной культуры. Весьма интересно и обнаружение на Среднем Дону (хут. Захаров Волгоградской области) катакомбного захоронения с жаровней из сосуда маньчжского типа, что подтверждает и еще одну высказывавшуюся нами мысль о контактах носителей среднедонской и предкавказской катакомбных культур.

В плане функциональной оценки береговых стоянок и получения чистого комплекса остеологических материалов периода средней бронзы (воронежская культура), эталонная роль принадлежит исследованной нами Нижне-Сторожевской стоянке. При этом на основе сравнительного анализа получил дополнительную аргументацию тезис о непосредственной преемственности памятников данного облика от местной пережиточно-энеолитической иванобугорской культуры.

Расширился круг наших представлений об этносоциальном содержании абашевской культуры с раскопками погребений вождей-жрецов, при фиксировании признаков взаимодействия с Приуральским миром эпохи бронзы (Первый Власовский могильник, курган № 16; Первый Павловский могильник, курган № 57), о культурно-хронологическом соотношении на Среднем Дону катакомбной, абашевской и срубной культур, о появлении здесь новых этнокультурных компонентов периода финальной бронзы. Последнее, в частности, иллюстрируется открытием на донец Терешковский Вал остатков медеплавильных печей в сопровождении материалов, аналогичных памятникам Нижнего Дона, Приазовья и Нижней Волги.

Уникальным является открытие на Втором Власовском могильнике (по соседству с Первым) подземного лабиринта-капища, оставленного одной из групп населения тюрского кочевниче-

ского мира VIII—X вв. н. э. В качестве редкой для Среднего Дона находки можно отметить захоронение представителя половинной знати в курганном могильнике Высокая Гора (Богучарский район Воронежской области). На упоминавшейся донце Терешковский Вал обнаружены самые южные пока для среднедонской территории следы бродников XI—XII вв. н. э.

Мы смогли перечислить лишь наиболее яркие источники, полученные раскопками экспедиции ВГПИ, а также связанные с ними некоторые новые аспекты в плане исторических реконструкций. Вместе с тем они не заслоняют широкий круг всех полученных материалов, обработка которых еще продолжается и от которых ожидается весьма многоплановая информация.

К ИЗУЧЕНИЮ ЮГО-ВОСТОЧНЫХ ОКРАИН КИЕВСКОЙ РУСИ

О. В. Сухобоков

1. Как известно, на территории Днепровского Левобережья в предгосударственный период представлены славянская волынцевско-роменская (северянская) и тюркско-аланская салтовская археологические культуры. Наличие этих двух этнокультурных компонентов в особенности свойственно юго-восточным районам рассматриваемой территории, включающим в себя современные Полтавскую, Харьковскую и часть Сумской областей УССР и — частично Курскую и Белгородскую области РСФСР.

2. Гнезда северянских городищ, протянувшиеся цепочками вдоль правых берегов Северского Донца, Ворсклы, Псла, Сулы и Сейма, образовывали несколько линий общеплеменной обороны, создавая, таким образом, глубокоошелонированный укрепленный район, преграждавший кочевникам пути во внутренние восточнославянские земли. Жизненно важное значение этого района хорошо понимали первые киевские князья, уже в конце IX в. включившие его в состав молодого государства, предварительно освободив население (северян) от власти Хазарии (884 г.)

3. С падением Хазарского каганата и обострением внешнеполитической ситуации с 60-х гг. X в. (печенеги) происходит преобразование племенной оборонительной системы в общегосударственную, на что указывает градостроительная деятельность Владимира I в 80-х годах. Вместе с тем наблюдается некоторый отлив северянского населения под непрерывным натиском кочевников во внутренние области, под защиту крепостей на государственной границе, которая в XI в. стабилизируется по р. Суле. Появление половцев и их экспансия в южнорусские земли при-

водит к тому, что и в конце XII в. территория к востоку от Сулы рассматривается современниками как «земля незнаема», а поход Игоря Святославича в эти земли как славный воинский подвиг.

4. В связи в этом представляется уместным вопрос о возможности существования оседлого населения в XI—XIII вв. в рассматриваемом регионе, что в свою очередь требует постановки вопроса об отношениях этого населения с кочевниками (печенегами и половцами) с одной стороны, и с левобережными княжествами (Новгород—Северское, Переяславское) и центральной властью в Киеве — с другой.

5. Поскольку состояние письменных источников по этим вопросам неудовлетворительно и требует специального изучения (что выходит за пределы нашей компетенции), попробуем отыскать их решение на основе археологических материалов.

6. Сплошное обследование бассейнов левых притоков Днепра (И. Н. Ляпушкин, М. П. Кучера и О. В. Сухобоков, Ю. Ю. Моргунов и др.), а также проведенные в последние десятилетия раскопки ряда памятников показали, что большинство романских городищ продолжают функционировать и в древнерусское время. Более того, картографирование древнерусских поселений на Левобережье дает основания говорить об относительно большей заселенности территории сравнительно с предгосударственным периодом. Так, если для всей второй половины I тысячелетия известно около 2500 памятников, то для первой трети II насчитывается более 180 пунктов с древнерусскими материалами.

7. Многолетние раскопки некоторых городищ за пределами Посулья (Каменное на Псле, Ницаха, Городное в Поворсклье, Донецкое в бассейне Северского Донца, Гочево и Горналь в Курской области) фиксируют их существование в XI—XII вв. Полученные материалы указывают на общедревнерусский характер материальной культуры их обитателей наряду с общими чертами духовной культуры (христианизация). Материалы раскопок могильников у с. Каменное (40 курганов), Зеленый Гай (15), Городное (70) (раскопки А. А. Моруженко) выявили западную или северо-западную ориентацию погребенных по обряду трупоположения: на горизонте, в неглубоких ямах, в насыпи. В некоторых курганах отмечены урновые захоронения кремнированных на стороне, в трупоположениях — следы угольной подсыпки (Каменное); имеются и погребения в сопровождении коня (Городное). Эти факты указывают не только на пережитки язычества в среде в целом христианского населения, но и на

его этническую неоднородность. На некоторых городищах имеются каменные крестики — «корсунчики» (Ницаха), бронзовые кресты-энколпионы, нателные иконки (Каменное, Донецкое) и пр. предметы культа.

Наличие спиральных височных колец в материалах могильников (Каменное, Зеленый Гай, Городное) или в культурном слое городищ (Донецкое, Ницаха, Гочево, Горналь) позволяют определять эти памятники как северянские, что не исключает присутствия выходцев из иноплеменных и иноэтнических образований. Относительно последних уместно напомнить переселения жителей Белой Вежи в более спокойные районы Левобережья в 1116/1117 гг.

8. Первым самостоятельным князем чернигово-северским и тмутараканским был Мстислав, после смерти которого и до 1054 г. левобережные земли подчиняются великому князю. С образованием на Левобережье Переяславского и Черниговского княжеств земли по Пелу, Ворскле, Северскому Донцу в результате перипетий междоусобной борьбы входят в состав того или другого. Но в условиях постоянных набегов кочевников их власть была номинальной.

О ЮЖНОЙ ГРАНИЦЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ЯМОЧНО-ГРЕБЕНЧАТОЙ КЕРАМИКИ

Д. Я. Телегин

1. К числу памятников ямочно-гребенчатой керамики относятся поселения с примитивной остродонной посудой, украшенной преимущественно глубокими ямками различных очертаний, обычно с негативами — бугорками на внутренней поверхности сосуда. Ямки в узоре сочетаются нередко с оттисками гребенки.

Поселения с различными вариантами керамики этого типа известны, главным образом, в Волго-Окском бассейне (Лыжово, Балахна, Белевская, Рязанская и др. культуры), в Восточной Прибалтике (типичная ямочно-гребенчатая керамика), Карелии и Финляндии.

2. Носители культур ямочно-гребенчатой керамики, которых многие исследователи связывают с финно-угорской языковой средой, несомненно, сыграли важную роль в истории неолитического населения Восточной Европы, что, естественно, может быть понято с большей полнотой при более углубленном изучении района распространения племен и их исторического окружения.

3. Благодаря широко развернувшимся за последние годы исследованиям неолитических памятников на Средней Волге, в верховьях Дона, на Украине и в Белоруссии, представилось возможным, в частности, значительно уточнить юго-восточную и южную границу распространения памятников ямочно-гребенчатой керамики. Как это установлено работами казанских археологов А. Х. Халикова, Р. Габяшева, наиболее юго-восточными памятниками балахнинской культуры ямочно-гребенчатой керамики являются поселения в устье р. Казани на Средней Волге (Обсерваторная-III, Русско-Луговская стоянки), где носители этой культуры соседнили с племенами волго-камской культуры гребенчатой керамики. Непосредственный контакт этих различных групп неолитического населения подтверждается не только соприкосновением областей распространения их культуры, но и фактами взаимовлияний, в частности, наличием в материалах поселений волго-камских племен явных черт балахнинской культуры (Старо-Мазыковская стоянка).

Еще работами М. Е. Фоссе были исследованы отдельные местонахождения ямочно-гребенчатой керамики в верховьях рек бассейна Дона и правобережья Волги (Озименки, Подзорново). Эти данные затем значительно дополнили и уточнили исследования В. П. Левенка и А. Т. Синюка, которыми доказано существование на линии Воронежа поселений гибридной ямочно-накольчатой керамики (Рыбное озеро), которая возникла здесь несомненно в результате слияния в зоне стыка разнотипных явлений лесного и степного неолитических миров. По данным В. П. Третьякова и А. А. Выборнова памятники с ямочно-гребенчатой керамикой хорошо представлены и в Сурско-Мокшанском междуречье.

4. В пределах Левобережной Украины южная граница распространения памятников ямочно-гребенчатой керамики в период их наибольшего продвижения на юг (вторая половина IV—III тыс. до н. э.) проходила по линии Купянск — Славянск — Полтава — Чернигов. Здесь отмечены многочисленные факты сосуществования этих памятников с поселениями днепро-донецкой, а позднее среднестоговской неолитической культуры (Деревка).

Пересская течение Десны в районе Чернигова, граница памятников ямочно-гребенчатой керамики поднимается вверх по междуречью Сожа и Десны. Бассейн Сожа является зоной стыка памятников ямочно-гребенчатой керамики и днепро-донецкой культуры, где на протяжении многовекового сосуществования

этих культур возник ряд памятников со смешанными волго-окскими и днепро-донецкими чертами (Волинцево, Пчелица, Стрелица и др.).

5. Южная граница памятников так называемой «типичной ямочно-гребенчатой керамики» на севере Белоруссии, за последнее время уточненная работами М. М. Чернявского, проходит от верховий Днепра, по водоразделу Березины Днепровской и Западной Двины на р. Вилию и, не доходя до Вильнюса, поднимается где-то к Балтийскому побережью. Как это установлено исследованиями Р. К. Римантене, И. А. Лозе, в западной Литве эти памятники отсутствуют полностью.

6. Таким образом, растянувшаяся более чем на 2000 км южная и юго-западная граница памятников ямочно-гребенчатой керамики в период наибольшего их продвижения на юг и запад проходила примерно по линии Казань—Воронеж—Славянск—Полтава—Чернигов — северные районы Белоруссии. Далее, переская Литву восточнее Вильнюса, она упиралась в побережье Балтийского моря.

На всем протяжении отмеченной границы носители этой культуры во второй половине IV—III тыс. до н. э. граничили с разнотипными и, надо полагать, разнотипными племенами волго-камского, степного, висло-днепровского и прибалтийского неолита.

СЛАВЯНСКИЕ ПАМЯТНИКИ В ПОРЕЧЬЕ ВОРСКЛИЦЫ

Р. В. Терпиловский

1. Определение структуры заселенности тех или иных территорий носителями древностей I тыс. н. э. в последние годы вызывает значительный интерес. Так, 15 памятников, охватывающих практически весь период, зафиксированы близ с. Гочево в верховьях р. Псел.

Подобная группа обнаружена и в бассейне р. Ворсклицы. Первые сведения о памятниках этого региона были получены в результате работ Левобережной славяно-русской экспедиции (нач. О. В. Сухобоков). В ходе разведок 1988—1989 гг. А. М. Обломским и автором обнаружен ряд памятников, занимающих берега рр. Ворсклы и Ворсклицы на участке от границы Белгородской и Сумской обл. до г. Ахтырка Сумской обл. Одновременно были проведены разведочные раскопки четырех памятников (Рябовка, Солдатское-5, Березовка-2, Пожня-1). При этом удалось определить границы зоны концентрации и характер входящих в

нее памятников 1 тыс. н. э., не связанных с черняховской традицией.

2. Протяженность настоящей зоны около 30 км при ширине в несколько километров. В этих пределах обнаружено 14 памятников 1 тыс. н. э., расположенных в близких топографических условиях. Все они занимают края первой надпойменной террасы высотой 1—4 м, иногда 4—6 м, по правому и левому берегам р. Ворсклицы, иногда они расположены на дюнах и останцах обтекания в пойме. Площадь поселений составляет от 0,3—0,4 до 2 га, в основном до 1 га. Мощность культурного слоя 0,3—0,4 м, в нескольких случаях достигает 0,6—0,8 м (параметры указаны только для однослойных памятников). Естественно, большинство их обнаружено на распахиваемых участках; видимо, плащажной вспашкой под посадки сосны уничтожен еще ряд памятников этого круга на борových террасах.

3. Насколько можно судить по характеру подъемного материала и результатам небольших раскопок, здесь представлены памятники различных культур 1 тыс. н. э. без существенных лакун между ними. К наиболее ранним памятникам этой группы относятся позднезарубинские поселения I—II вв. Березовка—2 и Солдатское—5. В первом исследовано жилище, три хозяйственных постройки и 15 ям, во втором — под выносного очага, вымощенного керамикой. К ранним памятникам киевской культуры принадлежат значительно разрушенное поселение и могильник Рябовка (исследовано восемь хозяйственных ям). Кроме лепной керамики и пряслиц, здесь обнаружены украшения с выемчатой эмалью (подковообразная фибула и подвеска-лунница), типичные для киевских памятников преимущественно III в. К несколько более позднему времени, очевидно, относятся поселения, где кроме лепной посуды киевского типа встречены единичные фрагменты черняховской гончарной керамики (Пожня-1, Рябовка—2, Порозок—3, Ивановка—2). Черняховский импорт на киевские памятники Левобережья начинает поступать со второй половины или конца III в., что видно, например, по материалам поселения Боромля—2, расположенного в 25 км к северу от Ворсклицы (см. тезисы А. Н. Некрасовой в настоящем издании).

4. Три поселения (Станичное—1, 2, Порозок—2) можно диагностировать только в общих пределах второй или третьей четверти 1 тыс. н. э. Очевидно, к началу раннего средневековья, к V—VII вв., относятся поселения Порозок—1 и Солдатское—7, видимо, относящиеся к пеньковской культуре. Еще к более позднему периоду, VIII—IX вв., принадлежат материалы поселений

Ивановка—3 и Солдатское (птицеферма) в виде сахновской или волынцевской керамики.

5. Необходимо отметить, что вблизи от рассматриваемых памятников, в основном по левому берегу р. Ворсклы, обнаружен ряд черняховских пунктов. Два поселения зафиксированы и на левом берегу Ворсклицы между селами Солдатское и Березовка. Судя по встреченной на них почти исключительно гончарной керамике, все они, как и большинство черняховских памятников Днепровского Левобережья, относятся к IV в. Существенно, что данные черняховские поселения занимают исключительно края первой надпойменной террасы, а из пяти киевских три располагались на всхолмлениях в пойме. Возможно, памятники этих культур принадлежали различным, хотя и частично совмещенным, зонам. Различная топография практически синхронных поселений, очевидно, свидетельствует о тяготении к разным экологическим нишам, что связано с различиями в хозяйственной деятельности киевских и черняховских племен. В то же время компактное расположение памятников вышеуказанных культур 1 тыс. н. э. при незначительных вариациях топографии, размеров, мощности культурного слоя указывает на развитие единой культурно-хозяйственной модели, вероятно принадлежавшей раннесредневековым славянам и их непосредственным предкам.

6. Продолжение изучения данной, одной из наиболее юго-восточных зон концентрации славянских древностей, прежде всего путем раскопок, будет способствовать уточнению конкретных проявлений культурно-исторических процессов в данном регионе.

ДРЕВНЕРУССКИЕ ПАМЯТНИКИ XIII—XIV ВВ. НА Р. ПАЛЬНА

Н. А. Тропин

В результате археологических разведок в 1988—1989 гг. на р. Пальна (левый приток р. Сосна) отрядом экспедиции Воронежского университета обнаружены два древнерусских селища у с. Аргамач-Пальна. Исследования проводились с целью изучения сельской округи летописного г. Ельца. Необходимо отметить, что р. Пальна обследовалась впервые.

Селища располагались на расстоянии 500 м друг от друга на высоком (до 26 м и более 30 м) правом берегу реки. Селище-1 занимало мысовую часть берега площадью 0,6 га. Селище 2 находилось на изгибе реки и его размеры превышали 0,9 га. Оба селища подвергаются незначительной распаш-

ке. Культурный слой на селище уничтожен поздними строениями и перекопами, фермой. Поэтому в 1989 г. раскоп площадью 80 кв. м был заложен на селище 1, так как культурный слой на этом поселении сохранился лучше.

Мощность слоя 0,5—0,7 м. Находки древнерусского времени залегают, как правило, в его верхней части до глубины 0,3 м. Выявлены остатки наземной постройки и трех хозяйственных ям. Наземная постройка столбовой конструкции размерами 3,2×2,75 м была выявлена по углистому заполнению после снятия первого штыка. Обнаруженные в материке столбовые ямы позволили уточнить ее размеры. Пол постройки с вкраплениями обожженной глины находился на глубине 0,3—0,4 м от дневной поверхности. В восточной части постройки выявлены остатки глинобитной печи размерами 1×1 м. Находки представлены керамикой, клейменными днищами сосудов, фрагментами железной дужки, ножа, венчиком и стенкой от чугунных котлов, железной дверной цепью и обломком глиняного округлого пряслица. Анализ конструктивных особенностей постройки позволяет сделать вывод о ее нежилом характере. Сооружение явно служило для хозяйственных целей и, вероятно, было летней кухней.

В заполнении хозяйственных ям найдено много керамики, костей животных, днище с клеймом, подковный гвоздь.

Самая многочисленная серия находок из культурного слоя представлена керамикой (горшки, миски, светильник). Найдены фрагменты 305 горшков, двух мисок. Светильник с глиняной ручкой найден в единственном экземпляре в постройке. Клейменные днища условно можно разделить на две группы. Это клейма, в основе изображения которых находится круг или геометрическая фигура, имеющая прямые углы.

Кроме керамики в культурном слое найдены предметы из железа: нож, дверной штырь, плоское кольцо, клин, а также фрагменты трех ключей, скобы, дверной петли; из глины: фрагмент и заготовка для плоского пряслица из стенок сосудов. Отметим также два фрагмента белого и фрагмент фиолетового стекла, точильный камень, бронзовую замочную накладку с резным орнаментом.

Необходимо отметить, что находки являются наиболее характерными для поселений сельского типа и широко встречаются на древнерусских памятниках.

Хронологические рамки жизни на селище 1 у с. Аргамач-Пальна определяются XIII—XIV вв. Все сооружения, выявленные в результате раскопок 1989 г., являются одновременными и погибли от пожара.

Подъемный керамический материал с соседнего селища 2 аналогичен керамике селища 1. Это дает возможность предположительно датировать селище 2 также XIII—XIV вв.

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС РОМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ПОДХОДЫ К ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКЕ

А. А. Узянов

Раскопки стратифицированных или имеющих хорошо выраженную в планиграфии смену строительных периодов поселений роменской культуры на Псле и в Посеймье, статистическое сопоставление керамики из этих поселений позволили разработать хронологическую классификацию и выделить шесть этапов в истории роменских поселений.

Особенность классификации в том, что она опирается на материал из замкнутых комплексов (котлованы жилищ, хозяйственных построек, развалы наземных оборонительных сооружений), относительная хронология бытования которых обусловлена стратиграфическим положением объектов. Различие в характере и географическом положении памятников на восточной границе ареала культуры, достаточная удаленность друг от друга, асинхронность прекращения жизни на каждом из них и другие специфические моменты конкретной истории каждого из поселений и разных методик их археологического изучения создавали целый ряд логических и технических сложностей при статистическом анализе данных и при сопоставлении памятников по процентному соотношению хронологически значимых групп керамики (Узянов А. А., 1988).

Тем не менее, археологическая специфичность каждого из рассматриваемых памятников как бы дополняет общую информационную ценность изученного материала. Городище Горналь — стратифицированный нумизматически датированными пожарами памятник, городище Новотроицкое — наиболее ранний и единственный полностью раскопанный памятник культуры, городища Переверзевское и Мешково на р. Тускари и селище Жерновец — моложе первых двух, но просуществовали на 50—100 лет дольше, находятся в самом северном (из изученных) микрорегионов культуры, хорошо характеризуют ее финальную стадию (последнюю четверть X-первую четверть XI веков).

Наиболее значимыми для хронологической диагностики керамического комплекса роменской культуры и общими для изученных поселений являются следующие наблюдения:

1. В результате статистического анализа процентных распре-

делений групп керамики в жилищах, а также с учетом их стратиграфического положения относительно друг друга, было выделено шесть периодов в общем хронологическом диапазоне существования роменской культуры (от конца VIII(?) до второй четверти XI веков).

2. Установлено, что в синхронном срезе каждого из периодов, на каждом из поселений сосуществовало две традиции в изготовлении керамики, наиболее отчетливо и устойчиво проявившиеся в орнаментике лепной посуды. Одна традиция, более древняя, представлена сосудами, орнаментированными отпечатками пальца по краю венчика и (реже) по тулову сосуда. Другая традиция — использование веревочного штампа для нанесения простых геометрических композиций. В диахронном срезе — для каждого памятника характерно индивидуальное количественное соотношение этих двух групп орнаментации. Общей является лишь тенденция к количественному преобладанию на поселении жилищ с одной из традиций, за счет сокращения альтернативной, а процесс вытеснения обязательно проходит почти пятидесятилетний период равновесия (равнопредставленности). Полного вытеснения никогда не происходит. Преобладающая на памятнике традиция не превышает 2/3 общего числа синхронных построек. Сосуществование двух орнаментальных традиций — важный социологический показатель, отражающий, возможно, фратриальное деление поселений в условиях пережитков экзогамии. Но диагностичность его для хронологического анализа невелика.

3. Диагностировать хронологическую принадлежность керамического комплекса жилищ удается только по наличию процентной доли ремесленной продукции. Для ранних этапов (до последней четверти IX века) по наличию салтовской керамики, позже — по появлению и росту процентной доли раннекруговой общеславянской раннесредневековой посуды. Установлено, что ее доля в керамическом комплексе последовательно возрастает с первой четверти X века до первой четверти XI века от 2—5% до 40—55%.

4. Очень важно для характеристики исследуемого общества, что в жилищах с преобладанием пальцевой орнаментации лепной керамики, доля раннекруговой посуды всегда выше (в пределах характерной для периода «нормы»), чем в альтернативной группе. Жилища, обитатели которых выделяли свою посуду преимущественно орнаментацией веревочным штампом, содержат повышенную долю лепных подражаний и имитаций раннекруговой посуды.

5. Для хронологической диагностики керамического комплекса роменских городищ по шести периодам (в рамках IX—первой четверти XI века) пригодными оказались всего лишь две группы признаков: орнаментика и состав «импорта». На эти две группы признаков приходится более 360 индексов, объединенных в 20 подгрупп.

ЛОКАЛИЗАЦИЯ ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ ВАРИАНТОВ ПАЛЬЧАТЫХ ФИБУЛ VI—VII ВВ. НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ

А. И. Фролова

1. На территории Среднего Поднепровья найдено большое количество пальчатых фибул VI—VII вв. Часть их связана с комплексами лесостепных кладов, часть представляет случайные находки. Область распространения фибул охватывает территорию пеньковской и частью колочинской культур на Правобережье и Левобережье Днестра. На Левобережье ареал находок шире ареала пеньковской культуры, они встречаются в более северных колочинских памятниках. Основной район, где были найдены клады «древностей антов», на Левобережье находится севернее границы памятников пеньковской культуры, а на Правобережье ареалы находок совпадают. В районах, граничащих с зоной лесостепи на Харьковщине, в бассейне Северского Донца ареалы находок пальчатых фибул и «антских» кладов совпадают. На территории Белгородской (3 клада) и Курской областей находки фибул и кладов располагаются в одной зоне.

2. Пальчатые фибулы VI—VII вв. входят в состав первой группы кладов. О. А. Щеглова выделила устойчивые сочетания типов вещей в кладах и на их основании установила, что комплексы лесостепных «антских» кладов отчетливо распадаются на две группы, отражающие два хронологических этапа развития металлического убора населения Среднего Поднепровья. Первая группа кладов попадает в землю во второй половине VII в. Период попадания в землю второй группы кладов относится к первой половине VIII в. (Щеглова О. А., 1987). Различаются группы кладов и по типам входящих в них украшений.

В состав первой группы кладов входят широкопластинчатые фибулы, пальчатые фибулы, антропоморфные фибулы, элементы поясного набора (бляшки, пряжки, поясные накладки, наконечники ремней) цельные литые или кованные браслеты с расширенными округлыми, многогранными или подквадратными концами, браслеты круглопроволочные с расплюснутыми и ук-

рашенными «елочкой» концами; односпиральные, двуспиральные и простые круглые височные кольца, шейные гривны, ожерелья из крупных и мелких серебряных пластин, трапециевидные подвески, круглые подвески с полусферической выпуклостью, венчики из серебряной ленты, серебряные полосы и пластины в форме «бобов» (Мартыновский, Козиевский, Колосковский, Суджанский, Малоржавецкий, Нижнесыроватовский, Смородинский, Цепляевский, Будковский, Менский, Новоодесский, Хацковский и Вильховчикский комплексы). Сюда же относится Пастырский клад 1898 г., ранее не учитывавшийся в выборке из-за невозможности полностью и достоверно установить комплектность его состава.

Разница между кладами первой и второй групп по категориям инвентаря заключается в том, что во второй группе кладов полностью отсутствуют элементы мужского убора (поясной набор, детали пластинчатых ожерелий, пальчатые фибулы, серебряные полосы и пластины в форме «бобов» из женского убора (Зайцевский, Харьковский, Воробьевский, два Пастырских (1892 и 1949 гг.), комплексы и находка в Блажках). Таким образом, по взаимовстречаемости в комплексах пальчатые фибулы VI—VII вв. оказываются связанными с соответствующим им кругом вещей в едином временном срезе. Синхронное развитие вещей одного хронологического яруса, являющихся по своему бытованию характерными друг для друга, подтверждается тем, что определенным типам пальчатых фибул соответствуют определенные типы бляшек, браслетов, височных колец и т. д.

3. Был принят во внимание комплексный подход А. К. Амброза, признавшего наиболее объективным метод относительной хронологии. По единой относительной хронологической системе, разработанной А. К. Амброзом для ряда областей и регионов Восточной Европы, показывающей взаимосвязь между всеми этапами разных культур V—IX вв., достаточно абсолютно датировать лишь некоторые звенья в локальных колонках, как уже вся совокупность получит хронологическое определение (Амброз А. К., 1971). Например, геральдические пряжки и бляшки встречены во многих колонках. Сами геральдические части поясов очень специфичны по деталям формы и распространялись только путем заимствования и подражания. По ним можно проследить синхронное развитие в разных географических зонах, поскольку содержащие их комплексы приблизительно одновременны. Таким образом, по взаимовстречаемости пальчатых фибул в комплексах с датирующими вещами (геральдические пряжки и бляшки, наконечники ремней и т. д.) можно составить их хро-

нологию. Эту хронологию легко сопоставить с уже существующей хронологией пальчатых фибул по материалам крымских захоронений, по хронологическим этапам А. К. Амброза и таблицам взаимовстречаемости фибул «днепровского» типа с датируемыми вещами в крымских захоронениях, исследованных А. И. Айбабиным. Последний во многом уточнил датировки А. К. Амброза (Айбабин А. И., 1989).

4. Четко выделяется группа фибул «дунайского» и «мазуро-германского» типов в пределах Каневского района Черкасской области, Черкасском районе и в окрестностях Киева. Сюда же относятся комплексы кладов Пастырского (1898 г.) и Мартыновского (1 экз.), которые также не выходят за пределы названной территории. Так, ранним вариантам фибул «дунайского» типа с ромбической ножкой, декорированных гранево-выемчатой резьбой (кершнитный стиль), первой половины VI в. соответствуют пряжки первой половины VI в. (тип 2, вар. 1 по А. И. Айбабину). Фибулам второй половины VI в. соответствует появление орлиноголовых пряжек VI в.

5. Сделана разработка типологии пальчатых фибул VI—VII вв. на территории Среднего Поднепровья с помощью методов математической статистики. Только вся сумма признаков позволяет правильно определить фибулу. Подсчет пропорций важен именно тем, что показывает рубеж, ранее которого данная фибула не могла появиться. Типы фибул выделяются на основе устойчивого сочетания признаков. Особое внимание обращается на признаки, за которыми стоят, прежде всего, хронологические изменения.

6. Локализация хронологических вариантов типов фибул Среднего Поднепровья показывает, с одной стороны, степень интенсивности влияния южно-дунайских связей на развитие местного производства, а с другой стороны указывает на наличие собственных совершенно самостоятельных тенденций в развитии местных типов со свойственной им специфической символикой.

К ВОПРОСУ О БРОДНИКАХ (историко-археологический аспект)

М. В. Цыбин

В средневековых источниках несколько раз упоминается этноним «бродники». Первое достоверное упоминание бродников относится к 1147 г. К Святославу Ольговичу в период военных действий против Изяслава Мстиславича в земле вятичей «придоша ...Броднич и Половци». В 1216 г. бродники приняли участие

в Липицкой битве на стороне Юрия и Ярослава Всеволодовичей («И бяху полци силни велми, Муромци, и Бродници, и Городчане...»). В 1223 г. бродники выступили на стороне монголов в битве на Калке («Ту же и Бродници быша старые, и воевода их Пласкыня...»).

«Земли Кумани и Бродники» названы в письме папы Григория к гранскому епископу (1227 г.), в одном из документов, относящихся к 1231 г. Наиболее позднее упоминание бродников к востоку от Венгрии имеется в письме венгерского короля Бельмы IV к папе Иннокентию (1254 г.).

В исследовании вопроса о бродниках выделилось несколько аспектов: этимология слова «бродник», этническая принадлежность, территория расселения бродников, характер их занятий, причины образования этой группы населения, возможная связь с казачеством.

Основные точки зрения по рассматриваемому вопросу сложились еще в дореволюционной русской историографии. В бродниках преимущественно видели древнерусское население, возможно, с включением других этнических элементов. О территории расселения бродников высказаны три основных мнения: 1) — южнорусские степи (междуречье Дона и Волги, Подонье, Причерноморье, Поднепровье), Северный Кавказ; 2) — Подунавье (Ф. И. Успенский); 3) — до монгольского нашествия — южнорусские степи, после него — Подунавье (Ф. К. Брун).

О занятиях бродников было также высказано несколько мнений: 1) — у татар перевозчики на реках (В. Н. Татищев); 2) — образ жизни кочевников (Н. М. Карамзин и др.); 3) — моряки (Ф. Ф. Веселаго); 4) — рыбаки (Б. А. Дорн); 5) — ни земледельцы, ни кочевники (И. Е. Забелин); 6) — задействованы в системе обороны Древнерусского государства (И. Д. Багалей, В. Г. Ляскоронский). Практически все исследователи, изучавшие рассматриваемый вопрос, считали, что бродники являются предшественниками казачества. Следует отметить, что наиболее обстоятельно вопрос о бродниках в дореволюционной русской историографии рассмотрен в работах П. В. Голубовского.

Неоднократно обращались к рассматриваемой теме и советские исследователи (В. В. Мавродин, А. И. Попов, Н. М. Волынкин, А. Н. Насонов, М. Н. Тихомиров, М. Ф. Котляр, В. Т. Пашуто и др.). В разработку вопроса о бродниках включились археологи. Впервые попытку соотнесения бродников с конкретным археологическим памятником предпринял А. А. Спицын (1905). Он считал, что раскопанный у г. Юрьева-Польского кочевнический

курган мог быть оставлен бродниками, принимавшими участие в Липицкой битве 1216 г.

Советские археологи связывали с бродниками археологические памятники с древнерусскими материалами, расположенные преимущественно в степной зоне вне границ Древнерусского государства. С. А. Плетнева считала, что в одном из поросских курганов под Таганчой погребен предводитель броднического отряда, состоявшего из русских воинов. Возражая против этого мнения, Г. А. Федоров-Давыдов отметил, что бродники археологически неуловимы в массе кочевнических погребений.

М. И. Артамонов полагал, что верхний культурный слой Саркела-Белой Вежи мог быть связан с поселком бродников. Логичной представляется попытка связать с бродниками хорошо изученные поселения XII—XIV вв. в Южном Поднепровье (А. Т. Смиленко, А. А. Козловский).

С. А. Плетнева считала бродниками население неукрепленных поселков с древнерусской керамикой на Битюге и Дону. Связь неукрепленных поселений с древнерусскими материалами в Поосколье на Северском Донце, Среднем Дону с бродниками представляется нам весьма вероятной. Эти поселки находились за юго-восточной границей Древнерусского государства, определяемой крепостями Донецкой оборонительной линии и Семилуцким городищем. Кроме того, в 1147 г. бродники упомянуты в летописи вместе с половцами орды Токсобичей, кочевавшей на берегах Оскола и Северского Донца (С. А. Плетнева). Материальная культура населения этих поселков изучена пока недостаточно. Среди памятников XII—XIII вв. раскопками фактически исследовалось лишь поселение Копанище II на р. Тихая Сосна (А. Т. Синюк).

Привлечение археологических материалов, безусловно, открывает новые возможности в изучении рассматриваемого вопроса.

АНТРОПОГЕННОЕ ИЗМЕНЕНИЕ ЛЕСОСТЕПНЫХ ПОЧВ ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНОГО РАЙОНА В XVII—XIX ВВ.

Ю. Г. Чендев

Заселение южных окраин Московского государства после распада Золотой Орды сопровождалось существенным воздействием человека на окружающую среду, которое прямо или косвенно отражалось на состоянии почвенного покрова.

Нарушение создаваемых веками процессов почвообразования вызывалось уплотнением почв на шляхах татарской конницы, регулярным выжиганием степи, сведением лесов, но в большей степени распашкой территорий, о которой особенно заботилось правительство, дабы ратные люди могли обеспечить свое существование. В пределах современной Белгородской области в конце XVI столетия возникло три укрепленных пункта, явившихся очагами первоначального изменения почвенно-растительного покрова: Белгород, Старый Оскол и Валуйки. От них это изменение радиально разрасталось во времени и пространстве. Так, за 20—30-летний срок окружающая эти города территория под пашню составляла 170—200 км², а сенокосы были на еще большем удалении. Приуроченность первых поселений к речным долинам и лесам способствовала тому, что наряду со степными черноземами распашке подвергались более легкие и не менее плодородные пойменные и серые лесные почвы. Позднее, в 30-х годах XVII века, в результате строительства Белгородской оборонительной черты, стали заселяться водораздельные степные пространства, при этом распахивались почти исключительно целинные черноземы.

Агрогенные изменения почвенных свойств, по всей видимости, проявлялись не везде одинаково. Это было связано в первую очередь с применением разных пахотных орудий. Для распашки почв русское население пользовалось сохой, а украинское, проникавшее в Белгородский край с юга и с запада, издревле использовало плуг. В районах с преобладанием украинского населения почвы претерпевали более существенную трансформацию, хотя бы уже потому, что плугом почвы пахались до глубины 6 вершков (26 см), а сохой — не более 2 вершков (около 10 см). Территорию Белгородской области условно можно было разделить примерно на две равные части. На севере, преобладало русское население, почвы до начала XX века пахались сохой (серые лесные почвы, выщелоченные и типичные черноземы), на юге, юго-западе и юго-востоке с середины XVII века вероятно уже имела место плужная вспашка (для выщелоченных, типичных и обыкновенных черноземов). На скорость антропогенных изменений в почвенном профиле влияние оказывал и механический состав почв. Чем почва тяжелее, тем она устойчивее к изменениям среды. С северо-запада на юго-восток Белгородской области механический состав почвообразующих пород становится более тяжелым. Следовательно, почвы на востоке края слабее «записывали» в своем профиле техногенные признаки, тем более, что этот район долгое время оставался слабозаселенным.

Литературные данные свидетельствуют о том, что на протяжении XVII, XVIII и первой половины XIX веков пахотные лесостепные почвы ничем не удобрялись и только к концу XIX века применение навозного удобрения локально распространилось с севера России до границ Харьковской и юго-восточных пределов Курской губерний. Посевы сильных колосовых хлебов и отсутствие удобрений приводили к быстрому истощению черноземов, на что указывалось уже в литературе первой половины XIX века. Постепенно активизировалась ветровая и водная эрозия. По сообщениям газет первой половины XIX века между полями иногда превышали соседние поля на 2—3 вершка (9—13 см). Имеются данные, что смывы почвы доходили до полуаршина (т. е. до 36 см). Овражная сеть в лесостепной и степной зонах, по мнению ряда специалистов, образовалась за последние 200—300 лет как следствие неправильной распашки почв. Есть основания считать, что эрозия и связанное с ней оврагообразование существенно возросли во второй половине XIX века. В топографическом описании Курского наместничества за 1785 г. хотя и говорится, что «пашенной земли по мере землевладельцев мало и покосов недостаточно, а по сему впусте лежащих земель нет», однако приводятся данные, что пашня от общей площади наместничества составляла 44,1%, тогда как всех удобных для распашки земель было около 66,2%. В 1848 году в Курской губернии было распахано уже 49,3%, а в 1881 году — 74,2% площади, т. е. за короткое время, с 1850 по 1880 год был исчерпан не только потенциал всех пригодных для распашки почв, но и началась распашка неудобных склоновых участков, стимулировавшая эрозийные процессы.

Примечательно, что в советский период площадь пахотных угодий в Белгородском крае неуклонно сокращалась: в 1928 году — 69,1%, в 1956 году — 67,8%, в 1981 году — 63,3 %.

Таким образом, на протяжении последних четырех веков происходило активное преобразование среды обитания человека в лесостепи, сказавшееся, в частности, на деградации почвенного покрова.

В центре Европейской России еще задолго до исследований В. В. Докучаева чернозем был значительно изменен человеком. Ставятся под сомнение утверждения, согласно которым В. В. Докучаев имел больше возможностей для изучения нетронутых черноземов, чем их имеют современные специалисты (по крайней мере для территорий Курской и Воронежской губерний).

АНТРОПОГЕННОЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ЛЕСОВ В ЛЕСОСТЕПНОЙ ЧАСТИ ДНЕПРОВСКОГО ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ (по материалам XVI—XX вв.)

Ю. Г. Чендев, И. Т. Шатохин

На современной карте Белгородской области леса занимают около 9% территории, однако картографические и литературные документы прошлого свидетельствуют о том, что лесов раньше было гораздо больше. Согласно источнику конца XVI века, при впадении в реку Платоновым, к западу от Муравского шляха путь татарам преграждали большие леса, тянувшиеся по течению Ворсклы. По островам лесов, разбросанных на правом берегу этой реки и отраженных на картах середины XIX века, можно заключить, что этот лесной массив первоначально имел длину около 60 км и ширину до 20—25 км. Пространство к северо-западу от Ворсклы, как указывает И. Н. Миклашевский, представляло собой бортные ужожен, т. е. довольно обширные территории, непременно лесистые, с преобладанием лиственного леса. Из «Книги Большому Чертежу» конца XVI века мы узнаем, что в 15 км западнее Белгорода находились два крупных леса, называемых «Болховые боярки» и «Долгой боярак», причем последний, вероятно, соединялся с лесами по берегам Ворсклы, образуя единый массив длиной около 30 км. Восточнее Белгорода располагался Разумный лес, имевший размеры примерно 50 на 60 км. Используя картосхему В. Л. Котельникова, составленную по различным документам первоначального периода колонизации, а также «Книгу Большому Чертежу», мы пришли к заключению, что на правобережье реки Оскол существовало два лесных массива. На севере находился лес длиной около 85 км и шириной от 25 до 40 км. В 15—20 км к югу от него был лес длиной 40 км и шириной около 5 км. Он оканчивался у впадения в Оскол реки Валуй. На левобережной части Оскола существовало три крупных лесных участка. Ограниченный с юга рекой Тихая Сосна и имевший здесь ширину 50 км, на север тянулся лес, сужаясь до 20 км. Общая длина его была 100 км. Восточнее, по левому берегу Тихой Сосны, примерно в 10 км, начинался большой Иловский лес. Третий лесной участок находился в междуречье Валуй и Оскола. Примерные размеры его были 30 на 25 км.

Весьма условно можно определить, что леса Белгородской области в конце XVI века занимали не менее 11000 км² или 40% всей территории, причем в лесостепной части (юго-восток области степной) доля лесов составляла 55% всей площади. Близкая

к 40% величина была найдена при расчете площади почв лесного генезиса (серых лесных, оподзоленных и выщелоченных черноземов). Это говорит о допустимости сопоставления контуров указанных почв с границами существовавших раньше лесов.

Колонизация лесостепных пространств русским населением после ослабления и распада Золотой Орды началась с речных долин, покрытых лесами. Лес давал материал для постройки и топлива, а также укрывал жителей от частых набегов татар. С 30-х годов XVII века лесные массивы были включены в систему обороны Белгородской черты, а сделанные в них засеки стали непреодолимым препятствием для татарской конницы. В тех местах, через которые прошла оборонительная линия, запрещалась не только заготовка леса, но и прокладка дорог и тропинок. Из 310 км Белгородской черты на территории современной Белгородской области 171 км приходился на леса. Кроме этих заповедных участков, повсеместно разрешалось «сечь лес селитебной и дровяной всякими людьми вопче». Спустя 150 лет в топографическом описании Курской губернии (1785 год) говорилось, что везде, кроме небольших заповедных и помещичьих дач, остался лишь низкорослый дровяной лес, хотя население недостатка в лесу еще не испытывало и указывался ряд крупных лесных массивов, ныне уже отсутствующих. При сопоставлении почвенной карты с генеральной картой Курского наместничества 1784 года оказывается, что на значительной части Белгородского края площадь указанных лесов была примерно вдвое меньше площади лесных почв. Следовательно, к концу XVIII века леса были распространены только на 20% площади области.

Быстрый рост населения Курской и Воронежской губерний привел в XIX веке к существенному сокращению лесов. Недостаток в топливе (углем из Донбасса население начали обеспечивать лишь во второй половине XIX века) и почве вынуждал истреблять дубравы и распаивать лесные земли.

На карте лесов Европейской России 1909 года их границы в пределах области близки к современным. Таким образом, в начале XX в. леса прекратили свою динамику и за последние 80—90 лет изменялись очень незначительно.

По данным старых картографических материалов, леса, особенно в северной части области, покрывали значительные пространства с почвами степного генезиса — типичными черноземами. Согласно исследованиям ряда авторов, 2500—3000 лет назад с наступившим похолоданием и увлажнением климата произошло наступление леса на степь. Наши данные подтверждают этот вывод.

О ВРЕМЕНИ ПОЯВЛЕНИЯ ПЕРВЫХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ И НАЧАЛЕ ИНДОЕВРОПЕИЗАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНО- ЧЕРНОЗЕМНЫХ ОБЛАСТЕЙ РСФСР

Н. А. Чмыхов

1. Мифические периодизации семитских и индоевропейских народов, зафиксированные в письменных источниках бронзового и раннежелезного веков, выделяют ряд этапов, последовательно сменяющих друг друга и имеющих черты археологических эпох с мезолита по ранний железный век (Чмыхов, 1989). Наиболее очевидно здесь отражены черты протонеолита (докерамического неолита), неолита, медного, бронзового и раннежелезного веков. Особенностью именно протонеолитических культур в мировоззрении древних семитов и индоевропейцев объясняются древнейшие представления о появлении организованной вселенной, первочеловечка и их ранних этнических предков в целом.

2. Учитывая, что стадии протонеолита и медного века в древности прошла только незначительная часть населения мира, формирование индоевропейского населения может быть связано с районами, где прослежено последовательное существование (1) культур протонеолита, (2) культур неолита, возникших из протонеолитических (а не мезолитических) культур, (3) культур медного века, возникших из культур неолита, (4) культур бронзового века (а не неолита). Протонеолитические памятники в Центрально-Черноземных областях РСФСР не существовали. Согласно «типологическим» чертам неолита, медного и бронзового веков к медному веку в Европейской части СССР (исключая Кавказ) правомерно относить только сельскохозяйственные памятники Правобережной Украины и Молдавии. Даже памятники степного «энеолита» до появления в них курганов вероятнее считать неолитическими, а с момента появления курганов — уже относящимися к эпохе бронзы (Чмыхов, Черняков, 1988). Следовательно, по нашему мнению, Центрально-Черноземные области РСФСР не входили в район обитания населения и относящегося к медному веку.

3. Значительная роль в хозяйстве и духовной культуре индоевропейцев с древнейших времен принадлежала крупному рогатому скоту. Первоначально активная роль разведения крупного рогатого скота охватывала Малую Азию, Подунавье и Северное Причерноморье. Границей доминирования быка (на западе) и козы-овцы (на востоке) в протонеолите — начале неолита был, очевидно, Дон. Центрально-Черноземные области РСФСР в зону

активного разведения крупного рогатого скота вошли позже. Важной стороной культа быка у индоевропейцев (в отличие, вероятно, от других этнических массивов древности, по крайней мере на стадии протонеолита — медного века) было отождествление с быком созвездия, возглавлявшего зодиак в 4400—1710/1700 гг. до н. э. и получившего вследствие этого название Бык (Телец). Распространение символов Тельца в неолите — медном веке в общем совпадало с зоной активного разведения крупного рогатого скота и может, вероятно, считаться одним из важных индикаторов определения территории проживания именно индоевропейских племен. Появление символов Тельца и индоевропейского зодиака (служившего геоцентрической моделью мира) во главе с Тельцом на соседних территориях, очевидно, отразило индоевропеизацию этих территорий или сильные индоевропейские влияния.

4. На территории СССР символы созвездия Тельца в медном — бронзовом веках наиболее убедительно представлены в трипольских, катакомбных и куро-аракских памятниках. Символика Тельца для других памятников бронзового века Центрально-Черноземных областей РСФСР или соседних с ними территорий (в том числе и для ямных, керамика которых к тому же сохранила черты неолита, а не медного века, подчеркивая именно неолитическую подоснову ямной культурно-исторической общности) не характерна. Учитывая, что основой катакомбных памятников были прежде всего памятники медного века (а не неолита), а в хозяйстве и духовной культуре катакомбных племен (как и племен медного века, ставших их генетической подосновой) огромное место отводилось крупному рогатому скоту, в том числе и культу созвездия Тельца, правомерно полагать, что первыми индоевропейцами на территории Центрально-Черноземных областей были группы именно катакомбного населения бронзового века.

ОПИСАНИЕ (1669 Г.) СТОЛЬНИКА П. В. ЗИНОВЬЕВА КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ УКРЕПЛЕНИЙ ЮГО-ЗАПАДНОГО ФАСА БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ

И. Т. Шатохин

Всестороннее изучение комплекса оборонительных сооружений Белгородской черты невозможно без тщательного анализа архивных документов XVII века. Одним из наиболее ценных источников этого рода является описание, сделанное в 1669 г. стольником Петром Васильевичем Зиновьевым во время его ин-

схематической поездки вдоль Черты от Ахтырки до Коротояка (ЦГАДА, ф. 210, дела десятиен, № 261).

Специфика рассматриваемого документа заключается в том, что в нем зафиксированы укрепления Белгородской оборонительной линии после официального завершения ее строительства (в 1658 г.), но до потери ею военно-стратегического значения для юга России (в 80—90-х гг. XVII в.). Кроме того, на фоне многочисленных описаний Черты в так называемых «Белгородских годовых сметных книгах» (Оглоблин Н. Н., 1884), где приводятся главным образом данные по крепостям, отчет Зиновьева выделяется подробным описанием полевых сооружений при полном отсутствии сведений о крепостях (осмотр последних не входил в задачи его инспекции).

В описании Зиновьева для археолога важны в первую очередь сведения о типах, системе размещения и состоянии фортификационных сооружений, скорости, естественного разрушения деревянных и дерево-земляных объектов, качестве строительства укреплений.

Валы, как наиболее значительные укрепления, сооружались на путях вторжений татарских отрядов и перекрывали в основном степные участки на Черте. По описанию Зиновьева, валы насыпались в высоту до 1,5—1,75 сажени. Сопутствующие валам рвы имели глубину 0,5—1,0 сажени и ширину 1,5—2,0 сажени. Дубовый остон валов (обычно с неприятельской стороны) усиливал их неприступность для татарской конницы и препятствовал естественному размыву. Упоминаемые в документе катки, навры и столбы являлись средством борьбы с противником, штурмующим вал.

Обследование сохранившихся валов в сравнении с данными описания Зиновьева и других документов XVII в. позволит определить степень и скорость изменения профиля вала и рва и, возможно, разработать более надежную методику оценки первоначальных параметров валов и рвов, для которых отсутствуют такие данные в письменных источниках. Этому же будет способствовать и использование сведений об участках валов и рвов, размытых водой еще в XVII веке.

Детальные данные Зиновьева позволяют более точно выявить роль, расположение и технику сооружения деревянных башен, острожных стен и ворот, остатки которых, как правило, плохо сохраняются в почве.

Важным является также упоминание включенного в оборонительную линию Карповского участка «старого рва», который относится, по всей видимости, к более ранней оборонительной системе.

Зафиксированные в описании многочисленные сведения о земляных городках и острожках могут быть использованы для поиска и существенного дополнения археологической характеристики этих важных узлов полевой обороны.

Таким образом, документ Зиновьева — весьма ценное (а в ряде случаев и необходимое) пособие для археологического изучения значительной по протяженности и наиболее важной в военном отношении юго-западной части Белгородской оборонительной линии середины — второй половины XVII в.

К ВОПРОСУ О ЕСТЕСТВЕННЫХ И АНТРОПОГЕННЫХ ГРАНИЦАХ СТАРОДУБСКОГО ОПОЛЯ В КОНЦЕ X—XIII ВВ.

Е. А. Шинаков

Ополя — своеобразные «островки» степной растительности и плодородных, интенсивно используемых почв на пограничье лесной и лесостепной зон — появились в результате сочетания природных предпосылок и сравнительно длительного (300—400 лет) антропогенного воздействия.

На примере хорошо исследованного в последние 5 лет самого юго-западного в РСФСР Стародубского ополя можно достаточно точно проследить этапы этого воздействия и, в качестве первой ступени работы, сочетание природных и демографических факторов в формировании границ ополя.

1. Общая протяженность предполагаемых границ ополя по периметру свыше 120 км, из них тщательному археологическому обследованию подверглись свыше 80 км (почти не изучено 30 км северной и 6 км северо-восточной границ, за исключением одного пункта — комплекса у с. Рассуха на стыке этих границ).

2. На обследованных границах зона плотного расположения поселений конца X—XIII вв. почти всегда совпадает с зоной распространения темно-серых и серых суглинков. Граница последних на востоке ополя идет по течению Рассухи, на юге — Бабинца. Северный берег Бабинца и западный берег Рассухи — возвышенные, суглинистые; противоположные же берега — более низкие, с песчаными почвами и сосновыми лесами.

3. Расстояния между поселениями древнерусского времени на «опольных» берегах 1—3 км, на противоположных — памятников этого времени или вовсе нет, или расстояние между ними не менее 5 км (селища напротив Стародуба и у с. Мереновка), причем они «привязаны» к участкам суглинистых почв. Наоборот, на участке западного берега Рассухи в 8 км между Пестриково

и Гарцево нет ни одного древнерусского поселения, однако и почвы здесь по цвету не серые, а бурые.

4. На западной границе ополья поселения конца X—XIII вв. плотно расположены по обоим берегам Титвы и ее северных притоков, однако эти реки и не отделяют четко серые суглинистые и песчаные почвы. Серый суглинок встречается и на западном берегу Титвы, песок — на восточном. Кроме того, с этой стороны Стародубское ополье примыкает к лесной земле радимичей со своей спецификой размещения населения.

5. В целом же можно констатировать полную зависимость степени концентрации населения от качества почв, во всяком случае для Стародубского ополья и прилегающих к нему территорий в конце X—XIII вв. В более раннюю и поздние эпохи эта взаимосвязь не прослеживается столь четко. Связано это, вероятно, с отсутствием пашенного земледелия как основы хозяйства до X в. и нарастанием «выравнивания» качества почв ополья и соседних микрорегионов за счет интенсивного использования первого и непрерывно возрастающего их истощения.

6. Таким образом, достоверно установленная длина ополья с востока на запад — около 40 км, ширина с юга на север еще точно не определена, колеблется в пределах 15—25 км.

Размеры ополья определяются естественными факторами, однако они полностью совпадают с размерами «сгустка» или групп концентрации памятников конца X—XIII в.

Стародубское ополье — реальный экономический, а возможно и административный (городовая волость?), микрорегион Древней Руси с устойчивыми границами.

ПРОИЗВОДЯЩЕЕ ХОЗЯЙСТВО ПЛЕМЕН РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ВЕРХНЕМ ПОДНЕПРОВЬЕ

Е. А. Шмидт

Археологические источники дают основание считать, что до рубежа III и II тыс. до н. э. в северной части Верхнего Поднепровья господствовало присваивающее хозяйство неолитических племен.

В самом конце III тысячелетия до н. э. в смоленское течение Днепра проникает с юго-запада группа носителей культуры шаровидных амфор, основным занятием которых были скотоводство (свины и крупный рогатый скот) и земледелие. Рубеж III и II тыс. до н. э. можно считать началом формирования культурного ландшафта.

Во II тыс. до н. э. в Верхнем Поднепровье распространяются племена среднеднепровской культуры бронзового века, основой хозяйства которых были скотоводство и земледелие.

Северную часть Верхнего Поднепровья в раннем железном веке, начиная с VIII в. до н. э., занимали днепровские племена, сформировавшиеся на местной основе. Археологическая культура днепровских племен характеризуется своеобразным комплексом: поселения — городища с особым типом оборонительными сооружениями, наземные постройки кольевой и столбовой конструкции, слабопрофилированная и неорнаментированная керамика и особые типы вещей.

Исследования, проведенные в течение нескольких десятилетий А. Н. Лявданским, П. Н. Третьяковым и автором настоящего доклада на городищах днепровской культуры, дали обширный материал к характеристике производящего хозяйства с VIII в. до н. э. по IV в. н. э.

Подсечное земледелие и скотоводство благодаря использованию железных орудий получают дальнейшее развитие. Главная роль этих отраслей хозяйства подтверждается: 1) местом самих поселений, 2) наличием в культурном слое остатков костей домашних животных, 3) нахождением на поселениях орудий труда, связанных с земледелием, 4) присутствием в культурном слое зерен выращиваемых злаков, находками пыльцы выращиваемых культур и других растений — спутников земледелия.

Подсечное земледелие с очисткой огнем участков от срубленного леса приводило часто к лесным пожарам, а все вместе — к увеличению открытых площадей и образованию вокруг поселений окультуренных пространств. Споро-пыльцевые анализы из культурного слоя городищ, датируемых серединой I тыс. до н. э., подтверждают наличие гарей и открытых пространств, так как дают пыльцу таких растений как кипрей, полынь, гречишные, подорожниковые. Материалы раскопок 1987—88 гг. на городище Буяново в Смоленском Поднепровье в слоях пожарниц, датируемых радиоуглеродным методом IV—I вв. до н. э., дали большие скопления обуглившегося зерна: комки и отдельные зерна проса, массу зерен пшеницы и ячменя. Споро-пыльцевые анализы из слоев VII—IV вв. до н. э. других городищ дополнительно говорят о возделывании льна. К середине I тыс. н. э. в земледельческих культурах на рассматриваемых пространствах закрепляются еще рожь и конские бобы. Набор выращиваемых культур дает основание говорить о преимущественно яровых посевах.

Исходя из находок земледельческих орудий в более южных районах Верхнего Поднепровья, не исключается, что около рубежа н. э. для обработки почвы уже используются деревянные

рало и тягловая сила скота, начинается переход к другому типу земледелия.

Главную роль в мясном питании населения днепродвинской культуры играло скотоводство. Статистика костей домашних животных и диких животных, добываемых из-за мяса, показывает такое соотношение: 76,8% — домашних, 23,2% — диких. На конкретных памятниках в зависимости от окружающих природных условий могут быть отклонения. Заметно возрастание роли домашних животных от нижних слоев поселений к верхним: Федотково — от 42,8% до 56,5%, Наквасино — от 50 до 61%, Демидовка — от 82% до 87%.

Остеологический материал дает некоторое представление о соотношении между отдельными видами разводимых животных. В среднем оно таково: крупный рогатый скот — 37%, свиньи — 31%, мелкий рогатый скот — 16,2%, лошади — 14,4%, собаки — 1,4%. При этом происходило некоторое увеличение количества крупного рогатого скота от середины I тыс. до н. э. к I в. н. э.

Таким образом, имеющиеся материалы позволяют составить некоторое представление как о производящем хозяйстве днепродвинских племен раннего железного века, так и о воздействии человека на окружающую природу и первые этапы формирования культурного ландшафта в северной части Верхнего Поднепровья.

КРУПНЫЙ ЦЕНТР БРОНЗОЛИТЕЙНОГО РЕМЕСЛА СКИФИИ VII—III ВВ. ДО Н. Э.

Б. А. Шрамко, Л. П. Грубник-Буйнова

Изделия из бронзы являются одним из самых распространенных видов находок на всей территории степной и лесостепной Скифии, но крупных центров бронзолитейного производства известно мало. Многолетние раскопки на Бельском городище позволили получить здесь самый полный комплекс остатков, характеризующих бронзолитейное ремесло местного населения в VII—III вв. до н. э. На городище найдены бронзоплавильные печи, слитки свинца, олова, меди, бронзы, куски медной руды, предназначенный для переплавки лом цветных металлов, бронзолитейные шлаки, полуфабрикаты и различные готовые изделия, начиная от наконечников стрел и украшений и кончая большими котлами на одной ножке. Также разнообразны орудия бронзолитейщиков: льячки, тигли, литейные формы разных типов, абразивы, напильник.

Для выяснения особенностей местного производства был проведен количественный спектральный анализ 159 образцов из находок на Бельском городище. Сюда вошли 66 металлургических остатков (слитков, выплесков, корольков металла из тиглей и шлаков, обломков литков) и 93 изделия. Полученные данные были обработаны методом математической статистики. Комбинированное изучение гистограмм и корреляционных графиков проведено с учетом влияния примесей на изменение механических свойств сплава. Установлены границы искусственного введения лигатур: для олова, цинка, мышьяка от 1%, сурьмы 0,8%, свинца 0,3%. Содержащиеся в разных концентрациях примеси естественного происхождения (висмута, серебра, никеля, кобальта, марганца, золота, железа) попали в бельские бронзы в процессе плавки сырья. В ходе исследований использовались также данные металлографических анализов бронз.

Исследованный материал позволил выделить 7 металлургических групп. Наиболее представительными оказались оловянисто-свинцовые (65 экз.), свинцовистые (50 экз.), оловянистые (25 экз.) сплавы. Реже встречаются медь (7 экз.), цинковистый сплав (4 экз.), многокомпонентные оловянисто-свинцовисто-сурьмянистые (6 экз.) и оловянисто-свинцово-мышьяковистый (2 экз.) сплавы. Сравнение слитков, заготовок, корольков из тиглей и бракованных вещей с готовыми изделиями указывает на местное производство тех находок, в состав которых не входит в повышенных концентрациях сурьма. Следовательно, бельские ремесленники использовали до 6 типов сплавов, бывших в этот период широко распространенными на юге Восточной Европы.

С середины V в. до н. э. в бронзах Бельского городища резко увеличивается примесь свинца, достигая 30% и более. Примерно треть бельских находок содержит незначительную примесь цинка, но латунные сплавы встретились лишь в четырех случаях (в двух изделиях и в двух слитках со шлаком). Немногочисленной оказалась группа оловянисто-свинцовисто-мышьяковистой бронзы. Повышенная, характерная для северокавказского металла, примесь мышьяка обнаружена лишь в заготовке и обломке браслета. Для отливки наконечников стрел в ранний период (VII—нач. VI вв. до н. э.) бельские мастера использовали преимущественно оловянисто-свинцовистые и оловянистые бронзы. В поздних наконечниках количество свинца резко увеличивается. Большие котлы делались обычно из свинцовистой бронзы, реже использовали практически чистую медь. Добавка олова обнаружена лишь в образце, связанном с ремонтом ножки котла.

Имеющийся в настоящее время материал позволяет говорить об использовании местными ремесленниками сырья, которое про-

исходило из разных источников: северокавказского (в раннее время), Волго-Уральского (еленовско-ушкаттинская и волго-камская химические группы по Е. Н. Черных), балкано-карпатского.

Импортные изделия из цветных металлов немногочисленны. К ним можно отнести 6 коротких трехлопастных базисных накопечников стрел VI—V вв. до н. э., отлитых из сплава с сурьмой, булавку чернолесского типа из оловянистой бронзы с повышенным содержанием никеля и кобальта, подвеску подгорцевского типа в виде колокольчика из оловянисто-свинцовой бронзы.

В целом Бельское городище (геродотовский город Гелон) выступает как один из самых крупных центров бронзолитейного ремесла не только в Лесостепи, но и во всей Скифии. Есть основания полагать, что продукция этого центра распространялась далеко за его пределами.

КУЗНИЦА БЕЛЬСКОГО ГОРОДИЩА

И. Б. Шрамко

В письменных источниках сведения о кузнечном ремесле в Скифии практически отсутствуют. Находки готовых изделий, а на ряде поселений и инструментов для обработки железа (кузнечные и слесарные зубила, пробойники, молотки и т. д.), не дают все же полного представления об организации и технологии кузнечного производства. Находки целых комплексов, раскрывающих особенности местной обработки железа, чрезвычайно редки и заслуживают особого внимания.

К таким комплексам относятся, например, горн бронзолитейщика и кузница на Каменском городище (Граков, 1954), две печки для цементации железа, найденные на Люботинском городище (Шрамко, 1966) и на городище у с. Полковая Никитовка (Моруженко, 1988). Последние дают представление о разных способах цементации: в глиняных горшках и в ямах. Большой интерес представляет также кузница скифского времени, обнаруженная при раскопках 1975—1976 годов на Бельском городище (Шрамко, 1976, 1977). Опубликованные сведения о ней пока ограничиваются краткими предварительными сообщениями.

Остатки кузницы зафиксированы в раскопе № 26, расположенном в южной части Восточного укрепления Бельского городища, где имелись мастерские и других ремесленников (Шрамко, 1973, 1987; Радзиевская, Шрамко, 1980). В северо-восточной части раскопа на глубине 40 см находилось основание кузнечного горна, сделанного из глины и обожженного. Округлый под

толщиной 5—7 см сохранился хорошо, а верхняя часть боковых стенок была частично разрушена при распашке. Горн не имел свода, а был с боков ограничен толстыми (до 8 см) округленными в верхней части стенками. Диаметр основания неправильно округлой формы около 65 см. Под и стенки с внутренней стороны сильно обожжены. Особенно сильная прокалинность наблюдалась в центре и в юго-восточной части горна, где заметна коническая выемка, предназначенная для укрепления сопла. Низкое горизонтальное расположение углубления для сопла позволяет предполагать, что воздуходувные меха находились прямо на земле и приводились в движение ногами.

На глиняном поде горна и вокруг него на полу кузницы встречались остатки древесного угля, зола, кузнечные шлаки. К северо-востоку от горна находились две наковальни: одна (из гранита) была частично поломана, другая (из кварцита) сохранилась целиком. Кварцитовая наковальня имела размеры: длина 61,5 см, наибольшая ширина 32 см, высота 16,5 см. Рядом с ней найден специализированный точильный камень из песчаника. Наковальня отличается массивностью и имеет специальный выступ, на котором было удобно гнуть заготовки. Поверхность наковальни покрыта окислами железа.

На месте расположения кузницы и около нее найдены готовые изделия из железа, полуфабрикат в виде заготовки для ножа, а также отходы кузнечного производства: обрубки железных стержней и пластинок. Кроме того, вблизи кузницы обнаружены куски губчатого, непрокованного кричного железа со шлаком, железные шлаки, обломки шлака с приставшими к ним частями стенок сыродутного горна. Остатков самих сыродутных горнов в раскопе нет. Видимо, они находились где-то в другом месте, возможно даже за пределами городища и были связаны с участками, где работали металлурги. В найденной мастерской, кроме чисто кузнечных операций по изготовлению разнообразных орудий труда и оружия, производилась только обработка криц, получаемых от металлургов.

Кузница, как и другие постройки на Бельском городище, была деревянной и не сохранилась. Примерные размеры ее можно определить по насыщенному древесным углем и золой участку пола. Это пятно имело прямоугольную конфигурацию и охватывало площадь около 30 м².

Предварительно по стратиграфическим данным комплекс датировался концом V—IV вв. до н. э. Изучение амфорных фрагментов, найденных на этом участке (определения И. Б. Брагинского), позволяют уточнить датировку и ограничить время существования кузницы V в. до н. э.

МОРФОФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ДРЕВНОСТЕЙ

Ю. Л. Шапова

Новизна предлагаемого подхода к изучению древностей заключена в новом понимании вещей. Вещь понимается как конструкция, составленная из некоторого числа конструктивных элементов. Конструктивный элемент—это такая часть предмета, которая, будучи его принадлежностью, может различаться размерами, формой и местом расположения.

Из рассмотрения древних вещей с точки зрения их конструкции следует вывод, что число конструктивных элементов конечно, а их формы и тем более комбинации форм — бесконечны.

Конструкция предмета может стать основанием общей классификации целой категории. Например, сосуды, форма которых не расчленена на части, могут считаться конструктивно простейшими. Сосуды с развитыми частями основного объема — простыми, а те, к которым присоединены дополнительные элементы, поддоны, ручки, ножки, носик—усложненными, сложными и сложнейшими.

На столь высоком уровне организации данных становится очевидной главная линия развития сосудов, или филогенез: от простого к сложному. На том же основании удалось проследить частный случай развития сосудов в отдельных регионах в отдельные эпохи, онтогенез. Последний подчиняется тем же законам, что и филогенез.

Морфология как наука о форме, конструкции и взаимном расположении частей предмета, приложенная в полном объеме к изучению древностей, позволяет формировать морфофункциональные группы вещей. Морфология и конструкции функций вещей связаны между собою. Морфологически простые конструкции приспособлены для исполнения разных функций, они просты в употреблении и в изготовлении. Усложнение морфологии — один из многих путей эволюции.

Несмотря на общую закономерность в эволюции, от простого к сложному, замечено, что сложные конструкции никогда полностью не вытесняют простые и даже простейшие. Все эволюционные шаги сохраняются, для каждого эволюционного шага находится достойная «социальная» ниша, для которой свойства конструкции являются оптимальными.

Эволюция конструкций сосудов (и в равной степени других категорий) развертывается в связи с развитием предмета труда, материалов, в зависимости от эволюции в технологии изготов-

ления и общего уровня производственно-экономического и культурно-исторического развития.

Новизна предлагаемого подхода заключена в возможности представить информацию о древнем вещном мире на самом высоком уровне обобщения и классификации. Существует множество разрозненных регионально-хронологических классификаций разных археологических категорий. Острая нужда в общей классификации остается неудовлетворенной. Общая классификация могла бы выявить не только очевидные тенденции в эволюции, но и ее темпы, циклы и так называемые углы поворота эволюции.

Другими словами, общая классификация предоставила бы в распоряжение археологии новые возможности и перспективы в изучении древнейших эпох.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ ПУТЕЙ ЭВОЛЮЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР ЭПОХИ БРОНЗЫ ВОЛГО—УРАЛЬЯ

В. С. Горбунов

1. В лексиконе археологической науки термин «эволюция» рассматривается практически в единственном смысле, соответствующем понятию «историческое развитие». И это, естественно, вполне обоснованно. Вместе с тем эволюция представляет собой более многообразное явление. Поэтому в тезисной форме предлагается рассмотреть некоторые новые подходы к существу эволюционных процессов, которые просматриваются на археологических материалах.

2. Еще в 20-е годы известный советский биолог А. А. Любищев выделил и обосновал четыре основных формы проявления эволюции: 1) эволюция — постоянство; 2) эволюция в форме преформации (развертывание зачатков, уже имевшихся ранее) — эпигенез (развитие с новообразованием); 3) эволюция — революция; 4) эволюция — эманация (регрессивное развитие). Несмотря на то, что он рассматривал эти глубинные процессы эволюции на примере биологической организации, его идеи вполне возможно использовать для объяснения скрытых от глаза внутренних процессов общественного развития. Применительно к оценкам древностей эпохи бронзы Волго—Уралья данный подход расширяет спектр процессов, которые возможно рассматривать в русле эволюции. Более того, он диалектизирует сущность отдельных реконструкций стадийных процессов.

3. На рубеже среднего и позднего бронзового века наблюдалось проявление эволюции в форме: эволюция (преформация) — эпигенез. В недрах археологических культур (АК) Волго-Уралья абашевской и полтавкинской культурно-исторических общностей (КИО) шло развертывание зачатков, уже имевшихся ранее. Кроме того, ускорению процессов накопления новых количественных признаков способствовало воздействие пограничных АК и КИО, а также общестадийных тенденций. Формирование Евразийской металлургической провинции (по Е. Н. Черным) совпало с распадом и полтавкинской, и абашевской КИО и созданию на их базе принципиально новых историко-культурных образований (популяции петровского, сейминско-турбинского, покровского, раннесрубного, «потаповского», «ветлянского» и др. типов). При кажущемся различии, которое наиболее ярко проявляется в своеобразии керамики, их объединяет множество общих черт в материальной культуре и погребальном обряде. Следовательно, можно предположить, что интеграционные начала лежат в области генетического родства и сходства моделей хозяйственно-культурного типа (ХКТ), характеризующегося доминированием скотоводческого экстенсивного хозяйства.

4. С начала позднего бронзового века революционный путь эволюции постоянно переходит к модели «эволюция — постоянство», что совпадает с периодом стабилизации, установленным Е. Н. Черным. Вместе со стабилизацией ХКТ известное единство наблюдается и в наличии общих религиозно-идеологических установок. В системе унифицированной срубно-алакульской КИО отмечается образование западного (срубного) и восточного (алакульского) блоков культур.

5. Таким образом, эволюционными процессами были охвачены все составляющие этно-культурных и культурно-исторических процессов: хозяйство, социальное устройство, религиозные и идеологические установки, этногенез на уровнях АК и КИО. Протекли эти процессы неоднозначно и отражались по-разному в разных видах эволюции. Так, для ХКТ в большей мере была характерна модель «эволюция — постоянство». Во всех других сферах (идеология, этногенез и др.), преобладала, очевидно, тенденция проявления механизма «эволюция (преформация) — эпигенез».

СРУБНАЯ КУЛЬТУРА ЛЕВОБЕРЕЖНОГО ПРЕДСТЕПЬЯ УКРАИНЫ

И. Ф. Ковалева

В современной физико-географической характеристике изучаемый район соответствует южному пограничью Лесостепи, что позволяет применить к нему введенный В. В. Докучаевым термин «Предстепье». На севере он ограничен р. Ворсклой с ее верхними притоками, на западе — долиной Днестра, на востоке — средним течением Северского Донца, южная граница проходит по левому берегу р. Самары. Развитая гидросистема обеспечивала широкую возможность широтных перемещений, приуроченных к пограничью двух природных зон (Мерперт, Пряхин, 1979).

Палеогеографические условия, привлекаемые для реконструкции естественной среды изучаемого периода, обосновываются как на общих закономерностях циклических изменений климата, так и на изучении стока Днестра за последние 4124 года (Швец, 1978; Раунер, 1981), палинологии (Артюшенко, 1970; Бучинский, 1963; Шнитников, 1969), а также погребенных почв под срубными курганами (Золотун, 1974; Иванов, 1985). Распространение в Предстепье культур многоваликовой керамики (КМК) и срубной (СК) приходится на короткий интервал XV—XIV вв. до н. э. с оптимальным увлажнением на фоне возрастающей аридности суббореального периода. Топография памятников и характер хозяйства рассматриваемых культур подтверждают предлагаемую схему с учетом возрастающего воздействия антропогенного фактора.

Источниками выделения и изучения срубной культуры Предстепья явились авторские раскопки более 1000 курганных погребений и около 20 поселений, что выводит район в число наиболее полно исследованных. Наблюдения и выводы изложены в ряде публикаций (Ковалева, 1978; 1981; 1987 и др.) и получили отражение в коллективной монографии (Березанская, Отрошенко, Чередищенко, Шарафутдинова, 1986). Именно на материалах Предстепья обоснован новый подход к вопросу о сложении срубной культуры лесостепной Украины на местной основе культуры многоваликовой керамики, что находит подтверждение в генетическом наследовании основных черт погребального обряда, инвентаря, форм хозяйства, социальной организации и идеологии (Ковалева, 1981; 1988). Практически совпадают форма и размеры могил, устройство деревянных гробниц, организация подкурганного пространства, размещение в нем тризны и ритуальных

кострищ, поза раннесрубных погребений на снине, разнонаправленность рук, эволюция ориентации с ЮВ, характерной для поздней КМК, на В и СВ, частичное трупосожжение, обычай меловой и зольной подсыпки на дне могил, присутствие в ранних погребениях СК костяных овальных двудырчатых пряжек, сосудов индивидуального пользования — плошек, типологическое сходство деревянных сосудов, присутствие в керамике обеих культур сосудов трехчастного профиля, широкое распространение валиковой орнаментации и прочерченной техники. Шнуровой орнамент, преобладание которого отмечено Н. К. Качаловой и др. авторами и объясняется С. И. Берестневым влиянием позднескатакомбной лесостепной культуры, не получает распространения в Поднепровье. КМК занимает по отношению к срубной культуре Предднестрья такое же положение, как полтавкинская и ранняя абашевская в формировании срубной культуры Дону-Волжского региона.

Выделение погребений I—IV стратиграфических горизонтов позволяет проследить динамику переоформления культуры в собственно срубную и определить характер и роль миграций срубно-андроновского населения в Приднепровскую Лесостепь.

Срубная культура Донецкого бассейна не подвергалась системному изучению, о чем пишет В. В. Отрошенко (1989). По имеющимся материалам возможен вывод о значительной роли абашевской и синкретической КМК — абашевской культур в ее формировании. По мнению Н. Н. Чередниченко, срубные памятники бассейна Северского Донца стоят ближе к среднедонским, чем к днепровским (1973).

СОДЕРЖАНИЕ

О направлениях деятельности регионального совета	3
Александровский А. Л. Изменения природы в бассейне Дона и Волги в голоцене	6
Аринчина Т. Ю. Исследования Песковского могильника	8
Ахтырцев А. Б. Палеопочвенный покров юга Окско-Донской равнины и воздействие на него человека в среднем суббореале (по материалам почвенно-археологических исследований)	9
Ахтырцев Б. П., Пряхин А. Д. Палеопочвы Новоусманского кургана	11
Березуцкий В. Д. Погребальные сооружения Стояновского могильника и вопрос о применении дерева в погребениях населения Среднего Дона в скифский период	14
Беседин В. И. Основные этапы развития Мосоловского поселения срубной общности (сравнительный анализ керамики из построек)	16
Бойков А. А. Курганный могильник «Высокая Гора» на юге Воронежской области	17
Веремейчик Е. М., Коваленко В. П. Средневековый грунтовой могильник близ Чернигова	18
Винников А. З. Славяне в лесостепном Подонье (итоги исследования)	20
Воловик С. И. Исследование археологических памятников в верховьях р. Ворсклы в 1989 г.	22
Дегтярева А. Д. Технологические особенности изготовления металлического инвентаря погребения воина-колесничего из Кондрашкинского кургана	23
Дмитриев В. А. К вопросу о подкурганных захоронениях периода энеолита — ранней бронзы в лесостепи Левобережной Украины	25
Дьяченко А. Г. Хотмыжское городище	28
Екимов Ю. Г. Мельгуново-3 — многослойный памятник в верховьях Дона	30
Енуков В. В., Тихомиров Н. А. Археологические исследования древнего Курска	32
Журко А. И. Некоторые вопросы изучения истории Днепровского Левобережья в позднеримское время	34
Зайцев В. В. Охранные раскопки на посаде г. Севска	35
Кашкин А. В. Итоги работ Центрально-Черноземного отряда в Курской области	37
Килейников В. В. Экспериментально-трассологический анализ костяных рыболовных орудий неолита — ранней бронзы донской лесостепи	39
Колода В. В. Технология изготовления железоплавильных горнов салтовской культуры	40
Крыганов А. В. Раннесредневековые боевые топоры — чеканы Восточной Европы	42
Кучера М. П. Длинные валы	43
Левых Г. А. Ранняя группа погребений донской лесостепной срубной культуры	45
Лисбичев М. В. К вопросу о хронологии памятников пеньковской культуры Днепровского Левобережья	46

Матвеев Ю. П. Заключительный этап среднедонской катакомбной культуры	47
Махно Е. В., Сикорский М. И. Некоторые проблемы изучения черняховской культуры (к 140-летию со дня рождения В. В. Хвойко)	50
Медведев А. П. Итоги исследования городищ скифского времени в лесостепном Подонье	52
Михеев В. К. Средневековые могильники с обрядом кремации на территории лесостепного Подонья	53
Моисеев Н. Б. Захоронение колесничего в Пичаевском кургане	56
Моруженко А. А. К вопросу об этногеографии лесостепного междуречья Днепра и Дона в скифское время	57
Некрасова А. Н. Хронология распространения черняховской культуры в Днепровском лесостепном Левобережье	59
Обломский А. М. Памятники «зарубинецкой линии развития» на водоразделе Днепра и Дона в I—V вв. н. э.	61
Петренко Е. Н. Исследования курганов энеолита—бронзы в бассейне р. Оскол	63
Погорелов В. И. Погребения эпохи бронзы Стояновского могильника	66
Приймак В. В. Раннеславянские памятники бассейна р. Ворсклицы второй половины — конца I тыс. н. э.	67
Приходнюк О. М. К методике выделения археологических культур позднеримского времени в Днепровском лесостепном Левобережье	69
Пряхин А. Д. К оценке Мосоловского поселения металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы	70
Пузикова А. И. Работы Курской экспедиции в XII пятилетке на территории Курской и Белгородской областей	72
Разуваев Ю. Д. Памятники городищ культуры в Верхнем Подонье	74
Саврасов А. С. К вопросу об очаге металлообработки донской лесостепной срубной культуры	75
Синюк А. Т. Результаты работ экспедиции Воронежского педагогического института в 1986—89 гг.	77
Сухобоков О. В. К изучению юго-восточных окраин Киевской Руси	79
Телегин Д. Я. О южной границе распространения памятников ямочно-гребенчатой керамики	81
Терпиловский Р. В. Славянские памятники в поречье Ворсклицы	83
Тропин Н. А. Древнерусские памятники XIII—XIV вв. на р. Пальня	85
Узянов А. А. Керамический комплекс роменской культуры: подходы к хронологической диагностике	87
Фролова А. И. Локализация хронологических вариантов пальчатых фибул VI—VII вв. на территории Среднего Поднепровья	89
Цыбин М. В. К вопросу о бродниках (историко-археологический аспект)	91
Чендев Ю. Г. Антропогенное изменение лесостепных почв Центрально-Черноземного района в XVII—XIX вв.	93
Чендев Ю. Г., Шатохин И. Т. Антропогенное преобразование лесов в лесостепной части Днепровского Левобережья (по материалам XVI—XX вв.)	96

Чмыхов Н. А. О времени появления первых индоевропейцев и начале индоевропеизации Центрально-Черноземных областей РСФСР	98
Шатохин И. Т. Описание (1669 г.) стольника П. В. Зинovieва как источник для исследования укреплений юго-западного фаса Белгородской черты	99
Шинаков Е. А. К вопросу о естественных и антропогенных границах Стародубского ополья в конце X—XIII вв.	101
Шмидт Е. А. Производящее хозяйство племен раннего железного века в Верхнем Поднепровье	102
Шрамко Б. А., Грубник-Буйнова Л. П. Крупный центр бронзолитейного ремесла Скифии VII—III вв. до н. э.	104
Шрамко И. Б. Кузница Бельского городища	106
Шапова Ю. Л. Морфофункциональный подход к изучению древностей	108
Горбунов В. С. Некоторые проблемы оценки путей эволюции археологических культур эпохи бронзы Волго—Уралья	109
Ковалева И. Ф. Срубная культура Левобережного Предстепья Украины	111

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОМ ЧЕРНОЗЕМЬЕ В ДВЕНАДЦАТОЙ ПЯТИЛЕТКЕ

Ответственный за выпуск В. В. Бычковский
Редактор А. П. Скворцова
Технический редактор М. И. Книгина
Корректор И. И. Савкина

Подписано в печать 10.2.90. Формат 60х84 1/16. Бумага типографская. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 5,5. Уч.-изд. л. 5,5. Тираж 200. Заказ 26. Изд. № 2. Бесплатно.

РИО Упрполиграфиздата, Белгород, ул. Попова, 25 а
Ракитянская типография